

Проф. Д. Н. БЪЛИКОВЪ.

П Е Р В Ы Е

РУССКІЕ КРЕСТЬЯНЕ-НАСЕЛЬНИКИ

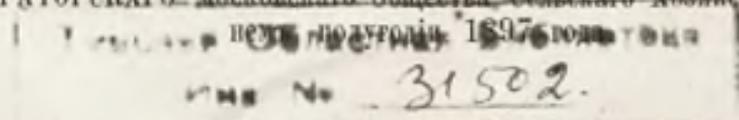
ТОМСКАГО КРАЯ

и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта.

(Общій очеркъ за XIII и XVIII столѣтія)

Съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 г.

Изъ серіи публичныхъ лекцій, организованныхъ Томскимъ Отдѣломъ
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ осен-

ТОМСКЪ.

Типо-литографія М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовскаго.

1898.

Дозволено цензурою. Томскъ, 25 іюня 1898 года.

Первые русскіе крестьяне-населенники Томскаго края и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта.

(Общій очеркъ за XVII и XVIII столѣтія).

Проф. Д. Н. Бѣликова.

Въ 1604 году въ центрѣ обширной Сибирской страны на правой сторонѣ р. Томи при впаденіи въ нее рѣчки Ушайки трудомъ и энергіей завоевателей Сибири основалось новое русское поселеніе, названное сначала Томскимъ острогомъ, а затѣмъ вскорѣ переименованное въ Томскій городъ. Образовался чрезвычайно важный стратегическій пунктъ, подъ прикрытіемъ котораго должно было, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, совершаться заселеніе русскими населенниками огромнаго Томскаго края.

Прежде всего этотъ пунктъ далъ отъ себя развѣтвленія въ видѣ другихъ военно-укрѣпленныхъ мѣстъ, разбѣянныхъ по рр. Томи и Оби. Въ 1617 г. Томскіе служилые люди при содѣйствіи своихъ собратій изъ Тобольска, Тюмени и Верхотурья построили на Томи же рѣкѣ при впаденіи въ нее Кондомы Кузнецкій острогъ, въ свою очередь переименованный также въ Кузнецкій городъ, а затѣмъ, для связи Томска съ Кузнецкомъ, поставили остроги Мунгатскій, Верхне-Томскій и Сосновскій. Остроги Уртамскій, Умревинскій, Чаусскій, Вѣллярскій были построены по р. Оби на протяженіи отъ впаденія въ нее Томи вплоть до нынѣшняго

Барнаула или пожалуй, до Бѣйска, если сюда причислить и Бѣйскую крѣпость, построенную, впрочемъ, не въ XVII, а въ началѣ слѣдующаго XVIII стол., именно въ 1709 году¹).

Кромѣ того, служилые люди—казаки и стрѣльцы съ ихъ сотниками, пятидесятниками и десятниками оказали весьма важную колонизаторскую услугу для края тѣмъ, что, пользуясь промежутками мирнаго состоянія, выходили изъ своихъ остроговъ и въ большей или меньшей дали отъ послѣднихъ устраивали хутора или, по сибирскому выраженію, заводили заимки. Здѣсь они имѣли избы, содержали рабочій скотъ, косили сѣно и, по мѣрѣ силъ и средствъ, занимались хлѣбопашествомъ. Правительство не только ничего не имѣло противъ заимочнаго хозяйства служилыхъ людей, наоборотъ, было радо ему. Оно поощряло это дѣло и покровительствовало ему съ одной стороны потому, что видѣло въ заимкахъ новые узлы для прикрѣпленія отдаленной страны и новое средство обрусѣнія ея. Съ другой,—раздавая служилымъ людямъ, по ихъ челобитьямъ, земельные участки подъ пашни и „дворовую сельтбу“, „подъ скотинный выпускъ и подъ сѣнные покосы“, оно слагало съ себя обязанность платить указаннымъ людямъ если не денежное, то, по крайней мѣрѣ, хлѣбное жалованіе, да еще съ нихъ же нерѣдко брало за пользованіе землями по 4 или по 5 сноповъ съ сотни въ свою казенную пользу²).

Хутора или заимки, принадлежавшіе отдѣльнымъ лицамъ изъ служилаго класса при естественномъ увеличеніи ихъ се-

¹) Время основанія большинства перечисленныхъ остроговъ см. у Соловцова. Истор. Обзорніе Сибири. СПб. 1886, стр. 114—115. По Гмелину, Умривинскій острогъ построенъ также, какъ и Бѣйскъ, въ 1709 г., а Чаусскій въ 1713 г. Насколько вѣрна сообщенія Гмелина—сказать не можемъ. Gmelins Reise durch Sibirien. Gottingen. 1752. 4 Th., S. 78, 83.

²) Въ 1661 г. подалъ Томскимъ воеводамъ челобитную казачій голова Зиновій Литосовъ и въ челобитіи просилъ дать ему «дикія порозки» земли по р. Чубуру 200 десятинъ. Земля была дана въ межахъ сына—бойарскаго Ягловскаго и коннаго казака Тоялки Максима съ товарищи. См. у Вѣликова. „Старинные монастыри Томскаго края“. Томскъ, 1898. Приложение № III. —О надѣленіи служилыхъ людей земельными участками за хлѣбное жалованіе см., наприм., Акт. истор. III, № 110 и Памятки Сибир. исторіи. Ч. I, стр. 216—217.

мействъ и путемъ послѣдующихъ присоединеній сюда еще людей пришлыхъ со стороны, превращались въ поселки и деревни¹⁾). Не въ дальнихъ разстояніяхъ отъ Томска и почти по всѣмъ отъ него направленіямъ доселѣ существуютъ и развиваются деревни и села: Батурино, Вершинина, Кулаково, Саломатово, Болтовская, Аксенова, Бѣлоусова, Магадава, Протопоново, Поломошная, Крутиково, Воронина, Бѣлобородова, Понадейкино и проч. Всѣ эти селенія были основаны служилыми людьми, имена и фамиліи которыхъ встрѣчаются въ разныхъ печатныхъ и письменныхъ памятникахъ томской старины и всего больше въ старинныхъ синодикахъ, доселѣ хранящихся въ ризницахъ томскихъ церквей: соборной, мужскаго Алексѣевского монастыря и Христорождественской (Никольской). Въ бѣльшей дали отъ Томска къ тому-же разряду селеній нужно причислить дер. Былину, Серединину, села Молчаново, Кожевниково, Гутово и др.

Близъ Кузнецкаго города Кузнецкіе служилые люди завели деревни: Атаманову, Безрукову, Куртукову, и др.

Непосредственно послѣ основанія сначала Томска, а затѣмъ и Кузнецка правительство усиленно выражаетъ свою заботливость, чтобы вновь завоеванный край не пустовалъ не только служилыми людьми, но и пашенными крестьянами, необходимыми тѣмъ больше, что служилые сразу за пашню взяться не могли и хлѣбное для нихъ продовольствіе нужно было доставлять изъ далекаго Тобольска, что совершалось съ „великою нужею“ и огромными проволочками. Сразу послѣ постройки Томска его основатели Гаврило Писемской и Василій Тырковъ по царскому указу должны были „прибрать“ къ новому городу въ служилые люди и на пашню изъ Зырянъ 50 человекъ. Но вмѣсто 50 Писемской и Тырковъ нашли всего 5 человекъ, а больше „прибрать было не изъ кого“. Царское ве-

¹⁾ Казачьи занжки около Нарыма и Томска мы видимъ помѣченными и на атласѣ Ремезова.

лѣніе однако должно было быть исполнено. Въ 1605 г. исполненіе его было препоручено Верхотурскому воеводѣ Плещеву, получившему предписаніе, чтобы выслать 50 человекъ для Томской государственной службы и на Томскую пашню непременно, „прибравъ“ ихъ изъ охочихъ, гулящихъ людей. При этомъ требовалось, чтобы въ служилые люди были присланы „молодцы молодые, добрые, стрѣлять умѣющіе“. Переселенцы прибыли въ Томскъ изъ Верхотурья чрезъ Сургутъ на средства изъ государственной казны¹⁾. Несомнѣнно, такія-же присылки повторялись не разъ и въ послѣдующіе ближайшіе годы. Въ 1620-хъ годахъ пашенные крестьяне упоминаются не только около Томска, но и близъ Кузнецка, построеннаго, какъ упомянуто, въ 1617 г.²⁾.

Въ концѣ 1631 г. изъ Москвы пришло въ Верхотурье къ воеводѣ Вояшеву новое повелѣніе: послать въ Томскъ и Томскаго разряду въ остроги Верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ въ количествѣ 100 хозяевъ — „добрыхъ, заводныхъ, семьянистыхъ, — лучшихъ людей“, выдавъ имъ въ подмогу на переселеніе по 10 руб. на семью. Побужденіемъ къ переселенію служило то указанное въ грамотѣ обстоятельство, что въ Томскомъ разрядѣ пашенныхъ крестьянъ и пахоты было еще мало, а около Верхотурья и вообще въ мѣстностяхъ Тобольскаго разряда „крестьянъ уже довольно и хлѣбная пахота учала быть большая и хлѣбъ родился добрый“.

Интересно, какъ отнеслись къ изложенному распоряженію Верхотурскіе крестьяне. Прослышавъ о предстоящемъ переселеніи, они увидѣли въ немъ ссылку, — ссылку страшную въ отдаленный глухой, невѣдомый край, и ударились въ бѣга. Бѣжали въ лѣсныя мѣстности по рр. Камѣ и Уфѣ, а также въ острожки и деревни, принадлежавшія Строгановымъ, гдѣ съ выгодой для себя ихъ укрывали Строгановскіе прикащики.

¹⁾ Акты истор. II, № 52.

²⁾ См. наказъ Кузнецкому воеводѣ Годенищеву — Кутузову. — Акты истор. т. III, № 135.

Бѣгства умножились до такой степени, что заставили воеводу пріостановиться исполненіемъ царскаго указа и послать къ крестьянамъ сына—боярскаго Андрея Перхова для уговоровъ, чтобы „сылки не боялись и жили на старыхъ мѣстахъ попрежнему“¹⁾. Тѣмъ не менѣе изъ Москвы настаивали, что если нельзя отъ Верхотурья отправить къ Томску 100 человекъ, то препроводили-бы 80 или, по самой меньшей мѣрѣ, 50 хозяевъ.—Было отправлено 80 хозяевъ съ женами и дѣтьми и со всеѣмъ пашеннымъ заводомъ²⁾.

Этихъ крестьянъ, какъ и ихъ предшественниковъ по переселенію, мы должны назвать государевыми крестьянами, такъ какъ они посланы были къ Томску на царскую десятинную пашню, что значило, что за свой земельный надѣлъ каждая крестьянская семья должна была обрабатывать въ пользу казны на разныя мѣстные потребности по крайней мѣрѣ одну десятину. Изъ дальнѣйшихъ, несомнѣнно, много разъ повторающихся присылокъ въ занимающій насъ край государевыхъ крестьянъ мы знаемъ только двѣ, имѣвшія мѣсто уже во второй половинѣ XVII вѣка. Именно, въ 1668 г.³⁾ и въ 80-хъ годахъ этого же столѣтія. Въ послѣднемъ случаѣ изъ Россіи были отправлены на пашни около Уртамскаго (на Оби) острога дворцовые крестьяне, для которыхъ въ названномъ острогѣ царица Софья Алексѣевна построила церковь во имя Вознесенія Господня и отъ себя наградила этотъ далекій отъ Москвы храмъ утварью, книгами и колоколами⁴⁾. Мучительная тоска по родинѣ, неизбежная въ душевномъ состояніи каждаго переселенца, по волѣ тѣхъ или иныхъ судьбъ очутившагося въ странѣ чужой и далекой, у перваго насельника Томскаго края должна была значительно умѣ-

¹⁾ Акты истор. III, № 172.

²⁾ Тамъ-же, № 179.

³⁾ Соловцовъ. Истор. обзоръ о Сибири С.П.Б. 1886 ч. I, стр. 114.

⁴⁾ Это извѣстіе мы почерпнаемъ изъ доношенія Томскаго дворянина Соболевскаго въ Томскій Алексѣевскій монастырь «къ заказнымъ дѣламъ» отъ 1733 г.—Архивъ Томскаго Алексѣевскаго Монастыря. Связка 15.

риться. Она должна была много потерять въ своей болѣзненной остротѣ оттого, что пришлецъ встрѣчалъ въ новыхъ мѣстахъ природу нетронутую, находилъ поля тучныя, способныя къ обильному плодородію, — тому плодородію, которое такъ восторженно описывалъ извѣстный сибирскій историкъ Миллеръ¹⁾.

Край далекій, но дѣвственный и хлѣбородный, началъ привлекать къ себѣ и самовольныхъ пришельцевъ. То были гулящіе люди и съ ними люди бѣглецы. Гулящимъ чело-вѣкомъ въ древней Руси назывался крестьянинъ, не прикрѣпленный къ государству тяглою или къ вотчиннику службой или работой. Это былъ вольный чело-вѣкъ, который могъ бродить по широкой Руси, отыскивая тамъ или здѣсь свое крестьянское счастье, то или другое, на его взглядъ, лучшее для своего поселенія мѣсто, связанное затѣмъ уже съ неизбежнымъ прикрѣпленіемъ. Западныя части Сибири были заселяемы на первый разъ преимущественно охочими изъ гулящихъ людей. По завоеваніи томской страны, гулящіе стали проникать и сюда, осаживаясь здѣсь или прямо на пустыхъ мѣстахъ, или предварительно приставая къ хутору казака, двору государева крестьянина въ качествѣ половника или захребетника²⁾.

Нужно замѣтить, что въ то давнее время гулящіе могли найти для осѣлости много простора и на этомъ просторѣ много добрыхъ земель и въ предѣлахъ Европейской Россіи, особенно по ея восточнымъ и южнымъ окраинамъ. Но мы видимъ, что многіе изъ людей указанного названія съ упорствомъ

¹⁾ Muller, Sammlung Russische Geschichte, B. 8. Въ царской грамотѣ Томскому воеводѣ Вельяинову отъ 1670 г. сказано, что, по сказкамъ служилыхъ людей, „хлѣбъ родится въ Томскомъ и Кузнецкомъ лучше Тобольскаго“. Истор. Акты собран. Инок. Кузнецовымъ. Вып. I, 1890 г. Томскъ. № 16.

²⁾ Мы имѣемъ предъ собою копію съ веренисныхъ книгъ крестьянъ Томскаго и Кузнецкаго монастырей. Копія написана въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Но и въ это время нѣкоторые изъ домовитыхъ крестьянъ еще имѣли при себѣ захребетниковъ. Такъ, въ копіи значится: „половникъ Климентъ Созоновъ, у него на подворьѣ Аванасій Сторожевъ, — у Сторожева дѣти: Петръ, Тимофей, Федоръ Яковлевъ Хонжинъ..., у него живетъ половникъ Созонъ Семеновъ, у него сынъ Яковъ“ и т. д.

стремится въ Сибирь и движутся по ней, не страшась никакой дали. Упорство заставляетъ предположить, что очень часто подъ именемъ гулящихъ шли въ Сибирь и селились въ ней бѣглецы изъ тяглыхъ людей, убѣгавшихъ или отъ нищеты, или отъ холоной доли, или отъ кнута и плетей за содѣянное преступленіе¹⁾.

Повторяемъ одновременно и рядомъ съ дѣйствительными или мнимыми гулящими текли въ нашъ край воднымъ путемъ и сушею и тѣ бѣглецы, которые назывались такъ на официальномъ языкѣ. Прослѣдить въ подробностяхъ движеніе вольно-народной колонизаціи въ Томско-Кузнецкой странѣ трудно вообще, а за XVII вѣкъ едвали и возможно и за недостаточей документовъ, и затѣмъ, что во многихъ случаяхъ оно не могло быть занесено въ документы, такъ какъ совершалось скрытно, шло въ сторонѣ отъ начальственныхъ глазъ. Передадимъ намъ извѣстные случаи.

Около 1646 г. былъ большой недородъ хлѣба въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Европейской Россіи, и „государю вѣдомо учинилось, что съ Руси съ поморскихъ городовъ: съ Устюга Великаго, съ Соли Вычегодской, изъ Перми, съ Вятки, съ Кевроли, съ Мезени и изъ иныхъ русскихъ городовъ, съ посадовъ и уѣздовъ сошли въ Сибирь посадскіе и многіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду и бѣдности—съ женами и дѣтьми съ своихъ тяглыхъ жеребьевъ и начали жить въ сибирскихъ городахъ и уѣздахъ на церковныхъ земляхъ и за дѣтьми—боярскими, за подъячими и за всякими служилыми людьми на нашихъ во крестьянѣхъ и въ половникахъ и у ямщиковъ и пашенныхъ крестьянъ въ захребетникахъ, и денежнаго и хлѣбнаго оброку въ государеву казну не платять“. Ихъ велѣно было сыскать, переписать и оставить здѣсь-же въ Сибири съ тѣмъ только условіемъ, что-

¹⁾ Такую догадку находимъ у Буцискаго. Заселеніе Сибири. Харьковъ. 1889, стр. 217 и дал.

бы были сведены въ пашенные крестьяне на государеву пашню, дабы „никто въ избылхъ не былъ¹⁾“.

Такое-же массовое бѣгство въ Сибирь и изъ уѣздовъ тѣхъ-же поморскихъ городовъ повторилось въ 1670 г.,—повторилось до такой степени усиленно, что „въ уѣздахъ Устюжскомъ и Усольскомъ стала великая пустота²⁾“.

Что многіе изъ этихъ поморскихъ бѣглецовъ достигли отдаленныхъ Томска и Кузнецка—это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Ставимъ такъ смѣло свое заключеніе, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

1) Уѣзды болѣе западныхъ частей Сибири въ то время были уже достаточно заселены, а бѣглецы, конечно, не всегда хотѣли оставаться на чужихъ земляхъ въ положеніи половниковъ и захребетниковъ.

2) Въ уцѣлѣвшихъ печатныхъ и письменныхъ памятникахъ томской старины крестьяне изъ Устюга, Соль-Вычегодска, Кайгорода, Яренска, Вятки встрѣчаются постоянно и особенно часто упоминаются они уже въ названныхъ старинныхъ томскихъ синодикахъ.

3) Доселѣ крестьяне Томскаго и Кузнецкаго округовъ высоко чтутъ праздникъ 8 іюля. Они чтутъ его не потому, что это праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, а потому, что то Проконіевъ день, т. е. день преп. Проконія Устюжскаго, считающагося покровителемъ всего Вологодскаго края.

Въ самомъ началѣ 1660-хъ годовъ въ русскихъ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ среднему протяженію Уральскаго хребта, произвели огромный разгромъ Башкирцы, враждебно вторгавшіеся сюда не разъ прежде и послѣ. Въ погромѣ, о которомъ говоримъ, враги у пашенныхъ крестьянъ животы пограбили и многихъ изъ людей убили. Между прочимъ Башкирцы произвели тогда нападеніе на монастыри Спасскій на р. Сыл-

¹⁾ Доп. къ Актамъ истор. т. III, № 14.

²⁾ Доп. къ Акт. истор. VI, № 19.

въ, Невьянскій и Далматовъ¹⁾). Разгромъ до такой степени напугалъ и опустошилъ крестьянъ, что многіе изъ нихъ оставаться въ тѣхъ мѣстностяхъ болѣе не захотѣли,—бѣжали глубже въ Сибирь и дошли до Томска.

Вотъ сюда относящійся любопытный документъ, найденный нами въ архивѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря. Въ сентябрѣ 1663 года явились въ Томскую Приказную Палату и подали воеводамъ Бутурлину и Поводову челобитіе крестьяне Тимошка Степановъ, да Мартышко да Андронко Степановы-же, да Ероѣйка и Юрка Петровы и многіе др. Въ челобитной было написано, что пришли съ Исети отъ Далматова монастыря, гдѣ въ прошломъ году развоевали ихъ Башкирцы, съ погрому они остались съ женами и дѣтьми наги и босы, прибрели въ Томскъ и питаются здѣсь Христовымъ именемъ, бродя межъ дворовъ.—Просили воеводъ дать имъ дозволеніе записаться во крестьяне за Алексѣевскимъ монастыремъ. Дозволеніе не замедлило послѣдовать, и строитель Алексѣевской обители, старецъ Исаія, снабдивъ пришельцевъ всѣмъ необходимымъ для крестьянскаго обзаведенія, поселилъ ихъ на монастырской землѣ по р. Пачѣ и тѣмъ положилъ начало самой главной монастырской вотчинѣ въ с. Пачинскомъ²⁾).

Спустя 10 лѣтъ, тотъ-же монастырь прибралъ прихожихъ людей въ лицѣ крестьянъ Давыдовыхъ съ племянники и товарищи и поселилъ ихъ на своемъ Иштанскомъ участкѣ³⁾). Братья Давыдовы съ товарищи были изъ гулящаго класса. И вообще гуляціе и бѣглецы во второй половинѣ XVII в. заходили въ нашъ край такъ нерѣдко, что къ 1682 г. монахи названнаго монастыря набрали изъ нихъ для себя крестьянъ въ количествѣ уже нѣсколькихъ десятковъ дворовъ и, кромѣ Пачинской и Иштанской, завели еще двѣ деревни: Шегарскую по р. Шегаркѣ, впадающей въ Обь и Таймен-

¹⁾ Допол. къ акт. истор. VI. № 124, 138.

²⁾ См. у Вѣликова: «Старинные монастыри Томскаго края», стр. 17.

³⁾ Тамъ-же, стр. 17.

скую по р. Тайменкѣ, впадающей въ Томь. Немало въ то же время крестьянскихъ дворовъ собралось и у мужскаго Христорождественскаго монастыря, находившагося вблизи Кузнецкаго города¹⁾.

Къ концу XVII стол. наплывъ въ Сибирь бѣглыхъ пришельцевъ увеличился еще больше. Онъ умножился тѣми людьми, которыхъ изгоняла изъ Руси не матеріальная нужда и не стремленіе уклониться отъ тягла, а вытѣсняли причины, лежащія въ высшей сферѣ духовныхъ интересовъ. Послѣ 1667 года старообрядческій расколъ окончательно отдѣлился отъ церкви и подвергся преслѣдованію. Мѣры гражданскаго преслѣдованія, усиливаясь постепенно, завершились, наконецъ, изданіемъ строжайшихъ постановленій царевны Софьи Алексѣевны. Постановленія обрекали на сожженіе въ срубѣ всякаго раскольника, который сталъ-бы открыто хулить церковь, произвелъ-бы въ народѣ мятежь или соблазнъ и остался-бы нераскаяннымъ, --равнымъ образомъ „раскольника“, который-бы снова ушелъ въ расколъ послѣ предшествующаго обращенія. Тотъ-же законодательный актъ опредѣлилъ смертную казнь расколоучителямъ, изблеченнымъ въ перекрещиваніи и самимъ перекрещеннымъ, если-бы не захотѣли возвратиться въ православіе, —битье кнутомъ и вмѣстѣ ссылку въ дальние города уличеннымъ въ тайной принадлежности къ расколу или только укрывавшимъ у себя раскольниковъ безъ объявленія о нихъ по начальству²⁾.

Въ виду этихъ не только грозныхъ, но прямо кровавыхъ статей раскольники кинулись въ лѣса на пустынное жительство. Но и въ лѣсныя дебри добирались сыщики, которымъ вѣрно было смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣ-

¹⁾ См. выше цитованную копію съ переписныхъ книгъ монастыр. крестьянъ. Въ 1721 г. казначей Томскаго Алексѣевскаго монастыря іеромонахъ Діонисій писалъ Томскому коменданту Коллову: «въ прошлыхъ годахъ гуляющимъ людямъ давали на себя записи (монастырю) во крестьянство и дивана была имъ изъ монастыря ссуда скотомъ и хлѣбомъ... Арх. Том. Алек. монастыря, связ. 11.

²⁾ Мельниковъ. Историческіе очерки поповщины. Москва. 1864. стр. 59—60.

сахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся пойманныхъ ссылатъ, пристанища ихъ раззорять, а имущества продавать въ пользу казны. Куда-же дѣваться?

Въ то тяжелое для старообрядцевъ время, пишетъ П. И. Мельниковъ, изъ конца въ конецъ Русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: „за рубежемъ древнее благочестіе во ослабѣ¹⁾“, т. е. за границей старообрядчество свободно, не преслѣдуется. И громадная толпа старообрядцевъ бросилась въ Швецію, въ Пруссію, Польшу, Турцію и за Кавказъ. Но многіе, не выходя изъ предѣловъ обширнаго отечества, нашли себѣ пріютъ въ глухихъ пространствахъ отдаленной Сибири. Какъ много было въ послѣдніе десятки лѣтъ XVII столѣтія раскольниковъ въ лѣсныхъ мѣстахъ по р. Турѣ, Ишиму, Тоболу—это слишкомъ хорошо извѣстно изъ посланій противъ раскола, написанныхъ Тобольскимъ митрополитомъ Игнатіемъ Римскимъ-Корсаковымъ и изъ др. многочисленныхъ документовъ, напечатанныхъ въ историческихъ Актахъ.

Въ грамотѣ Верхотурскому воеводѣ Михаилу Толстово отъ 1683 г. цари Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи писали, что изъ Поморскихъ городовъ мимо Верхотурья, Верхотурскаго и Тобольскаго уѣздовъ снова ринулись въ Сибирь бѣглецы въ огромномъ числѣ. Бѣглецовъ шло такъ много, что цари распорядились поставить, гдѣ пристойно, заставы, чтобы „отнудъ бѣглыхъ крестьянъ въ Сибирь не пропускать“²⁾.

Думаемъ, что въ числѣ этихъ утекльцовъ раскольники представляли преобладающій элементъ, такъ какъ населеніе поморья въ то время было почти сплошь на сторонѣ старообрядства.

Что раскольники достигали и Томска, это доказывается тѣмъ, что они заходили значительно дальше предѣловъ уѣзда этого города. Уже въ 1673 году въ Енисейскѣ былъ раскольническій бунтъ³⁾. Что-же касается Томска, то въ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 61.

²⁾ Акты истор. V, № 108.

³⁾ Допол. къ Акт. истор., № 69.

1690-хъ годахъ здѣсь уже имѣлъ мѣсто крупный случай раскольническаго саможигательства¹⁾.

Кромѣ раскольничьихъ бѣглецовъ, несомнѣнно, понали къ Томску и нѣкоторые изъ раскольниковъ ссыльныхъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣемъ, заисключеніемъ одного случая. Въ 1688 г. съ Москвы посланъ былъ въ Томскую ссылку съ парочными провожатыми „злой раскольникъ“, донской казакъ Ѳедька Боярченко²⁾.

Во всякомъ случаѣ ссыльные въ Сибирь составляли очень немаловажный элементъ въ формациі первенцовъ русскаго крестьянства въ Томской сторонѣ. Перечислять всѣ случаи ссылокъ въ Сибирь преступниковъ разнаго рода для опредѣленія ихъ на пашню, слѣдя за этими случаями по историческимъ актамъ XVII вѣка, не находимъ нужнымъ. Ограничимся указаніемъ слѣдующаго непосредственно касающагося нашего края любопытнаго факта. Въ 1648 г. Кузнецкій воевода Аонасій Зубовъ писалъ государю: „въ прошлыхъ годѣхъ присланы въ Кузнецкій острогъ ссыльные люди—воры и мошенники, многіе холостые, и велѣно ихъ устроить въ Кузнецкомъ острогѣ на пашню, и за тѣхъ за ссыльныхъ людей старые томскіе пашенные крестьяне дочерей своихъ и племянницъ не даютъ, а выдаютъ ихъ за казачьихъ дѣтей и племянниковъ“. При этомъ Зубовъ сообщалъ, что въ видахъ стѣсненія браковъ служилыхъ людей на дочеряхъ пашенныхъ крестьянъ онъ уже распорядился брать съ каждой свадьбы въ казну 5 руб. „потому что ссыльнымъ кромѣ дочерей пашенныхъ крестьянъ жениться не на комъ“. Прописавъ это, воевода спрашивалъ: какъ поступать дальше? Изъ Москвы вышло приказаніе, чтобы пашенные крестьяне, подъ опасеніемъ за ослушаніе большой пени, дочерей своихъ въ замужество за ссыльныхъ выдавали, дабы „можно было

¹⁾ Посланія Игнатія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго. Казань. 1857. стр. 129—131.

²⁾ Истор. акты, собранные Иваномъ Кузнецовымъ. Вып. I. ст. 15.

тѣми браками ссыльныхъ отъ побѣговъ унять и въ мѣстахъ ссылки укрѣпить¹⁾).

Въ 1666 г. Томскій воевода Вельяминовъ получилъ изъ Москвы вѣчто вродѣ выговора за то, что удерживалъ въ Томскомъ ссыльныхъ, по указамъ назначенныхъ въ разные другіе сибирскіе города и уѣзды²⁾).

Въ концѣ XVII в. ссыльныхъ почему-то усиленно отправляли на пашни къ Уртаемскому (на Оби) острогу. Въ 1692 г. здѣсь было поселено сначала 13 ссыльныхъ человѣкъ, затѣмъ 15. Въ слѣдующихъ 1694 и 1695 гг. сюда было послано „во крестьяны“ еще три партіи колодниковъ, присланныхъ изъ различныхъ мѣстъ Европейской Россіи³⁾).

Случалось, что въ число ссыльныхъ, посылаемыхъ на сибирскую пашню, попадали и люди привилегированныхъ состояній. Опальные дѣяки и подъячіе трудились съ сохой и бороной около Енисейска и въ Якутской области, послѣ чего ихъ дѣти и внуки уже навсегда оставались въ крестьянствѣ. Многіе изъ сосланныхъ дѣтей— боярскихъ работали крестьянской работой въ мѣстностяхъ Тобольскаго разряда и, несомнѣнно, попадали для той-же работы и на поля Томско-Кузнецкія. Въ 1618 г. былъ сосланъ въ Томскъ атаманъ запорожскихъ черкасъ Михайло Скиба, но его велѣно было поверстать въ казачью службу⁴⁾. Приказано было поверстать въ рядовую казачью службу сообщниковъ „измѣнника и клятвеннопреступника“ запорожскаго атамана Игнатова— вѣжинскаго полковника Матюшку Гвинтовка, сосланнаго съ женою и съ сыновьями въ 1672 г. въ Кузнецкъ, и есаула Пашку Грибовича, въ томъ-же году очутившагося въ Томской ссылкѣ⁵⁾. Эти привилегированные ссыльные, такъ образ., на пашню не

¹⁾ Акт. истор. IV, № 27.

²⁾ Истор. акты, собран. Па. Кузнецовымъ, I, № 14.

³⁾ Ся. тамъ-же I, № 26 и II, № 17, 18 и 19.

⁴⁾ Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 201.

⁵⁾ Доп. къ акт. истор. VI, № 95.

попали, тѣмъ болѣе, что Грибовичъ векорѣ бѣжалъ въ свою вольную запорожскую сѣчь. Но не отдѣлались отъ Томской пашни сосланные казачій атаманъ Янка Губарь съ товарищи и даже одинъ пошъ по имени Ипатъ, поселенный верстахъ въ 20 отъ Томска—тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ д. Ипатова. Коренные крестьяне этой деревни все имѣютъ одну фамилію Поповыхъ и рассказываютъ о своемъ отдаленномъ предкѣ, что онъ былъ священникомъ изъ сосланныхъ, и что на мѣсто ссылки принесъ съ родины свою семейную икону, которая хранится въ Ипатовской часовнѣ и доселѣ, представляя предметъ высокаго чествованія не только у Ипатовскихъ, но и среди крестьянъ окрестныхъ деревень¹⁾.

Среди ссыльныхъ въ Сибиря, въ городахъ и уѣздахъ очень не мало проживало иноземцевъ особенно изъ военно-плѣнныхъ. Были поляки, литвинцы и нѣмцы Ливонскіе. Попалъ въ Тобольскую ссылку даже одинъ „французанинъ“, принявшій въ Сибири православіе и дослужившійся здѣсь до чина сына— боярскаго²⁾. Препровождались такого рода ссыльные и къ Томску. Литовцы входили въ составъ не только Тюменскихъ, Тобольскихъ, но и томскихъ служилыхъ людей и, наравнѣ съ другими казаками, имѣли около Томска заимки и пашни³⁾. Въ самомъ концѣ XVII в. ссыльный полякъ Станиславъ Оснинской проживалъ въ Томской монастырской вотчинѣ с. Пачинскомъ, откуда писалъ очень почтительныя письма къ настоятелю Алексѣевской обители съ келаремъ и братією. Впрочемъ, православные иноки держали у себя поляка—католика не на

¹⁾ О ссыльныхъ на Томскую пашню Губаря съ товарищи см. Истор. акты, собр. Ин. Кузнецовымъ I, № 3. Преданіе о пошѣ Ипатѣ намъ довелось вычитать въ приходскомъ отчетѣ свящ. С. Спасскаго за 1884 г.—Арх. Том. Консисторіи. О томъ же Ипатѣ см. у Кузнецова I, № 32. Здѣсь онъ названъ безмѣстнымъ попомъ.

²⁾ Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 199.

³⁾ Томскіе служилые люди „иногородческаго списка“ и среди нихъ Филиппъ Болтовскій упомянуты между прочимъ въ царской грамотѣ Томскому воеводѣ Вельяминову отъ 1670 г.—Истор. акты, собр. Ин. Кузнецовымъ. Вып. I, № 16.

нашиѣ, а у дѣла надзора за монастырской пашней и для сборовъ пятиннаго хлѣба съ монастырскихъ крестьянъ¹⁾.

Ссылные убѣгали изъ Сибири очень перѣдко. Но особенною склонностью къ побѣгамъ отличались сосланные изъ черкасъ и иноземцевъ. Совершенно понятно: тоска по родинѣ давила ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ссылныхъ изъ великороссійскаго народа. Въ 1620 г. Тобольскій воевода послалъ въ Томскъ на пашню 19 человекъ изъ военно-плѣнныхъ литовцевъ. Соединившись съ нѣсколькими изъ удамыхъ казаковъ, набранныхъ также изъ ссылныхъ, литовцы разбили на Иртышѣ казенный караванъ, съ которымъ слѣдовали къ Томскому городу и бѣжали сначала въ Березовскій край, а оттуда чрезъ Уральскій хребетъ въ сѣверную часть Россіи съ тѣмъ, чтобы добраться до родной Литвы. Бѣглецы были почти все перебиты погоней, которую снаряжали за ними воеводы разныхъ русскійскихъ городовъ. Ихъ побѣгъ представляетъ цѣлую эпопею, разумѣется, съ своеобразнымъ характеромъ разбойническаго молодечества и подвиговъ въ такомъ-же духѣ²⁾.

Итакъ, въ продолженіе XVII столѣтія нашъ Томскій край, кромя казачьихъ поселеній, колонизовался крестьянами „переведенцами“, т. е. переведенными изъ другихъ мѣстъ Россіи и Сибири на государеву пашню или, иначе, крестьянами государевыми, гулящими людьми и бѣглецами, среди которыхъ было много раскольниковъ и, наконецъ, людьми ссылными. Въ общемъ, къ началу XVIII в. край населенъ былъ всетаки очень скудно. По атласу Ремезова, начертанному въ 1701 году, на обширномъ просторѣ Томско-Кузнецкаго района мы насчитали менѣе 90 русскихъ селеній. Но изъ нихъ огромное большинство состояло изъ деревень только съ единицами дворовъ. Сель съ церковію насчитывалось не болѣе 11. Сюда

¹⁾ См. «Старин. монастыри Том. края», стр. 46.

²⁾ Будицскій. Заселен. Сибири, стр. 204 и дал.

относились: Спасское на Томи, Спасское около р. Яи, Со-
сновскій острогъ, Кулаково, Верхотомскій острогъ, Бого-
родское и Уртамскій острогъ на Оби, Зельдеево, Ни-
колаевское, Иктаринское, Ильинское или Красный Яръ близъ
Кузнецка¹⁾.

Наступило время великой преобразовательной дѣятельности
великаго царя Петра I. Вся Россія представлялась тогда,
по изображенію одного иностранца, „какъ-бы однимъ заводомъ.
Повсюду извлекались изъ нѣдръ земныхъ сокровыя до того
сокровища, повсюду слышны были стукъ молотовъ и сѣкиръ,
кованыхъ мечи, якоря и всякія орудія и сооружались кораб-
ли военные и всякаго рода морскія и рѣчныя судя; повсюду
лились пушки, мортиры, бомбы, ядра; ткались сукна, всякаго
рода полотна и вездѣ при всѣхъ такихъ работахъ впереди
видѣнь былъ самъ монархъ, какъ мастеръ и указатель“²⁾.

¹⁾ По атласу Ремезова въ самомъ началѣ XVIII в. въ Томскомъ вѣдомствѣ
состояли слѣдующія русскія селенія: Село Спасское на Томи, с. Спасское
около Яи, деревня Бурашева, Семилужки, деревня Воронова, деревня За-
варзина, острогъ Сосновскій, село Иктара, Константиново, Килино, село Ку-
лаково, Пещеркова, с. Начинское, д. Макарово, Безъязыково, Ильино, Васалаво,
Саломатово, Гутова, Чахлова, с. Зеледѣево, Варюхино, Пашкова, Лаева, Емелья-
нова, Деситова, Колесникова, Петрова, Грибанова, Зайцево, Сѣченова, Перова,
Карбышева, Нелюбина, Лаврова, Иштанъ, село Никольское на Оби, Першино,
Кривошеева, Лавровыхъ, Былинныхъ, Дорохова, острогъ Уртамскій, Тарчинская,
Корбы, Канаева, Астраханцева, Барышево, Краева, Елизарова, Хотелово, се-
ло Богородское, Трубочева, Андреево, Шегарская, Катаковы, Вершинина, Цы-
ганъ на Кураковская.

Въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ:—дер. Сидорова, Мокроусова, Тихонова, Антонова,
Герасимова, Бедарева, Верхотомскій острогъ, Евтифѣева, Карпова, Атаманово
I, Понова, Долговыхъ, Кондратьева, Ефремова, Гуськина, Куртукова, Грошев-
ская, Лаврова, Атаманово II, Меньшикова, Петлина, Шабалино, Сметанинково,
с. Ильинское—Красный Яръ тожь, Красулино, Шорохова, Калачиково, Тол-
мачева, Вороскова.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что на картѣ Ремезова русскія поселенія Том-
ско—Кузнецкаго края обозначены не во всей полнотѣ.

Изъ одного архивнаго дѣла мы съ удивленіемъ узнаемъ, что во второй по-
ловинѣ XVII ст. русскія деревни имѣлись уже близъ нынѣшняго Бѣйска и
р. Катуни. Эти деревни Фоминская и Соколова. По показанію крестьянъ, дан-
ному въ 1789 г. Фоминская была заведена около 1660 г., а Соколова въ 1695 г.
—Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыбныхъ ловель по р. Катуни 1795 г. Мы
пользуемся этимъ дѣломъ благодаря любезности г. библіотекаря Том. универси-
тета Ст. Кир. Кузнецова.

²⁾ Щановъ. Рус. расколъ старообрядства. 1859, стр. 492.

Такъ часто повторяющеся за все слово *подати* составляеть, конечно, риторическую украшу описанія, но общій характеръ многохлопотливой эпохи иностранецъ изобразилъ вѣрно.

Наступила эпоха самой напряженной въ Россіи жизни, при чемъ царь требовалъ, чтобы каждый непременно участвовалъ въ перестройкѣ государства трудомъ или деньгами, чтобы, по старинному выраженію, „никто въ избылхъ не былъ“. Огромная для народа тяжесть преобразовательнаго дѣла увеличивалась еще отъ того, что оно велось рядомъ и одновременно съ продолжительной и чрезвычайно дорого стоившей бѣдному государству великой сѣверной войной.

Подати взымались съ неопустительною строгостію, и онѣ были необычайно многочисленны и разнообразны. Кромѣ обычнаго окладнаго подушнаго сбора, съ крестьянъ брали деньги на генеральный провіантъ, на морской провіантъ, на провіантъ въ Смоленской магазей, на покунку и коржъ драгунскихъ лошадей, на винтеръ-квартиры, на городовое строеніе, на подъемъ каменщиковъ, пильщиковъ (при постройкѣ Петербурга), на постройку кораблей, дѣло каналовъ, деньги ландратскія, рекрутскія, сѣдельныя, уздяныя и проч., проч.¹⁾ Правительство брало, конечно, не съ однихъ только крестьянъ. „Оно брало со всѣхъ и вездѣ, гдѣ только можно было взять“²⁾. Подати и сборы, великіе сами на себѣ, умножались еще болѣе отъ злоупотребленій сборщиковъ, которые, несмотря на всю зоркость императора, несмотря на его неумолимую строгость къ злоупотребителямъ, все-таки ухитрялись брать дани измышленныя въ родѣ хомутейныхъ, прикольныхъ съ водяныхъ судовъ, о которыхъ (данихъ) говоритъ Посошковъ³⁾. Подати были громадны. Но сверхъ ихъ огромны были работы, къ которымъ привлекалъ государь податное населеніе на го-

¹⁾ См., наприм., перечень сборовъ и податей, какіе требовались съ Томскихъ монастырскихъ крестьянъ. — Старин. монастыри Том. края, стр. 19 прилѣчан.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVI, стр. 12, издан. 1866 г.

³⁾ Щандль. *Учебникъ* **Областная Библиотека**

сударственную пользу. Для постройки Петербурга ежегодно въ продолженіе многихъ лѣтъ высылалось изъ разныхъ областей Россіи до 40000 работниковъ, изъ которыхъ массы гибли отъ трудовъ и болѣзней¹⁾. Многія тысячи народа ежегодно же требовались для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ. Многочисленные работники трудились надъ дѣломъ разныхъ сооружений въ Азовѣ на одномъ концѣ Россіи и прорытія длиннаго Ладожскаго канала на другомъ.—Словомъ, отъ русскаго народа Преобразователь потребовалъ такой работы, какой прежде онъ никогда не испытывалъ, какой доселѣ не представлялъ.

А какъ при почти непрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ были часты рекрутскіе наборы? Въ продолженіе разсматриваемаго царствованія всѣхъ рекрутскихъ наборовъ, общихъ и частныхъ, насчитываютъ до 40²⁾. Въ самой высокой мѣрѣ обременительная воинская повинность наводила ужасъ въ народѣ уже одною непомятой горестью въ начальномъ положеніи рекрута. Въ одномъ изъ официальныхъ документовъ это положеніе изображено такъ:— „Когда въ губерніяхъ рекрутъ собираютъ, то сначала изъ домовъ ихъ везутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держутъ въ великой тѣснотѣ по тюрьмамъ и острогамъ не по малому времени и такъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ. А потомъ изъ губерній отправляютъ, унуская удобное время, жестокою распутицею, отчего на дорогѣ приключаются многія болѣзни, помираютъ безвременно“³⁾. Но и дальнѣйшая судьба уцѣлѣвшаго солдата, при суровой дисциплинѣ, при „частыхъ дальнихъ похудушкахъ“ и изнурительныхъ военныхъ работахъ, при постоянныхъ недостачахъ въ войсковомъ провіантѣ, представляла одно чуть не сплошное горе—злосчастье. Не говоримъ уже о частыхъ военныхъ стычкахъ и генеральныхъ баталіяхъ. Достаточно сказать, что изъ

¹⁾ Щаповъ, тамъ-же, стр. 492. См. Костомаровъ. Истор. Россіи въ жизнеоп. VI, стр. 609.

²⁾ Щаповъ, стр. 502.

³⁾ Соловьевъ. Истор. Россіи XVI, стр. 202. Москва, 1866.

солдаты, взятыхъ для Шведской войны, домой почти никто не вернулся. Неудивительно, что во избѣжаніе рекрутской повинности крестьяне не только брели врознь, но и калѣчили себя, рвали себѣ зубы, рубили пальцы на рукахъ.

Тяжелое было это время,—трудная для народа година. „Повсюду кипитъ удесатеренная дѣятельность, повсюду насильственные мѣры, невыносимыя тягости, наборъ въ рекруты и матросы, наборъ въ школы и новыя учрежденія, указанный стонъ рабочихъ для казенныхъ построекъ, а тутъ на каждомъ шагу денежные сборы для безконечной войны, для безчисленныхъ новыхъ нуждъ государственныхъ. Казна беретъ рѣшительно со всего,—съ торговъ, съ промысловъ, съ душъ, съ потребленія, беретъ даже съ продажи дубовыхъ гробовъ, какъ съ предмета роскоши. Силъ подчасъ не хватаетъ, дохнуть некогда¹⁾. Не попржнему уже кряхтели русскіе крестьяне отъ разныхъ тягостей старо-русскихъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича,—теперь стонали они великимъ всенароднымъ стономъ.

Думаемъ, однако, что исторія не можетъ этотъ народный стонъ поставить въ упрекъ гиганту-царю, такъ величаво высищемуся въ прошлыхъ судьбахъ Россіи,—такъ ярко освѣтившему русскую жизнь сіяніемъ своего несравненнаго генія, —генія съ мозолями на рукахъ, работавшаго не только царственнымъ трудомъ на престолѣ, но и въ роли плотника, бомбардира и шкипера. Заставляя трудиться другихъ, онъ и самъ трудился не покладая рукъ; заставляя подданныхъ переживать трудную годину, онъ и самъ, по его выраженію, обрѣтался „въ несносныхъ печалѣхъ“. Никакая жертва не казалась Петру I слишкомъ великой, когда имѣлась въ виду цѣль общей пользы государства, дѣло приподнятія условій его жизни для всесторонняго прогресса. Не щадя для блага будущей Россіи личныхъ жертвъ и себя самого, онъ

¹⁾ Проф. Петровъ. Очерки изъ всемір. исторіи. Харьковъ 1882, стр. 436.

не побоялся привести въ страшное напряженіе и народныя силы, побуждая доселѣ косныхъ русскихъ людей „силою дѣлать себѣ добро“¹⁾.

Но народъ еще не понималъ этого добра, онъ не въ состояніи былъ проникнуть въ планы и цѣли Петра. Народъ зналъ только тягости реформы и какъ прежде при всякой тягости, такъ теперь въ особенности ринулся наутекъ. Трудно за Петровское время отыскать документъ, касающійся внутренняго быта крестьянъ, гдѣ-бы отсутствовали правительственныя жалобы на крестьянскія бѣдства. Крестьяне бѣжали отъ податей, отъ военной службы, отъ казенныхъ работъ,—бѣжали, говорить Посошковъ, въ понизовыя мѣста, въ Украинскія, въ зарубежныя: „чужія страны населяли, а свою пустоту покидали“. Напрасно на тѣхъ путяхъ, по которымъ шли бѣглецы, правительство ставило заставы. Утеkleцы умѣли пробираться по глухимъ тропамъ, минуя загражденія. Крестьяне православной вѣры бѣжали отъ многочисленныхъ тяготъ гражданской жизни, а раскольники, на которыхъ положенъ былъ двойной подушный окладъ, которые должны были платить еще за право ношенія бороды, которыхъ хотя не въ такой степени, какъ въ правленіе Софьи, но всетаки въ общемъ преслѣдовать за вѣру не переставали,—раскольники, кромѣ побужденій въ тягостяхъ состоянія, бѣжали отъ тлетворнаго и всепагубнаго, по ихъ мнѣнію, духа времени. Если уже православные въ реформѣ Петра, направленной къ сближенію Россіи съ западомъ, усматривали разрушеніе русской національности, если уже въ ихъ средѣ несомолкаемо раздавались толки, что Петръ не могъ быть царемъ русскаго происхожденія, что онъ—государь подмѣненный въ Швеціи, если у православныхъ находились лица въ родѣ Талицкихъ, Левиныхъ и Докукиныхъ, которые, соображая время и знаменія времени съ записями въ своихъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 427.

тетрадахъ, выводили, что Петръ никто иной, какъ антихристъ, то что сказать о раскольникахъ съ ихъ всегда воспаленнымъ воображеніемъ на тему объ антихристѣ. „Императоръ“,—говорили раскольники, по поводу, наприм., I всенародной ревизіи,—„сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизією или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за императора или за единовластнаго правителя. Мы же отъ Христа-Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранить и вѣру святую блюсти и такому лжехристу въ послушество отдаться не хотимъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ писатися никому не совѣтуемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есмь христіане единаго исповѣданія вселенскихъ соборовъ, св. отецъ и св. страдальцевъ Соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе:—того исповѣданія и мы держимся и въ книги ваши законопреступныя, гражданскія, въ силу указа вашего императора, не пишемся, ибо мы отъ крещенія записаны есмь въ книги животныя у царя небеснаго, понеже видимъ во св. Писаніи, яко прежде бывшіи въ Россіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичъ, Феодоръ Ивановичъ, Михаилъ Феодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшіи въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика, мужеска полу и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего вообще человѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога.—Зрите человѣцы, вонмите и рассмотрите по святому писанію, въ кнѣхъ лѣтѣхъ жительствоуемъ и кто нынѣ обладаетъ нами?¹⁾).

Такъ думали и писали раскольники о Петрѣ, усматривая во вѣхъ частностяхъ его реформы ухищренія антихриста, а во всемъ духѣ реформы--духѣ антихристовъ и, разумѣется, старались

¹⁾ Щаповъ, Раск. старообр., стр. 482--483. О Петрѣ, какъ антихристѣ см. еще у Соловьева, Истор. Россіи т. XVI гл. 1, XVIII, гл. 3, и у Пыпина, Вѣсти Европы, Августъ, 1897.

бѣжать отъ „антихриста“ во всякія глухія мѣста. Лѣса поморскіе и керженскіе переполнились раскольническими бѣглецами. Но керженскихъ раскольниковъ въ то время сильно тревожилъ Нижегородскій епископъ Питиримъ (бывшій когда-то самъ раскольниковъ) съ своимъ очень ревностнымъ помощникомъ въ лицѣ Нижегородскаго вице-губернатора Юрія Ржевскаго. Значить, керженцамъ нужно было бѣжать куда-нибудь дальше.

Если что съ особой силою двинуло дѣло колонизаціи въ Сибири вообще и въ Томскомъ краѣ въ частности, то это преобразовательная дѣятельность Петра I и народное ея недовольство. За „рубежь свейскій“ (шведскій) или польскій бѣжало податное населеніе главнымъ образомъ изъ западныхъ областей Россіи, въ Новороссійское понизовье шли крестьяне изъ-подъ-Москвы. Но бѣглецы съ Поволжья и въ особенности изъ сѣверо-восточныхъ частей Россіи устремились къ Камню и за Камень, т. е. къ Уралу и за него. Въ Банкирію, т. е. въ земли по среднему и южному протяженію Уральскаго хребта, бѣглецы являлись толпами. На заводахъ Демидовыхъ укрывались тысячи. Производившій въ Сибири первую народную перепись полковникъ Солнцева-Засѣкинъ донесъ въ 1725 г. Сенату, что въ провинціяхъ Соли-Камской на соляныхъ и Тобольской на серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ оказалось множество крестьянъ—работниковъ изъ бѣглыхъ разныхъ мѣстъ Россіи и въ перепись не попавшихъ. Сенатъ, выслушавъ донесеніе, съ своей стороны замѣтилъ, что на сибирскихъ заводахъ, какъ, наприм., у Строгановыхъ, бѣглецы уже издавна находятъ себѣ пріютъ, бѣглыхъ тамъ укрываютъ и законы о нихъ не исполняютъ¹⁾. Какъ велика была численность бѣглецовъ на заводахъ Демидова, можно судить по тому, что Геннигъ, надзиравшій за уральскими заводами, перебралъ у Демидова 10000 руб. за то, что

¹⁾ Пол. собр. зак. т. VII, № 4699.

закрывалъ глаза на бѣглыхъ, работавшихъ на заводахъ¹⁾. Но не все бѣглецы осѣдали на Уралѣ, не все въправились незавидная доля рабочаго, своимъ почти даровымъ трудомъ обогащавшаго уральскихъ заводчиковъ. Большинство, переваливая „Камень“, текло въ дальнѣйшія части Сибири. Да и для бѣглецовъ, трудившихся на заводахъ, Уралъ часто служилъ только этапомъ для перехода сюда-же, т. е. глубже въ Сибирь. Бѣжали въ Сибирь всякаго рода крестьяне, но въ громадной массѣ бѣглецы принадлежали расколу. Нижегородскій епископъ Пителихъ свидѣтельствовалъ, что изъ Керженскихъ лѣсовъ старовѣры уходили преимущественно въ сибирскія области, и мы понимаемъ отсюда, почему и доселѣ въ Сибири раскольника зовутъ „кержакомъ“ и даже единовѣрческую церковь въ Томскѣ называютъ „кержацкою“ церковію. Какъ вообще было изобильно раскольниковъ въ Сибири за время Петра В. доказывается слѣдующимъ выразительнымъ документомъ. Въ 1722 г. въ Нижній явился капитанъ Сверчковъ съ партіей упорныхъ старообрядцевъ, назначенныхъ на сибирскую каторгу. „Увѣдомились мы, писали затѣмъ царю еписк. Пителихъ и Ржевскій, что посланы въ Сибирь раскольники необратившіеся и въ томъ числѣ Василій Власовъ, злой расколзаводчикъ и учитель, которому не только въ ссылкѣ, но и на семь свѣтъ, по мнѣнію нашему, быть не належитъ“, а въ Сибирь и безъ того „многіе раскольщики описные и неписные бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ городѣхъ. И ежели еще этимъ каторжнымъ раскольникамъ дозволено будетъ быть въ сибирскихъ-же городахъ и дастся имъ воля, то они, собравшись съ бѣглыми раскольниками, могутъ произвести немалыя пакости къ возмущенію народа“. Результатомъ этого указанія было слѣдующее распоряженіе государя: „послать изъ канцеляріи сената къ капитану нарочно курьера, дабы его съ оными посланными съ нимъ раскольщи-

¹⁾ Соловьевъ. Истор. Россіи. XX, стр. 204—205. Изд. 1870 г.

ками, гдѣ онѣ ихъ найдетъ, возвратитъ немедленно въ Москву, а съ Москвы послать въ адмиралтейство и отдать ихъ въ вѣчную работу въ Рогервикъ, и впредь раскольщиковъ въ Сибирь отнюдь не присылать, а посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новой гавань¹⁾.

Двигались бѣглецы въ Сибирь, отыскивая на ея свободныхъ пространствахъ, въ ея глухихъ стѣняхъ или дремучихъ тайгахъ удобное и сокровенное отъ начальства жительство и, двигаясь, достигали Томскихъ предѣловъ, гдѣ въ то время мѣсть удобныхъ для потаеннаго или, по крайней мѣрѣ, относительно спокойнаго жительства было великое множество. Многія изъ многочисленныхъ деревень нынѣшняго Барнаульскаго округа, въ XVIII в. составлявшихъ приходы Бѣлоарскій, Малышевскій, Чингизскій, Бердскій, Легостаевскій были застроены бѣглецами Петровскаго времени. При первой ревизіи въ г. Кузнецкѣ было перенисано 1363 крестьянскихъ ревизскихъ душъ, а въ уѣздѣ (куда въ то время принадлежали и земли нынѣшняго Барнаульскаго округа) 1511 душъ²⁾. Цифры не велики, тѣмъ не менѣе выразительны онѣ для стороны, гдѣ въ недавнее время была чуть не сплошная пустота. При этомъ, конечно, нужно замѣтить, что многіе изъ бѣглецовъ въ ревизію не писались, оставаясь въ укрывательствѣ въ недостижимыхъ для начальства углахъ. Что мѣстному начальству было трудно и даже иногда не возможно добираться до такихъ угловъ, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1722 г. томскій воевода Павелъ Ѳедоровичъ Загряскій отдалъ приказъ томскому дворянину Прокопьеву, чтобы переписалъ пашенныхъ крестьянъ, гулящихъ и всякаго рода русскихъ людей Томскаго уѣзда въ Сосновскомъ стану для взятія съ нихъ положенныхъ по-

¹⁾ Памятники Сибир. исторіи ч. II, № 94. Соловьевъ XVIII, стр. 212. Изд. 1868 г.

²⁾ Архивъ Колывано-Воскрес. Горнаго начальства въ Барнаулѣ. Столнъ дѣлъ по описи № 461, л. 253.

датель. Прокопьевъ донесъ затѣмъ, что съ гулящихъ людей собрать подати оказалось нельзя, ибо „живутъ отъ Сосновскаго острога по разнымъ мѣстамъ и въ дальнихъ разстояніяхъ“¹⁾. А сколько въ Томскомъ краѣ было за то время раскольниковъ, это указываетъ намъ тобольскій митрополитъ Антоній I Стаховскій. Дѣлая выговоръ томскому архимандриту Порфирію за то, что многихъ томскихъ жителей показалъ бывшими на исповѣди ложно, митрополитъ обличалъ ложь главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Томскѣ и около него „самое дно раскольниковъ содержится“²⁾.

Бѣгства продолжались и въ царствованіи ближайшихъ преемниковъ Петра I, потому что условія крестьянской жизни въ общемъ оставались тѣ-же, что были и при Петрѣ. Только безъ такого величаваго кормчаго на государственномъ кораблѣ, безъ такого хозяина, какимъ былъ великій императоръ, и при постоянныхъ интригахъ при дворѣ со стороны разныхъ правительственныхъ чиновъ, стало больше сутолочи въ государствѣ и больше въ немъ злоупотребленій. Подати съ крестьянъ брали прежнія, суровость рекрутскихъ наборовъ не измѣнилась. Значительно рѣже и въ меньшихъ массахъ стали собирать народъ на работы по государственнымъ сооруженіямъ. Но зато страдали крестьяне отъ частыхъ хлѣбныхъ недородовъ и пережили неописуемый страхъ въ виду жестокостей, съ которыми взыскивала съ крестьянъ многія накопившіяся недоимки мрачной памяти доимочная канцелярія, учрежденная Бирономъ главнымъ образомъ для удовлетворенія, какъ выражались встарину, своей бездѣльной корысти.

Въ 1727 г. члены Верховнаго Совѣта свидѣтельствовали, что крестьяне бѣгутъ въ Польшу, Запорожье, къ Башкирамъ, въ расколъ: — „итакъ, мы нашими крестьянами снабжаемъ не только Польшу, но и собственныхъ злодѣевъ“³⁾. Причину это-

¹⁾ Доношеніе дворинна Никифора Прокопѣева. Арх. Томск. Алексѣев. монастыря, св. 4.

²⁾ Старинные монастыри Том. края, стр. 29.

го грустнаго обстоятельства Совѣтъ усматривалъ въ томъ, что „никто изъ командировъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о томъ, чтобы взять у крестьянина послѣднее въ подать и этимъ выслуживаться, не принимая въ расчетъ, что послѣ крестьянинъ безъ всего останется, или вовсе куда нибудь убѣжить“¹⁾. Генераль-прокуроръ Ягужинскій въ запискѣ, поданной государынѣ о мѣрахъ облегченія крестьянъ говорилъ, что „крестьяне отъ тяжести податей и отъ неурожаевъ не токмо лошадей и скотъ, но и сѣмянной хлѣбъ распродавать принуждены и сами терпятъ голодъ..., и множество (ихъ) бѣжить за рубежъ и въ Башкиры, чему и заставы не помогаютъ“²⁾. Сенатъ, рассуждая по поводу этой записки, находилъ, что въ предупрежденіе побѣговъ не только нужно выбрать въ каждой мѣстности сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ, но, кромѣ того, слѣдуетъ перепоручить крестьянъ круговою порукою. Это будетъ крѣпче карауловъ, потому что тогда крестьяне принуждены будутъ сами себя караулить: „нельзя тому стати ся, чтобы крестьяне другъ о другѣ не узнавали, ибо кто захочетъ бѣжать, то предъ побѣгомъ спроваживаетъ въ способныя къ побѣгу мѣста скотъ и пожитки, а иные предъ побѣгомъ все продаютъ“³⁾.

Минуемъ цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же свидѣтельствъ о крестьянскихъ бѣгствахъ и ограничимся указаніемъ на то, что, по словамъ Болтина, отъ мучительствъ Бирона убѣжало за границу 250000 крестьянскихъ душъ⁴⁾.

А вообще всѣхъ неизвѣстно куда бѣжавшихъ крестьянъ, въ теченіе только девяти лѣтъ, отъ 1727 по 1736 г., исторія указываетъ въ цифрѣ около 400000 чел.⁵⁾.

Сколько за время царствованій Екатерины I, Петра II и

¹⁾ Соловьевъ, XVIII, стр. 294.

²⁾ Тамъ-же, стр. 280.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Щановъ. Раскол. старобрид., стр. 490.

⁵⁾ Щебальскій. Чтеніе изъ Русской исторіи. Вып. IV, стр. 125. 1874 г. Москва.

Анны Ивановны убѣжало крестьянъ чрезъ Башкирію и Уральскій хребетъ въ Сибирь—это въ точности, конечно, неизвѣстно. Но что бѣжало много, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Татищевъ, побывавшій въ Демидовскихъ заводахъ въ 1733 г., нашелъ тамъ 3000 бѣглыхъ раскольниковъ, жившихъ и работавшихъ на заводахъ въявь. Татищевъ долженъ былъ ихъ переписать. Прикащикъ Демидова захотѣлъ отклонить его отъ этого дѣла и принесъ ему взятку въ 2000 руб., отвергнутую честнымъ генераломъ съ презрѣніемъ¹⁾. Но и сами бѣглецы—раскольники не постѣснились заявить Татищеву, что если онъ не оставитъ своего намѣренія относительно ихъ переписи, они уйдутъ въ Сибирь дальше. Привелось исполнить дѣло переписи со всевозможною для бѣглыхъ мягкостію и таковою же въ отношеніи къ нимъ осторожностію.

Познакомимся ближе съ образчиками бѣглецовъ, пришедшихъ въ нашъ Томскій край до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны.

1) Иларіонъ Абросовъ—пришелъ съ отцомъ изъ Архангелогородской губерніи, предварительно поживши съ нимъ нѣсколько лѣтъ у Демидова на Невьянскомъ заводѣ. Явившись въ глубь Сибири съ Урала, они остановились и обосновались въ деревнѣ Усть-Чумышѣ.

2) Зотѣй Вородухинъ и Ив. Плотниковъ изъ Архангелогородской же губерніи. Пришли въ Сибирь въ концѣ царствованія Петра I.

3) Петръ Красильниковъ—пришелъ изъ Россіи съ отцомъ, братомъ и женой къ р. Оби въ районъ Малышевской слободы и поселились здѣсь сначала на пустомъ мѣстѣ, а затѣмъ перешли въ дер. Усть-Чарышъ.

4) Алексѣй Исаковъ—отъ матери слышалъ, что съ отцомъ пришелъ изъ Устюга къ р. Оби, въ Бердскій острогъ.

¹⁾ Соловьевъ. XX, стр. 203.

5) Василій Степановъ—родомъ изъ Устюга же. Въ Сибирь пришелъ съ отцомъ. Сначала скитался „межь дворовъ“ въ Томскомъ вѣдомствѣ, затѣмъ ушелъ въ Барнаульскую степь на одиночное жительство.

6) Алексѣй Овчинниковъ изъ Нижегородской губерніи, Керженской волости. Свезенъ былъ оттуда матерію за скудостію хлѣба въ 1714 г. въ деревню Чарышскую.

7) Егоръ Корель—изъ Олонца деревни Суждальской. Ушелъ съ родины въ 1729 г. Пришедъ въ Сибирь, долгое время бродилъ по разнымъ деревнямъ около Оби и, наконецъ, основался въ дер. Тугозвоновой.

8) Василій Казанцевъ, Даниилъ Богдановъ, Ѳома Колотилъ изъ Казанской губерніи—пришли къ г. Кузнецку до первой ревизіи, т. е. до 1721 года.

9) Сидоръ Антипинъ и Ив. Вагинъ изъ Московской губерніи. Изъ нихъ послѣдній ушелъ съ отцомъ „до ревизіи Солнцева“ и, поселившись Малышевской слободы въ дер. Соляковой, завелъ здѣсь свой домъ.

10) Василій Пискуновъ съ товарищами изъ Нижегородской губерніи Арзамазскаго уѣзда.

11) Игнатій Брутовъ—отъ матери слышалъ, что пришелъ съ отцомъ „изъ російскихъ городовъ“ еще до переноса Солнцева и поселился въ районѣ Бѣлоярской слободы.

12) Прохоръ Низовскихъ изъ Устюга. Явился въ Сибирь будто-бы съ паспортомъ, но паспортъ на дорогѣ сгорѣлъ.

13) Василій Орловъ изъ Московской губ. изъ города Суздаля, деревни Пущенской. Вышелъ въ Сибирь въ 1738 г. и поселился около дер. Артамоновой Бердскаго острога.

14) Кузьма Гуляевъ съ племянникомъ Антономъ Никифоровымъ—мордовскаго рода. Ушли съ родины въ 1738 г. и поселились около Чаусскаго острога.

Мы перечислили только единичные примѣры російскихъ бѣглецовъ въ Томскій край, взявши эти примѣры наудачу

изъ длинныхъ перечневыхъ списковъ, найденныхъ нами въ бумагахъ Барнаульскаго горнаго архива¹⁾. Да и въ эти длинные списки занесены только тѣ изъ бѣжавшихъ, которые не записались во II ревизію. Слѣдовательно, всѣ изъ бѣглецовъ, захотѣвшихъ послѣ многообразныхъ блужданій, жить открыто, на легальныхъ основаніяхъ, и ко II ревизіи явившихся, въ указанныз перечни понасть не могли.

Предъ нами довольно длинные же списки бѣглецовъ изъ Тобольской области и изъ ея дистриктовъ: Тарскаго, Ялуторовскаго, Ишимскаго и др. Является самъ собою вопросъ: что заставляло этихъ людей мѣнять свои сибирскія мѣста въ пользу Томской стороны? Сами они указывали то на недородъ хлѣба, то на выпашку полей. Разумѣется, могли побуждать къ переселеніямъ и эти причины, заставлявшія крестьянъ искать болѣе хлѣбородныхъ и болѣе тучныхъ полей. Но думается намъ, что въ нерѣдкихъ случаяхъ и эти пришельцы принадлежали къ составу російскихъ бѣглецовъ, передвигавшихся къ томскимъ предѣламъ постепенно чрезъ посредство непродолжительной осѣлости въ болѣе западныхъ сибирскихъ частяхъ. Но если это были давніе сибиряки, то не забудемъ, что общія тягости крестьянской жизни въ эпоху Петра и его преемниковъ не могли миновать и Сибирскихъ старожиловъ. Отъ тягостей можно было укрываться только въ болѣе пустыхъ и болѣе глухихъ мѣстахъ, какихъ въ Томской странѣ было изобильно. Въ самомъ дѣлѣ, если тобольскіе пришельцы уходили съ своихъ мѣсть къ дальней Оби и за нее только отъ хлѣбнаго недорода или выпашки полей, то почему уклонялись отъ занисей въ ревизскія сказки?

Беремъ опять наудачу нѣсколько бѣглецовъ этого разряда.

1) Яковъ Угрюмовъ—изъ Тарскаго вѣдомства. Послѣ разныхъ блужданій поселился въ дер. Вѣлюярской слободы Бажевой, гдѣ и построилъ свой дворъ.

¹⁾ Архивъ Колывано-Воскресенскаго Горнаго начальства; столъ д. № 35.

2) Ив. Аксеновъ—изъ Курганской слободы Тобольскаго вѣдомства, откуда самовольно ушелъ въ 1728 году. Сначала поселился въ деревнѣ Красный Яръ Чаусскаго острога, а затѣмъ перешелъ въ дер. Карманскую Бѣлоярской слободы.

3) Ефремъ Михайловъ—Ишимскаго дистрикта изъ дер. Гаевой. Около 1718 г. былъ взятъ въ рекруты и отправленъ въ Петербургъ, но съ дороги бѣжалъ. Спустя 8 лѣтъ послѣ бѣгства объявился въ Сибирской канцелярїи, изъ которой его отпустили домой. Но ушелъ и изъ дому—ушелъ за Обь и завелъ дворъ въ дер. Черкуновой Бѣлоярской слободы.

4) Тимофей Чепаринъ—изъ Аятской слободы. Ушелъ отсюда въ 1728 г. и ходилъ по разнымъ мѣстамъ, прежде чѣмъ пришелъ къ берегу Оби.

5) Кирилль Койновъ—изъ Тобольскаго вѣдомства деревни Койновой. Ушелъ съ родины вмѣстѣ съ братомъ въ 1728 г. Жили сначала въ пустыхъ мѣстахъ, затѣмъ онъ, Кирилль, поселился въ дер. Ордѣ Чаусскаго острога, а братъ домообзавелся въ другой деревнѣ, отъ него получившей свое названіе, т. е. въ дер. Койновой.

6) Михайло Тарасовъ—изъ Тюменскаго вѣдомства дер. Гилевой. Ушелъ оттуда въ 1738 г. въ дер. Курзу Чаусскаго острога, а отсюда перешелъ въ д. Зайцеву Бердскаго острога.

7) Ив. Омянскій—изъ Камышловской слободы по р. Пышмѣ. Пришелъ въ Бердскій острогъ къ прежде вышедшему сюда родному дядѣ.

8) Амфилохїевъ—изъ Шадринскаго дистрикта. Пришелъ въ 1733 г. въ дер. Суету Чаусскаго острога, а отсюда перешелъ въ дер. Караганскую Кузнецкаго вѣдомства, гдѣ поставилъ свой дворъ и женился.

И т. дал., т. д.¹⁾

¹⁾ Архивъ Колывано-Воскресен. горнаго начальства. Столымъ дѣль по описи № 35 и безъ описи отъ 1749 г.

То обстоятельство, что въ перечнѣ, которымъ пользуемся, встрѣчается очень немало крестьянъ, убѣжавшихъ изъ Аятской, Абацкой слободъ (Тоб. вѣд.) и изъ подь Тюмени, указываетъ, по нашему мнѣнію, ясно, что эти люди пришли въ Томскую область по расколу, такъ какъ изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что тѣ слободы были сильно населены раскольниками и въ началѣ XVIII в. расколъ преслѣдовался тамъ весьма жестоко. Очень часто затѣмъ упоминаются перебѣжчики изъ г. Тары и его округа. Изъ другого документа мы узнаемъ, что въ 1735 г. томскій воевода получилъ изъ Сибирской канцеляріи указъ о сыскѣ крестьянъ и разночинцевъ, самовольно ушедшихъ изъ Тары же и волостей Тарскаго вѣдомства. И сыщики во главѣ съ офицеромъ нашли немало тарскихъ семей, бѣжавшихъ въ 1722, 1724 и въ позднѣйшіе годы и поселившихся главнымъ образомъ въ деревняхъ Чаусскаго острога¹⁾. Усиленное бѣгство изъ Тары наводитъ на мысль, что въ данномъ случаѣ имѣло важное значеніе то большое розыскное дѣло о тарянахъ, которое вызвано было ихъ отказомъ присягнуть супругѣ императора Петра I Екатеринѣ, послѣ того, какъ Петръ короновалъ ее въ 1722 г. Извѣстно, что при этомъ страшномъ розыскѣ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ сопротивленія Бочаговъ съ нѣсколькими изъ сообщниковъ заперся въ домѣ и поджогъ подь домомъ порохъ, чтобы взлетѣть на воздухъ. Поджогъ не удался и запершіеся были схвачены живыми. Но это обстоятельство только усилило строгость розыска, отъ котораго пострадало болѣе 1000 человекъ²⁾. Все эти страхи и строгости не могли не навести паники на тарскихъ жителей всякихъ чиновъ и не заставить ихъ брести врознь. Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали въ раскольническую пустынь

¹⁾ Арх. Том. Алекс. монаст. Связка 3.

²⁾ Соловцовъ. Истор. обзор. Сибири, I, 266. Соловьевъ. Истор. Россіи, XVIII, стр. 238. Изд. 1868.

старца Сергія³⁾, а нѣкоторые утекли дальше на востокъ, къ Кузнецку и Томску. Все изложенное подтверждаетъ высказанную нами догадку, что тоболичи и въ частности таряне уходили въ томскіе предѣлы преимущественно отъ тягостей, характеризующихъ время Петра и еою ближайшихъ преемниковъ.

Предпріимчивый владѣтель уральскихъ заводовъ Акинфій Демидовъ, прослышавъ въ концѣ царствованія Петра о богатыхъ залежахъ мѣдныхъ рудъ въ Алтайскихъ горахъ, отправилъ туда съ Урала для провѣрки слуха олонецкихъ стариковъ Матвія Кудрявцева, Леонтія и Андрея Кабановыхъ. Старики вернулись черезъ годъ и принесли Демидову образцы руды, добытой изъ древнихъ „чудскихъ“ копей Синей Сопки или Синюхи. Демидовъ не замедлилъ заявить о своей находкѣ оберъ-бергъ-амту Геннигу и въ началѣ 1727 г. получилъ дозволеніе разрабатывать алтайскія руды въ свою пользу. Построены были сначала одна печка на р. Локтевкѣ, а затѣмъ заводъ на рч. Бѣлой, названный Колывано-Воскресенскимъ. Оказалось, что изъ Алтайскихъ горъ можно было извлекать не только мѣдь, но и серебро и даже золото. Тѣмъ усиленнѣе пошла горно-алтайская дѣятельность энергичнаго Демидова. Въ 1735 г. Колыванскій заводъ взятъ былъ въ казну, а въ 1739 г. снова возвращенъ прежнему владѣльцу, построившему, кромѣ Колыванскаго, еще заводы: Барнаульскій въ 1739 г. и Шульбинскій на р. Шульбѣ въ 1744 г. Но съ 1747 года заводы снова были изъяты изъ частной собственности и перешли въ собственность Кабинета Ея Величества, при чемъ назначенный для управленія ими бригадиръ Бееръ долженъ былъ тщательно описать и оцѣ-

³⁾ Памятники Сибир. истор., II, № 110.—О старцѣ Сергійи здѣсь говорится, что въ свою пустынь онъ принималъ «приходящихъ изъ разныхъ мѣстъ, а наипаче тарскихъ обывателей, которые, не похоти бытъ у прислани, бѣжали къ нему».

нить ихъ, чтобы изъ казны уплатить „что должно“ наследникамъ Демидова¹⁾).

Съ открытіемъ мѣдныхъ рудъ въ вѣдрахъ Синей Сопки, повлекшемъ къ устройству на Алтай горныхъ заводовъ, въ дѣлѣ колонизаціи Томскаго или, точнѣе, Томско-Барнаульскаго края явились новые стимулы, которые, переѣшиваясь съ вольно-народными, принимаютъ принудительный характеръ.

Для добычи рудъ и очень сложнаго дѣла ихъ обработки, понятно, требовалось много рабочихъ рукъ. И вотъ еще Демидовъ то и дѣло отправляетъ изъ Невьянска на Алтай цѣлыя партіи рабочихъ съ своими прикащиками. То ошты-таки были бѣглецы, которыхъ у Демидова на Уралѣ состоялъ огромный запасъ. По отрывочнымъ документамъ, бывшимъ подъ нашими руками, мы могли бы перечислить многихъ крестьянъ, заявившихъ перенесчикамъ II ревизіи, что они изъ бѣглыхъ, пришли въ Сибирь въ числѣ Демидовскихъ рабочихъ и, уклоняясь отъ заводскихъ работъ, убѣжали и здѣсь, въ Сибири, то отъ Колыванскаго, то отъ Барнаульскаго завода для того, чтобы пристать для жительства къ вольнымъ деревнямъ. Кромѣ указаній на этотъ счетъ, разбросанныхъ тамъ и здѣсь, мы видѣли въ архивѣ большое дѣло съ перечнемъ Демидовскихъ переведенцевъ на Алтай, прибывшихъ сюда въ 1744 г. Все переведенцы были изъ російскихъ бѣглецовъ, ушедшихъ въ промежутокъ отъ 1725 по 1735 г. кто изъ Архангелогородской, кто изъ Московской, кто изъ Казанской и Нижегородской губ., кто изъ Устюжскаго и Вятскаго края²⁾. Когда заводы были взяты на имя государыни Елизаветы Петровны, къ нимъ для работъ были присланы все крестьяне Бѣлоярской, Малышевской слободъ, Бикатунской крѣ-

¹⁾ Извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ рукописной, разнообразнаго содержанія, тетради, принадлежавшей известному знатоку Алтая, нынѣ умершему чиновнику Алтайскаго вѣдомства Ст. Ив. Гуляеву. См. Краткій историч. очеркъ Алтайскаго округа. СПб. 1897 г. и Полн. собран. закон. VII, № 9403.

²⁾ Арх. Колывано-Воскр. гор. начальства, въ столѣ дѣлъ № 35.

пости и Бердскаго острога¹). „А понеже извѣстно, писала государыня въ именномъ указѣ Бееру, что при оныхъ заводахъ мѣста къ поселенію людей довольныя и всемъ потребнымъ къ житію человѣческому изобильныя, и для того по рѣкамъ, близъ оныхъ заводовъ текущимъ, селить *пришлыхъ* въ Сибирь, кои явились по нынѣшней генералитетской переписи и оные пришлые люди, чьи бы они ни были, должны зарабатывать на заводахъ первое подати государственныя по 70 к., другое подати помѣщикамъ по 40 к.“ (въ годъ)²). Такимъ образомъ, кромѣ причисленныхъ къ заводамъ сибирскихъ крестьянъ, къ нимъ, заводамъ, нужно было присылать людей пришлыхъ самовольно въ Сибирь, или иначе—людей бѣглыхъ. И вотъ начинаются облавы на бѣглыхъ на протяженіи отъ самаго Урала до Иркутска. А бѣглыхъ въ Сибири и теперь было достаточно, такъ какъ разныя тяготы, угнетавшія крестьянскую жизнь тамъ, въ центральной Россіи, не исчезали.

Правда, въ царствованіе Елизаветы Петровны крестьянскія подати были облегчены, но за то распространенный въ отечествѣ расколъ преслѣдовался гораздо сильнѣе, чѣмъ было это при Петрѣ I и даже при Аннѣ Ивановнѣ. Въ продолженіи 40 и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія для раскола какъ бы вернулось то огненальное время, какимъ въ его исторіи былъ ознаменованъ конецъ XVII вѣка. Въ виду преслѣдованій „старовѣрцы“ горѣли тамъ и здѣсь. Горѣли одни наиболѣе фанатичные, другіе бѣжали для укрывательства отъ властей—бѣжали по тѣмъ путямъ, которые уже давно были протоптаны русскимъ лантемъ и изъ которыхъ одинъ вель на востокъ—въ Сибирь, въ ея необозримыя степи, въ ея неоглядныя, угрюмыя и глухія черви или тайги. Помимо утѣсеній, какія испытывали раскольники, существовали и другія болѣе общія

¹) Впрочемъ, присылаемые крестьяне въ количествѣ 400 дворовъ были у Алтайскихъ заводовъ и за время, когда ими владѣлъ еще Демидовъ. Сибирскіе крестьяне были причислены къ Демидову въ 1740 и 1742 гг.

²) Пол. соб. зак. XII, № 2403.

горести. Известно, что царствованія Елизаветы Петровны и Екатерины II были временемъ наиболѣе полнаго развитія крѣпостнаго права съ его жестокостями, съ его подавленіемъ не только гражданской, но пожалуй и человѣческой личности того, кто въ мозолистыхъ своихъ рукахъ держалъ соху—эту опору благосостоянія Россіи, нашу матушку—

„Неизмѣнную кормилицу,
Вѣковѣчную работницу“.

При Петрѣ I можно было укрыться отъ крѣпостной зависимости самовольнымъ уходомъ въ военную службу. Тяжела была послѣдняя, но при всей ея тягости крестьянинъ въ нерѣдкихъ случаяхъ готовъ былъ предпочесть ее крѣпостной неволѣ. Въ царствованіе Елизаветы крестьянину законнымъ образомъ уйти отъ помѣщика было уже некуда. Крѣпостные, самовольно уходившіе въ солдаты, были наказываемы кнутомъ. Какъ тяжело русскій крестьянинъ чувствовалъ на себѣ гнѣть состоянія въ крѣпостныхъ условіяхъ доказывается крестьянскими возстаніями противъ крѣпостныхъ владѣльцевъ. Возстаніями переполено царствованіе Елизаветы,—они постоянно повторялись и при Екатеринѣ, выразившись, наконецъ, въ томъ огромномъ больномъ нарывѣ на историческомъ организмѣ русскаго государства, который извѣстенъ подъ именемъ Пугачевщины. Въ началѣ царствованія Екатерины II Петръ Ив. Панинъ подалъ государынѣ свое мнѣніе о мѣрахъ пресѣченія крестьянскаго бѣгства, при чемъ указалъ слѣдующія причины этого, удручавшаго государство, явленія: 1) „строгость какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго начальства къ раскольникамъ; 2) привычка помѣщиковъ продавать крѣпостныхъ отдѣльно отъ ихъ семей, а также продавать въ рекруты за чужія деревни безъ всякаго вниманія къ огорченію и разоренію оставшихся семействъ; 3) чрезмѣрно-дурное содержаніе рекрутъ, 4) ничѣмъ вообще неограниченная власть помѣщиковъ надъ крестьянами, при чемъ неумѣренная роскошь заставляеть первыхъ

брать съ послѣднихъ подати и употреблять въ работы не только тяжкія, но и превосходящія силы человѣческія и т. д.¹⁾ Дворяне—депутаты извѣстной Екатерининской комиссіи сильно печаловались, что постоянныя бѣгства крестьянъ наносятъ благосостоянію дворянства огромный ущербъ. Извѣстно, что въ первые годы своего правленія Екатерина II заговорила было объ освобожденіи крѣпостныхъ или, по крайней мѣрѣ, какъ предлагала въ своемъ либеральномъ Наказѣ, объ облегченіи бремени въ положеніи послѣднихъ. А на дѣлѣ все кончилось тѣмъ, что крѣпостное право распространено было на Бѣлоруссію и Малороссію, гдѣ его прежде не существовало,—помѣщикъ получилъ власть ссылать по своему усмотрѣнію крестьянина въ Сибирь и крестьяне лишены были возможности жаловаться на пригнѣненія и жестокости своихъ господъ безъ опасенія за такую продерзость подвергнуться битью кнутомъ и идти затѣмъ на поселеніе²⁾.

Какъ при Елизаветѣ и Екатеринѣ было много бѣжавшихъ въ Сибирь краснорѣчиво доказывается тѣмъ, что на однихъ уральскихъ заводахъ бѣглыхъ насчитывали десятки тысячъ душъ³⁾. Что касается въ частности Томскаго края, то, по архивнымъ матеріаламъ, бѣглецы намъ встрѣчаются здѣсь чаще всего единичными личностями и семьями. Мы, однако, ограничимся сообщеніемъ указаній только на бѣглецовъ группами. Вотъ ѣдутъ въ Томскую Сибирь крестьяне Ставадины съ товарищами. Всѣхъ ихъ на пути хотѣли было задержать, но бѣглецы уе-

¹⁾ Соловьевъ. Истор. Россіи, XXV, стр. 145 и г. по изд. товар. „Общ. Польза“.

²⁾ Въ 1767 г. 22 августа состоялось такое распоряженіе: „которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся и въ противность 2 уложенной главы 13 пункта дозволеннымъ на помѣщичьихъ своихъ челобитныхъ, а иначе Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки подавать отважатся,—то какъ челобитники, такъ и сочинители сихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ и прямо ссылаются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты“.—Правиковъ. Памятникъ изъ законовъ, ч. I, стр. 137. Москва. 1806. Ср. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVII, гл. I, стр. 333—334 по изданію товарищ. „Общ. Польза“.

³⁾ Въ 1747 г. бѣглыхъ было найдено изъ Уралѣ 16391 д. Соловьевъ, XXII, гл. II, стр. 398. То-же изд.

ибли укрыться, оставивъ въ рукахъ поимщиковъ одну женщину¹⁾. Вотъ еще 13 бѣглыхъ семей, найденныхъ въ 1745 г. въ деревняхъ Ординской, Малой Кривощечковой и Ярской²⁾. Вотъ еще нѣсколько монастырскихъ крестьянъ, пришедшихъ къ Томску безъ паспортовъ съ Урала, и 30 семей, поселившихся по р. Кыргызинской въ Чаусскомъ стану и т. д.³⁾. Попрежнему являлись бѣглецы и изъ Тары, скрывавшіеся, несомнѣнно, отъ преслѣдованія по расколу. Въ 1749 г. изъ Тарскаго района вышло самовольно 100 семей, найденныхъ затѣмъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Кузнецкаго уѣзда⁴⁾.

Какъ сказано, „пришлыхъ“ въ то время присылали къ заводамъ и селили на заводскихъ земляхъ. И въ Барнаульскомъ горномъ архивѣ таятся цѣлые ряды дѣлъ о пришлыхъ, взятыхъ то въ Иркутскѣ или около него, то присланныхъ подъ конвоемъ изъ Тобольска, то изъ Томска или Кузнецка и т. д.⁵⁾

Съ конца царствованія Елизаветы Петровны количество селъ и деревень, причисленныхъ къ Колывано-Воскресенскому горному вѣдомству, увеличилось. Съ 12 янв. 1761 г. были прикрѣплены къ заводамъ всѣ крестьяне, жившіе въ Томскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, не исключая и крестьянъ, которые имѣли оубѣдлость въ самыхъ Томскѣ и Куз-

¹⁾ Арх. Том. Д. Консисторіи. Указъ Тобольск. Консисторіи Том. Дух. Правленію отъ 11 мая 1752 г.

²⁾ Промеморія ревизоровъ по II ревизіи въ Томскую воеводскую канцелярію. Монаст. арх., св. 4.

³⁾ Арх. Том. Ал. монаст., св. 4.

⁴⁾ Арх. Колыв.-Воскр. гор. нач. въ столѣѣ д. № 79.

⁵⁾ Ся. огромный списокъ пришлыхъ присланныхъ къ заводамъ въ арх. Колыв. Воскр. гор. начал., столѣѣ дѣлъ № 85 св. столбы: № 30 79, 110, 172. Между прочимъ въ 1748 г. велѣно было выслать къ Алтайскимъ заводамъ нѣкоторыхъ изъ пришлыхъ, проживавшихъ въ Невьянской Демидовой богатырѣ. Нарочно посланному въ Невьянскъ сержанту приказано было захватить изъ богатырѣ 53 чел., оказавшихся годными къ работѣ. Арх. К.-Воскр. г. н., столѣѣ д. № 30. По сообщенію Гуляева, въ концѣ 1740—хъ годовъ пришлыхъ было прислано къ заводамъ всего 2216 душъ. Тетрадь Гуляева въ рукописи.— 1 янв. 1759 г. Колыв. Воскр. Канц. писала бригадиру Фрауендорфу, что въ скоромъ времени ожидаетъ присылки для заселенія заводскихъ земель 400 «пришлыхъ» семей. Чт. общ. ист. и др. Россіи. 1867 г. Кн. 2, стр. 261.

нецѣ и которые во многихъ случаяхъ происходили отъ бывшихъ служилыхъ людей и сибирскихъ дѣтей—боярскихъ. Количество рабочихъ силъ при заводахъ увеличилось, но бѣглыхъ присылать въ заводское вѣдомство все-таки не переставали. Случалось, что въ числѣ бѣглыхъ приисывали къ заводамъ и такихъ лицъ, которыя пришекъ по законамъ не подлежали. Между другими пришлыми, высланными изъ Тобольска въ 1749 г., находился иѣкто Ив. Колинъ, прибывшій въ Сибирь изъ Тотьмы изъ тамошнихъ посадскихъ людей. Его причислили къ заводамъ, но отецъ запротестовалъ, указывая, что сынъ отправился въ Сибирь, не какъ праздношатающійся, а „для кучества“, что при II ревизіи въ окладъ онъ положенъ и нынѣ насильственно взятъ въ Кольвано-Воскресенское вѣдомство только потому, что паспортъ оказался у него просроченнымъ. Не смотря на это заявленіе, Кольвано-Воскресенская канцелярія протесту не вняла и Колина отпустить не захотѣла¹⁾. Въ томъ же 1749 г. Томскій воевода прислалъ къ заводамъ 48 человѣкъ, пришедшихъ въ Сибирь на заработки съ начпортами. На этотъ разъ канцелярія смилославась, присланныхъ отпустила назадъ, поставивъ усердному воеводѣ на видъ, что въ данномъ случаѣ онъ поступилъ „неосмотрительно“²⁾.

Но исчерпаемъ по возможности полнѣе обзоръ колонизаціи края за XVIII в. при посредствѣ бѣглыхъ.

Императрица Екатерина II, ослабивъ строгость гражданскихъ постановленій противъ раскола, между прочимъ задась цѣлью вернуть изъ заграницы раскольниковъ, бѣжавшихъ туда въ прежніе годы, при чемъ прощала всѣ ихъ вины и указала имъ мѣста для поселенія, съ освобожденіемъ на 6 лѣтъ отъ всякихъ податей, въ нынѣшнихъ Астраханской, Саратовской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ, по

¹⁾ Арх. Кольв. Воскр. гор. начальства, въ столѣ д. № 94.

²⁾ Арх. К. Воскр. гор. нач., въ столѣ д. № 30, листъ 170.

болѣе всего въ Сибири близъ Тобольска, въ Барабинской степи и въ вѣдомствѣ Усть-Каменогорска. Хлынули волной раскольники изъ-за рубежа въ давно покинутое отечество, но, однако, не всѣ. Жители Польской Вѣтки и раскольническихъ слободъ около нея изъ-за рубежа выходить не хотѣли и, мало того, стали очень громко заявлять себя частыми разбоями какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ сопредѣльныхъ руссійскихъ мѣстахъ. Упорство и буйства бѣглецовъ заставили императрицу послать туда генералъ-майора Маслова съ войскомъ. Масловъ разорилъ Вѣтку и вывелъ оттуда до 20000 раскольниковъ, которые и были затѣмъ препровождены на поселеніе въ Сибирь. Немало ихъ было поселено въ Барабинской степи, но особенно много въ Алтайскихъ горахъ по рр. Убѣ, Ульбѣ, Глубокой и прочимъ притокамъ Иртыша съ правой стороны. Это были прадѣды тѣхъ раскольниковъ, которые нынѣ составляютъ самое зажиточное населеніе въ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ округахъ и которые извѣстны тамъ подъ страннымъ именемъ „поляковъ“ (выходцы изъ Польши)¹⁾.

При Колывано-Воскресенскихъ заводахъ, въ царствованіе Екатерины II значительно умножившихся въ числѣ²⁾, состоялъ всегда огромный штатъ рабочихъ: мастеровыхъ, рудоконовъ, угольщиковъ, плавильщиковъ и проч., которые несли чрезвычайно обременительный и изнурительный трудъ. Рабочіе набирались изъ крестьянъ всѣхъ селеній, причисленныхъ къ заводамъ и отбывали заводскій трудъ, какъ воин-

¹⁾ Варадиновъ. Исторія Мин. Вн. Дѣлъ. Кн. VIII, стр. 31; см. Мельниковъ. Истор. очерки новопознаны, стр. 255.

²⁾ Въ 1764 г. былъ построенъ Павловскій заводъ на р. Космагѣ (притокъ Оби), въ 1765 г. Сузунскій жѣдно-плавильный (гдѣ чеканилась жѣдная сибирская монета), въ 1771 г. Жельмо-Томскій на Томь-Чемушѣ, въ 1775 г. Алейскій, 1782-1783 г. серебро-плавильный Локтевскій и въ 1795 г. Гавриловскій. Кроме заводоу, много рабочихъ требовалось на рудники: Змѣевскій (Змѣиногорскій), Боголювленскій, Бутырскій, Галмцовскій, Шеманаушкинскій, Таловскій, Золотушинскій, Семеновскій, Салаирскій (открытъ съ 1881 г.), Риддерскій (открытъ съ 1784 г.), Петровскій и Титовскій (съ 1787 г.), Зырянскій (открытъ съ 1791 г.) и др. — Краткій истор. очеркъ Алт. округа, стр. 15-17.

скую повинность. Кромѣ того, для исполненія многочисленныхъ заводскихъ порученій, наприм., рубки лѣса, приготовленія дровъ или угля, вывозки этого матеріала къ заводамъ, перевозки къ заводамъ руды назначались и сами крестьяне по очереди или цѣлыми деревнями, или отдѣльными семьями изъ деревень. Работы были тяжелыя, а для „бергальовъ“ — такъ назывались постоянные рабочіе — каторжныя въ точномъ смыслѣ этого слова¹⁾. За неисправности въ работахъ, за провинности рабочихъ наказанія царили жестокія. Кнута, плетей, кошекъ и том. подоб. прелестей горные начальники, въ большинствѣ иностранцы, для русской сими не жалѣли. Поэтому естественно, что въ обширномъ вѣдомствѣ „Колывано-Воскресенскаго Горнаго Начальства“ въ свою очередь происходили безпрестанныя бѣгства. Какъ и слѣдуетъ ожидать, бѣгали преимущественно „бергаль“, но случалось, что по ихъ слѣдамъ и заводскіе крестьяне, особенно изъ недавнихъ принисныхъ — пришлыхъ. Бѣгали въ разныя стороны, но самымъ уютнымъ мѣстомъ для укравательства бѣглецы считали тотъ уголь юго-восточнаго Алтая, который извѣстенъ подъ именемъ Бухтарминскаго края. Изборожденный огромными горами, среди которыхъ высятся такіе гиганты, какъ Катунскіе бѣлки, Холзунъ, сама величавая Бѣлуха, испещренный неисчислимыми пропастями и ущельями, этотъ малодоступный край доставлялъ такія удобства для бѣглаго человѣка въ смыслѣ искомой имъ безопасности и въ отношеніи добычи жизненныхъ

¹⁾ Огромныя трудности заводскихъ работъ очень ярко изображены въ Краткомъ очеркѣ Алтайск. окр., стр. 13—14 примѣч. Чтобы избавиться отъ непосильныхъ работъ, мастерские нередко ложно возводили на себя тяжкія преступленія, и нередко же рѣшались на самоубійство. Какъ страшны были наказанія практиковавшіеся въ Колыванскомъ вѣдомствѣ, — страшны не только для мастерскихъ, но и для заводскихъ крестьянъ, показываетъ такой, напр., случай. Въ 1834 г. крестьянинъ дер. Жеравлихи Чужышской вол. Спиридонъ Новоселовъ, только-лишь вернувшійся домой съ очередныхъ работъ на Змѣиногогорскомъ рудникѣ, нанесъ себѣ тяжелую рану ножомъ въ пахъ. При дознаніи Новоселовъ показалъ, что хотѣлъ лишить себя жизни изъ за того, что жители Жеравлихи возвели на него обвиненіе въ покражѣ 6 лошадей и потому убоялся, что „его будутъ гѣнить начальство“. Арх. Колыв. Воскр. связка дѣлъ подъ заглав.: „Частныя происшествія“ за 1834 — 5 г.

средствъ — какихъ не могла дать дремучая тайга. Бѣжать въ горы Бухтарминскаго Алтая — это, по выраженію томскихъ крестьянъ, значило уйти „въ Камень“. Отсюда бухтарминскіе бѣглецы носили названіе „каменьщиковъ“. Въ 1748 г. бѣжали „въ Камень“ шмельцеры Битковъ и Плотниковъ. Но прежде чѣмъ успѣли удалиться въ глубь „Каменя“, они были пойманы. На распросахъ, подъ кнутомъ, бѣглецы рассказали, что ушли въ бѣга для того, чтобы „жить въ легкости“ и что съ ними на р. Убѣ были и другіе товарищи, ушедшіе дальше въ горы съ тѣмъ, „чтобы ихъ никто и никогда не могъ отыскать“¹⁾. Въ другихъ случаяхъ бергалы уходили къ Бухтармѣ цѣлыми толпами. Въ 1764 г. сюда сразу ушло 25 человѣкъ изъ рабочихъ Зміевского рудника. Кромѣ бергаловъ и заводскихъ крестьянъ, сюда же за Камень, текли преступники съ каторги и особенно часто раскольники, искавшіе того загадочнаго Бѣловодья, гдѣ будто бы во всемъ сіяніи царить красота древняго благочестія. Имѣется указаніе, что на это мѣсто впервые зашли именно раскольническіе старцы, забредшіе сюда чуть-ли не во времена Петра В.²⁾. Словомъ, здѣсь постепенно накопилось населеніе въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Оно завело хлѣбопашество, но главнымъ образомъ содержалось отъ звѣроловства и отъ рыбнаго промысла на р. Черномъ Иртышѣ и на оз. Зайсанъ. Звѣриныя шкуры горныхъ козловъ, мораловъ, бѣлки, выдры, соболя и бобра каменьщики сбывали китайцамъ, а иногда русскимъ изъ ближайшихъ къ нимъ пограничныхъ поселеній, куда иногда бѣглецы позволяли себѣ являться потаенно. Потаенно же они вѣ-

¹⁾ Арх. Колыв.-Воскр. гор. нач. столнѣ д. № 79.

²⁾ Принтъ. „Каменьщики, ясные крестьяне Бухтарминской волости Том. губерніи“. Зап. Рус. Географ. Общества т. I, 1867. Стр. 547. Въ 1773 г. въ Красноярскую земскую избу (на Иртышѣ) привели бѣлаго раскольника Гордѣя Еремѣева. Онъ показалъ, что пришелъ изъ Россіи въ Сибирь вмѣстѣ съ раскольниками — поляками, а затѣмъ скрылся въ Камень по р. Бухтармѣ, жилъ тамъ «съ прочими бѣглецы, питался рыбою и звѣрьемъ». Арх. Кол. Воскр. Гор. Нач. столнѣ д. № 718.

дили за солью къ солянымъ озерамъ въ 50 верстахъ отъ Локтевскаго завода. Недоставало въ ихъ бѣглой средѣ женщинъ, и это вынуждало бѣглецовъ на рискованные подвиги похищенія женъ. „Сабинянокъ“ въ своемъ родѣ они доставали изъ тѣхъ же русскихъ пограничныхъ деревень, куда скрытно являлись для торга или мѣны добытыхъ звѣриныхъ шкуръ. Въ цѣляхъ лучшаго укрывательства, каменьщики жили избушками, раскиданными врознь. Сходились или съѣзжались вмѣстѣ, какъ запорожцы на раду, только въ экстренныхъ случаяхъ для рѣшенія какихъ-либо общихъ дѣлъ, а также для суда и расправы. Буйство, воровства и убійствъ въ этой вольной компаніи было довольно. За тяжкія преступленія каменьщики наказывали виновныхъ, привязывая ихъ къ маленькому плоту и пуская послѣдній по чрезвычайно быстрой Бухтармѣ, а иногда преступника убивали тутъ-же, на мѣстѣ суда.

Разные порядки въ жизни, раздоры между собою, а главное сознаніе, что нельзя же жить вѣчно своей одинокой, отъ всѣхъ отчужденной, партіей заставили каменьщиковъ чаще и чаще подумывать о явкѣ. Но кому явиться? Русскому начальству. Это было очень рискованно, потому что за бѣгство и преступленія, предшествовавшія бѣгству, можно было пострадать очень жестоко.

Сохранилось извѣстіе, что бѣглецы просили о принятіи ихъ въ Китайское подданство. Но Бохдыханъ отказалъ, не находя ничего лестнаго для Небесной имперіи въ подданствѣ русской буйной голытьбы. Да и сами каменьщики разочаровались въ задуманномъ намѣреніи, когда ихъ довѣренные, посланные для переговоровъ съ китайскими властями, вернувшись изъ Китайскаго города Хобдо, рассказали до какой степени часто совершались предъ ихъ глазами казни у Китайцевъ, казни мучительныя даже за ничтожныя преступленія. Между тѣмъ на Бухтармѣ былъ открытъ серебряный Зыряновскій рудникъ, и горное начальство принялось усиленно сна-

ряжать отряды рабочих и мастеров на новое мѣсто своей горной дѣятельности. Каменьщики не могли болѣе оставаться въ бездѣятельности. Въ 1790 г. они объявились прибывшему въ Бухтарму чиновнику Прѣзжеву, изъявляя, въ случаѣ, если имъ дано будетъ прощенье, готовность на всякую услугу, какую бы ни потребовало отъ нихъ правительство. Дѣло пошло по инстанціямъ и дошло до Государыни. Указомъ, даннымъ на имя сибирскаго генераль-губернатора Илѣя, Екатерина обрадовала каменьщиковъ своимъ полнымъ прощеньемъ, подчинивъ ихъ наравнѣ съ алтайскими телеутами управленію инородческой управы, почему до 1882 г. они именовались страннымъ для русскихъ именемъ ясачныхъ инородцев¹⁾.

Ходатайствовали о прощеньи 250 мужчинъ и 67 женщ., но послѣ всѣхъ каменьщиковъ оказалось значительно большее число. Вышедъ изъ отдѣльныхъ избушекъ, каменьщики образовали деревни Сѣнную, Огневую, Александровку, Выкову, Бѣлую, Язовую и др.

Изъ мѣропріятій, направленныхъ въ продолженіе XVIII в. къ колонизаціи насѣ занимающаго края волиѣ легальнымъ элементомъ, намъ прежде всего извѣстно заселеніе военныхъ линій: Иртышской, Кольванской и Кузнецкой. Повелѣніемъ Петра В. въ 1714 г. изъ Тобольска снаряжена была экспедиція въ „Яркань“, или въ Восточный Туркестанъ, для отысканія мѣсторожденій золота по рр. Аму и Сырь-Дарьямъ. Экспедиція, состоявшая подъ начальствомъ свачала подполковника Вухгольца, потомъ Ступина и гвардіи-майора Лихарева, до золота не добралась, но за то оказала ту услугу Сибири, что по Иртышу построила крѣпости Ямышевскую, Омскую, Желъзинскую, Долонскую, Семипалатную, Убинскую, Усть-Каменогорскую (1715—

¹⁾ О каменьщикахъ см. указанную выше статью въ Зап. Рус. географ. общества, а также у Щеглова: Хронологич. перечень важнѣйш. данныхъ изъ истор. Сибири, стр. 324 и дал. и „Краткій истор. Алтайскаго округа“; стр. 10—11 примѣч.

1720 г.). Это и составило линію Иртышскихъ крѣностей, которая была чрезвычайно важна для обереженія сибирскаго населенія отъ набѣговъ калмыковъ и киргизъ. Колыванская линія была устроена въ 1759 г. и проходила отъ Иртыша вдоль р. Убы до впаденія въ нее рч. Шеманаихи. Далѣе чрезъ форнось Шеманаиху, д. Екатерининскую, Старо-Алейскую, Змѣиногорскій рудникъ, Колыванскій заводъ, Вьлорѣцкій форнось она тянулась до дер. Моралихи. Третья военно-Кузнецкая линія, открытая въ 1760-хъ годахъ, шла отъ Устькаменогорска до Кузнецка чрезъ Телецкое озеро и Бійскую крѣность¹⁾. Обѣ послѣднія линіи проведены были для обереженія южныхъ предѣловъ Томскаго края отъ вторженій не столько уже со стороны калмыковъ, сколько китайцевъ. Крѣности и форносы по всеѣмъ линіямъ сначала были заселены исключительно солдатами изъ Тобольска, солдатами изъ ссыльных²⁾ и казаками изъ городовъ Томска, Нарыма и Сургута съ присоединеніемъ сюда нѣкоторой части казаковъ съ Дона и даже ссыльных запорожцевъ³⁾. Но правительство и мѣстные власти заботились о заселеніи пустыхъ, прилегавшихъ къ крѣностямъ, земель и болѣе надежнымъ, болѣе постояннымъ, крестьянскимъ элементомъ. Такъ, въ 1758 г., когда открытіе Колыванской линіи только еще проектировалось, Сибирская губернская канцелярія указомъ предписала Енисейской провинціальной канцелярїи

¹⁾ Въ 1771 г. въ составъ Кузнецкой линіи входили: поселокъ Ульбинскій, Бобровская защита, Сентовскій редутъ, Верхъ-Убинская защита, Большерѣцкая, Плоская, Ключевскій маякъ, Верхъ-Вьлорѣцкая защита, форносы: Тигирецкій, Яровскій, Чарышскій, маякъ Сосновскій, шанимъ Моралихъ рога, маякъ Славенскій, форнось Антоновскій, маякъ Николаевскій, Терскіе шанимы, крѣности: Ануискаа, Катунская, Бійская, Бехтемірская, форнось Новиковскій, Курбѣевскій и гор. Кузнецкъ. — Близъ Костромъ „г. Кузнецкъ“ (Историко-статистическій очеркъ). Отд. оттискъ изъ Томскихъ Губ. Вѣдом. за 1879 г.

²⁾ См. арх. Колыв.-Воскр. Г. Нач. № 448. Въ 1773 г. были пойманы солдаты — дезертиры Тимофеевъ изъ Москвы и Ивановъ изъ Петербурга. По наказаніи ихъ отправили на Иртышскую линію. Арх. К.-Воскр. Г. Нач. столбъ д. № 718.

³⁾ Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ дѣяній изъ истор. Сибири. 1883, стр. 292.

опубликовать немедленно о вызовѣ желающихъ переселиться изъ Енисейской провинціи къ Бійской крѣпости крестьянъ, разночинцевъ и посадскихъ людей. Вызовъ былъ объявленъ и въ результатѣ оказалось, что въ 1759 изъ Енисейской провинціи пожелало перейти къ Бійску сначала 197 душъ муж. пола,¹⁾ а затѣмъ 178 душъ муж. пола и 128 женскаго²⁾. Кромѣ крестьянъ изъ Енисейской провинціи, къ Бійску въ то же время явились на переселеніе пахари изъ другихъ сибирскихъ мѣстъ въ количествѣ 66 д. муж. пола и 37 женскаго³⁾. При учрежденіи Кузнецкой линіи генераль-маіоръ Веймарнъ и бригадиръ Фрауендорфъ сдѣлали въ Сенатъ представленіе о необходимости переселенія къ Усть-Каменогорску и на земли по рѣкамъ Удѣ, Ульбѣ, Березовкѣ и Глубокой, по крайней мѣрѣ, 2000 „настоящихъ работниковъ“, хотя бы насильственнымъ нарядомъ изъ крестьянъ Tobольской провинціи. Переселенія насильственнымъ путемъ Сенатъ не одобрилъ и предписалъ ограничиться переведеніемъ тѣхъ только, „кои сами того пожелаютъ“ съ трехъ-лѣтней льготой отъ всякихъ податей и повинностей⁴⁾.

Въ 1760 г. добровольно захотѣли переѣхать на тѣ рѣки нашихъ крестьянъ изъ Tobольскихъ дистриктовъ 211 душъ мужского и 150 д. женскаго пола⁵⁾. И кромѣ того, въ этомъ и слѣдующихъ 1761 и 1762 гг. изъ Tobольскихъ же уѣздовъ много шло сюда крестьянъ отдѣльными семьями⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что случаи добровольныхъ крестьянскихъ переселеній какъ къ Бійску, такъ и къ Устькаменогорску бывали не разъ и потомъ, но вполнѣ основательное опасеніе на счетъ возможнаго закрѣпощенія въ

¹⁾ Чт. общ. истор. и древ. Россіи. Матеріалы для истор. Сибири 1867. кн. 2. Стр. 259, 260.

²⁾ Тамъ-же, стр. 266.

³⁾ Тамъ-же, стр. 262, 263.

⁴⁾ П. Сиб. Зак. т. XV, № 14124.

⁵⁾ Чт. общ. истор. и древ. Россіи. Матер. для исторіи Сиб. 1867. Кн. 2, стр. 263—265.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 265.

пользу Колыванскихъ заводовъ все-таки должно было сильно тормозить свободное движеніе въ эти благодатныя под-алтайскія мѣстности крестьянскихъ семей изъ разныхъ др. частей сибирской страны. Насильственное переведеніе сюда раскольниковъ съ Вѣтки мы уже видѣли.

Въ 1773 г. изъ Сената послѣдовала запросъ коллегіи Экономіи: сколько въ Московской провинціи такихъ селъ и деревень, крестьяне которыхъ имѣютъ недостатокъ въ землѣ и сколько изъ такихъ малоземельныхъ крестьянъ можно было бы выселить въ другія мѣста? Коллегія Экономіи отвѣтила, что по одному Московскому уѣзду крестьянъ съ малыми надѣлами найдется „очень довольное число“. Сенатъ опредѣлилъ высылать таковыхъ въ Сибирь для заселенія „нужныхъ сибирскихъ мѣстностей“¹⁾. Но намъ неизвѣстно, было-ли это опредѣленіе приведено въ исполненіе и если было, то пошло-ли сколько нибудь подмосковныхъ экономическихъ крестьянъ на поселеніе въ нашъ Томскій край?

Гораздо болѣе опредѣленными свѣдѣніями мы располагаемъ относительно заселенія принадлежащей Томскому краю Барабинской степи. Обширная степь до половины XVIII вѣка, за исключеніемъ рѣдкихъ инородческихъ поселеній и трехъ русскихъ военныхъ пунктовъ, представляла пустопорожнее мѣсто. Между тѣмъ населеніе здѣсь было нужно и для развитія земледѣлія, и для того, что продолжить по Барабѣ устройство большого сухопутнаго Сибирскаго тракта, доведеннаго къ 1750-мъ годамъ только до Тары, и, наконецъ, для ямской гоньбы по этому тракту отъ Тары до Томска. Въ 1755 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ выхлопоталъ разрѣшеніе на переведеніе сюда ямщиковъ изъ старинныхъ сѣверныхъ сибирскихъ ямскихъ селеній Демьянка и Самарова (по самому низовью р. Иртыша). Вскорѣ ямщицье населеніе на Барабѣ

¹⁾ Соловьевъ. Истор. Рос. XXIX, гл. II. По изданію товарищества Общ. Пользы кн. 6, стр. 1023.

значительно умножилось. Въ 1761 г., по представленію начальника колыманскихъ заводовъ полковника Порошина, сюда изъ Демьянска-же и Самарова было переведено еще 1559 человекъ, такъ что названна яскія селенія опустѣли почти совершенно¹⁾. Какъ упомянуто выше, въ началѣ царствованія Екатерины II въ Барабу прибыла часть раскольниковъ, выведенныхъ изъ Польши. А губернаторъ Чичеринъ, кромѣ того, усиленно причислялъ къ составу барабинскихъ ямщиковъ и крестьянъ еще „посельщиковъ“, т. е. людей сосланныхъ изъ Россіи. Въ общемъ при Чичеринѣ степь оживалась населеніемъ, которое, исполнивъ трудное дѣло проведенія тракта по низменной, болотистой мѣстности, взялось и за земледѣліе²⁾.

Большую дорогу отъ Томска по направленію къ Иркутску тотъ же Чичеринъ старался заселять крестьянами изъ разныхъ сибирскихъ мѣстъ и въ особенности изъ Енисейской провинціи. Онъ присылалъ ихъ сюда взамѣнъ рекрутчины. Безъ ссыльныхъ не обошлось и въ этомъ восточномъ углу Том. края³⁾.

Остается сказать о ссыльныхъ спеціально. Колодники идутъ изъ Россіи въ Сибирь во все продолженіе XVIII в. цѣлыми партіями и во многихъ случаяхъ останавливаются въ Тобольскѣ и въ Томскѣ для распределенія ихъ отсюда по селамъ и деревнямъ. Длинный рядъ ссыльныхъ, пришедшихъ къ Томску и осѣвшихъ въ немъ и около него, открывается, за XVIII в., партією плѣнныхъ шведовъ, пришедшею сюда изъ

¹⁾ Село Самарово. Хрисифа Лопарева. СПб. 1896, стр. 28.

²⁾ Въ 1764 г. Колымано-Воскрес. канцелярія свидѣтельствовала, что крестьяне, „переселенные по прозвѣтамъ Сибирь, губернаторовъ Митлева и Соймонова въ Барабинскую степь для устройства дороги и гоньбы ямщиной, совершили трудное и изнурительное для нихъ дѣло и только теперь начинаютъ принимать за нашу“. Арх. К. В. Г. И. столбъ д. № 461. Но это трудное дѣло проложенія дороги продолжалось и при губернаторѣ Чичеринѣ. При Чичеринѣ отъ 1762 по 1780 г. были основаны и распространены слѣдующія по Барабѣ селенія: Мураши, Ново-Тутальское, Назарово, Карачинское, Козловское, Ичинское, Туружовское, Верхне-Омское, Ново-Разино, Антошкино, Осиновые Колки, Колмаково, Крутологовское, Чулымское, Сергино, Иткульское.—Князь Костровъ. „Казанская Бараба“, стр. 35. Отд. оттискъ изъ Том. Губ. Вѣд. за 1874 г.

³⁾ „Тобольскъ и его окрестности“, Тобольскъ стр. 66. Соловцевъ. Истор. Обзоръ Сибирь, II, стр. 36, 40. Изд. 1886 г.

Тобольска въ 1814 г. Тоскливо этимъ несчастнымъ было уже въ Тобольскѣ, гдѣ, доходя до крайней степени въ своей печали о потерѣ родины, многіе изъ нихъ посягали на свою жизнь и нѣкоторые застрѣлились. Еще тоскливѣе они должны были чувствовать себя въ болѣе отдаленномъ и значительно менѣе культурномъ, чѣмъ Тобольскѣ, г. Томскѣ. Можетъ быть и въ Томскѣ кто-нибудь изъ нихъ старался разсѣвать тоску тѣмъ же благороднымъ дѣломъ, какимъ шведы занимались въ Тобольскѣ, т. е. обученіемъ грамотѣ дѣтей мѣстныхъ граждан¹⁾. Мы не знаемъ объ этомъ съ достовѣрностію, но знаемъ, что въ Томскѣ нѣкоторые изъ военноплѣнныхъ занимались столярнымъ ремесломъ и плотничной работой, или же вели мелочную торговлю, при чемъ иногда не гнушались торговать виномъ, добытымъ закономъ запрещенной самосядкой²⁾. Несомнѣнно, многіе изъ плѣнниковъ остались въ Томскѣ и ближнихъ къ нему деревняхъ навсегда, слившись съ мѣстнымъ населеніемъ и растворившись въ немъ. Въ 1730 г. Иванъ-Шведъ подрядился построить надворныя строенія на монастырской заимкѣ, существующей и доселѣ на р. Киргизскѣ³⁾.

Въ 1759 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы, въ виду недостаточности женщинъ въ Сибири и въ особенности въ мѣстностяхъ около крѣпостей по линіямъ Иртышской и Кольванской, ссыльныхъ женокъ и дѣвокъ Тобольское начальство препровождало для поселенія преимущественно къ тѣмъ крайнимъ мѣстамъ⁴⁾. И въ томъ-же 1759 г. начальникъ Иртышской линіи Фраундорфъ получилъ изъ Тобольска

¹⁾ von Wreech. Historie Schwedisch. Gefangenen in Russland und Siberien. Sorau, 1725. s. 33, 250, 565.

²⁾ Въ архивѣ Томскаго Алексѣевского монастыря имѣется реестръ дѣлъ комендантской канцеляріи отъ 1721 года. Въ реестрѣ означены три дѣла о провозѣ шведскими плѣнниками «посторонняго вина съ винокуреннаго посудомъ». — Здѣсь же помѣчено и такое обстоятельство: «Янв. 10 дня взята записка Шведскаго плѣнника капитана... объ убійствѣ брата его шведскаго плѣнника, зажегѣ его квартиры и о грабежѣ пожитковъ». — Связка 3.

³⁾ См. наше изслѣдованіе „Стар. монастыри Том. края“, стр. 69.

⁴⁾ Щегловъ. Хронолог. очерк. стр. 261.

слѣдующую промеморію: „Оказавшихся по осмотру въ губернской канцеляріи годныхъ на поселеніе женскаго пола колодницъ всего 43 для препровожденія къ Вашему Высокоблагородію отданы плывущему въ Иртышскія крѣпости съ провіантомъ квартирмейстеру Боголѣнову. И Ваше Высокоблагородіе соблаговолили-бъ тѣхъ женокъ и дѣвокъ въ назначенныя Вами мѣста опредѣлить на поселеніе съ дозволеніемъ, ежели тѣхъ женокъ и дѣвокъ кто пожелаетъ взять въ замужество, то позволять только осѣдлымъ крестьянамъ и разночинцамъ, а не военнослужащимъ, дабы они не могли съ мужьями изъ тѣхъ мѣстъ выбывать“¹⁾.

Подобныя же партіи присылались на Иртышскую и Колыванскія линіи не разъ и потомъ. Колодницъ направляли сюда въ возрастѣ отъ 19 до 40 лѣтъ. А каковы эти женщины были по своему нравственному состоянію, видно изъ слѣдующихъ показаній. Въ одной партіи, состоявшей изъ 42 женщинъ, 3 было сослано за заигательство помѣщичьихъ имѣній, 16—за мужеубійство, 7 за дѣтоубійство, 4 за укрывательство воровъ, 5 за воровство, 1 за побѣгъ, 1 за ложное показаніе на мужа и за 5-ью винъ не помѣчено. Женщины другой партіи (изъ 33 челов.) подверглись ссылкѣ: 4 за заигательство, 1 за отцеубійство, 8 за мужеубійство, 8 за убійство, 2 за воровство, 3 за побѣги, 2 за волшебство, 3 за дѣтоубійство, 1 за кровосмѣшеніе съ отцомъ и 1 за укрывательство преступленія²⁾.

Тѣмъ не менѣе колодницы быстро находили себѣ жениховъ и не только въ средѣ крестьянъ и разночинцевъ, но и военно-служащихъ казаковъ. Что касается другихъ военныхъ чиновъ вмѣстѣ съ офицерами, то они довольствовались тѣмъ только, что изъ „присыльныхъ“ отбирали ту или другую себѣ „въ услуженіе“.

Еще чаще на линіи отправляли колодниковъ изъ мужчинъ

¹⁾ Матер. для истор. Сибири. Чт. общ. истор. и др. 1867 г., кн. 2, стр. 266.

²⁾ Тамъ-же, стр. 267.

и въ цѣляхъ заселенія пустопорожнихъ мѣстъ, и затѣмъ, чтобы доставить крѣпостямъ дешевыхъ работниковъ для починки крѣпостныхъ сооружений. Въ 1761 г. Сибирскій губернаторъ Соймановъ писалъ въ Сенатъ, что лѣтомъ этого года въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ изъ Тобольска выслано въ Нерчинскъ колодниковъ 312 чел., и кромѣ того имѣется къ отсылкѣ еще 210 чел., „а уновательно, что скоро и того больше оныхъ (въ Сибирь) придется“. Соймановъ находилъ, что если направить къ Нерчинску всю массу сосланныхъ чрезъ Тобольскъ преступниковъ, то тамъ „въ провіантѣ окажется недостатокъ“. Въ виду этого губернаторъ просилъ у Сената дозволенія указанныхъ 210 человекъ, а равнымъ образомъ колодниковъ, которые будутъ присылаться впредь, направлять или на Барнаульскіе серебряные заводы, или на Иртышскую линію для починки и передѣлки тамошняго крѣпостного строенія. Велѣно было отправлять на Иртышскую линію до тѣхъ поръ, пока „въ Нерчинскихъ заводахъ хлѣба довольно не заготовится“¹⁾. Такія-же распоряженія повторялись и въ послѣдующіе годы, при чемъ преступниковъ отсылали не только на Иртышскую, но и на Колыванскую и Кузнецкую линіи къ китайскимъ предѣламъ. Въ своемъ архивномъ матеріалѣ намъ встрѣчались не разъ заявленія со стороны отдѣльныхъ изъ колодниковъ лицъ, въ которыхъ, въ заявленіяхъ, они просили поторониться ихъ браковѣчаніемъ въ виду необходимости идти на поселеніе къ китайской границѣ²⁾.

Послѣ 1747 г. не мало шло колодниковъ для работъ и на Колывано-Воскресенскихъ серебряныхъ заводахъ. Въ нерѣд-

¹⁾ Полн. собр. зак. т. XV, № 11331.

²⁾ Ся. наприм. II. соб. зак. № 18610.

³⁾ Палласъ при своемъ путешествіи по Сибири видѣлъ ссыльныхъ у одного Маяга, входившаго въ линію Иртышскихъ крѣпостей. Эти ссыльные занимались ломкою камня въ горахъ и перевозкою его къ крѣпостямъ. Онъ же передаетъ, что ссыльные въ то время имѣлись въ Алтайскихъ деревняхъ: Красноярской на Иртышѣ, Крутой Березонкѣ и Екатерининской (на Алѣѣ). — Палласъ. Путешествіе Кн. П., ч. 2, стр. 183, 212, 222 и 253.

нихъ случаяхъ ссыльные трудились здѣсь съ кандалами на ногахъ, пока не отбывали сроки наказаній, послѣ чего начальство распредѣляло ихъ по деревнямъ, или же, за старостію и болѣзнію, отпращивало въ заводскія богадѣльни. Съ 1762 года Колывано-Воскресенскія власти начали отказываться отъ пріема сосланныхъ преступниковъ на заводскія работы изъ опасенія „крайняго помѣшательства и совершеннаго вреда“ въ заводской дѣятельности¹⁾.

Но по извѣстію, которое мы встрѣтили въ рукописной тетради Гуляева, въ 70 и 80 годахъ прошлаго столѣтія въ Змиевскомъ рудникѣ отбывали каторгу нѣкоторые „генералы“ изъ босоной арміи Пугачева.

На линіи и къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ преимущественно отсылались преступники, сосланные въ Сибирь „въ работы“, т. е. приговоренные къ каторгѣ. Что-же касается до ссыльно-поселенцевъ, число которыхъ въ Сибири особенно умножилось съ тѣхъ поръ, какъ помѣщикамъ дано было право ссылатъ на сибирское житье своихъ крѣпостныхъ, то людей этого разряда можно было встрѣтить во множествѣ томскихъ селъ и деревень, не говоря уже о Барабѣ или о поселкахъ по Иркутскому тракту.

Вообще сколько ссыльныхъ перешло въ населеніе Томскаго края за протекшіи XVIII в. статистики на этотъ счетъ нѣтъ, да о ней въ то время не хлопотали. Владѣемъ въ этомъ случаѣ только отрывочными показаніями. Наприм., населеніе Иткульского прихода (въ Барабѣ) за 1782 г. состояло сплошь изъ ссыльныхъ. Ихъ насчитывалось здѣсь съ малолѣтками 1560 душъ муж. пола и 1104 женскаго. Въ слѣдующемъ 1783 г. въ приходѣ с. Семилужнаго, въ саможъ Семилужномъ и дер. Халдѣевой, сосланныхъ проживало 173 д. муж. и 158 ж. пола. Среди многочисленныхъ деревень, входившихъ въ составъ прихода с. Спасо-Яйскаго, находились:

¹⁾ П. собр. зак. т. XV, № 11414.

Колмонокій станецъ, Почитанская и станецъ Турунтаевскій. Они также исключительно были заселены ссыльными. За указанный 1783 г. въ первомъ насчитывалось ссыльныхъ 225 д. муж. и 120 д. ж. пола, во второй 48 м. и 46 ж. пола и въ третьемъ 78 м. и 44 ж. пола¹⁾. Известно, что всѣ перечисленные здѣсь деревни (нынѣ большія селенія) находятся, начиная отъ Семилужнаго, на востокъ отъ Томска по Иркутскому тракту. На этомъ же тракту въ предѣлахъ нынѣшней Томской губ. имѣлись и имѣются селенія Боготольское и Краснорѣчинское. По словамъ Палласа, посѣтившаго Томскій край въ 1771 г., с. Боготольское состояло за этотъ годъ изъ 160 дворовъ, изъ которыхъ 50 принадлежало крестьянамъ—переведенцамъ изъ Енисейской провинціи, а всѣ остальные ссыльнымъ. Населеніе с. Краснорѣчинскаго состояло изъ 150 семействъ, „кои по большей части были сосланы изъ Россіи на поселеніе“²⁾.

Имѣется свѣдѣніе, что въ 1804 г. въ Томской губерніи было предпринято водвореніе болѣе 7000 ссыльныхъ съ обезпеченіемъ ихъ въ хозяйственномъ отношеніи на сумму 383000 руб. асс. Но сколько ихъ было водворено въ дѣйствительности, въ источникѣ, которымъ въ настоящемъ случаѣ пользуемся, указаній нѣтъ и только глухо замѣчено здѣсь, что водвореніе удалось неволиѣ³⁾. Изъ дѣлъ Томскаго Дух. Правленія намъ известно, что во второмъ десяткѣ лѣтъ нынѣшняго столѣтія томская Экспедиція о ссыльныхъ выдавала ссыльнымъ брачныхъ разрѣшеній отъ 30 до 50 и болѣе въ годъ.

Въ то время ссыльные женились на ссыльныхъ-же, и вотъ образчики такихъ браковъ:

Ссыльный Михайло Веселой и таковая-же Акинья Михайловская просятъ у томскаго губернатора дозволенія соче-

¹⁾ Всѣ эти цифры заимствуемъ изъ Духов. росписей за 1782 и 1783 г. Росписи хранятся въ арх. Том. д. конекторіи.

²⁾ Палласъ. Путешествіе къ Н., ч. 2 1789. СПб., стр. 449—442.

³⁾ Щегловъ. Хронологическій перечень, стр. 357.

таться законнымъ бракомъ. А по справкамъ въ Канцеляріи о водвореніи сельныхъ оказалось:—Михайло Веселой приведенъ въ Томскъ 11 октября 1817 г. изъ Бессарабской области послѣ наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ поздрей за смертоубійство. Подлежалъ ссылкѣ въ Иркутскую губернію на каторжную работу, но, по болѣзненному состоянію, оставленъ въ Томскѣ для причисленія къ поселенію. Невѣста Акеинья Михайловская поступила въ Томскъ въ 1820 году изъ Таврической губ.—бывшая пранорщица. Сослана по сомнѣнію въ убійствѣ мужа,—тѣлесному наказанію не подвергалась. Прешетствій къ браку не оказалось, и онъ былъ повѣчанъ¹⁾).

Другой примѣръ. Женихъ—посельщикъ Каравайниковъ изъ Ярославскихъ мѣщанъ. Сосланъ послѣ наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ поздрей за кражи и грабежь. Невѣста—Ульяна Иванова, изъ крестьянскихъ женокъ Саратовской губ., сослана также по наказаніи кнутомъ за принятіе и сокрытіе грабленныхъ вещей. Оба слѣдовали въ Иркутскую губ.; но оставлены для водворенія въ Томскомъ уѣздѣ первый по его кузнечному мастерству, вторая по болѣзненному состоянію.

Примѣръ третій.—Женихъ посельщикъ Василій Филишовъ изъ государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи. Сосланъ безъ наказанія по оговору въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Невѣста Матрена Григорьева изъ крестьянскихъ дѣвокъ. Сослана безъ наказанія по подозрѣнію въ таковомъ же преступленіи²⁾).

Браковъ въ подобномъ видѣ мы могли-бы представить въ громадномъ множествѣ.

Въ своемъ общемъ очеркѣ мы представили всѣ элементы, изъ которыхъ сложилось крестьянское населеніе, колонизовавшее томскую страну. Какъ и всю Сибирь, ее колонизовали „мужики схожіе“ изъ разныхъ мѣстъ и среди нихъ наибольшее

¹⁾ Арх. Томской духовной консисторіи, столны дѣль за 1820—1822 годы.

²⁾ Арх. Том. д. консисторіи, столны д. Том. Д. Правл. за 1812 и 1819 г.

шее количество составляли люди, которыхъ вытолкали изъ Россіи или лихота отъ разныхъ гражданскихъ горестей и тягостей, или бѣда отъ содѣяннаго преступленія.

Прежде чѣмъ говорить, какъ „схожіе“ люди устраивались среди необозримыхъ полей и дремучихъ лѣсовъ томской шири и пустоши въ бытовомъ смыслѣ, намъ должно еще привести показанія о постепенномъ ростаніи томскаго крестьянства, сколько этихъ показаній можно собрать по нашему матеріалу въ цифровыхъ данныхъ, какъ равно и о количествѣ томскихъ селеній и деревень.

Мы уже видѣли, что при переписи I ревизіи въ Кузнецкѣ и его обширномъ уѣздѣ (нынѣшніе округа Кузнецкій, Барнаульскій и Бійскій) было найдено крестьянъ 2874 души¹⁾. Непосредственно послѣ второй ревизіи въ вѣдомствѣ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, куда принадлежали слободы: Бѣлоярская, Малышевская съ ихъ деревнями и деревни, прилегавшія къ Бикатунской крѣпости и Бердскому острогу вмѣстѣ съ этими крѣпостію и острогомъ состояло 8948 душъ муж. пол. А въ 1759 г. въ Кузнецкѣ и во всемъ его обширномъ уѣздѣ крестьянскаго населенія насчитывалось уже въ количествѣ 17698 д.²⁾

Третья ревизія (1763 г.) обнаружила, что при Барнаульскомъ заводѣ цеховыхъ, посадскихъ, разночинцевъ и крестьянъ состояло мужскаго пола: 737 д.

При Колыванскомъ заводѣ и въ деревняхъ по рр. Чарышу и Алею жило крестьянъ, цеховыхъ, посадскихъ и разночинцевъ 2642 д.

При Шульбинскомъ на Иртышѣ 103 д.

¹⁾ Арх. Колывано-Воскр. Горн. начальства. Столѣ дѣлъ по описи № 461, л. 253.

²⁾ Эту цифру заимеемъ изъ отвѣта, даннаго Колывано-Воскресенской канцеляріей военному начальству въ 1751 г. Арх. Колывано-Воскр. Горн. нач. Столѣ дѣлъ по описи № 94, л. 329. См. столѣ № 259.

При Ирбінскомъ заводѣ ¹⁾	196 д.
Въ городѣ Кузнецкѣ и Вочатскомъ селѣ съ его деревнями разночинцевъ и крестьянъ	5280 д.
Въ Бердскомъ острогѣ и его деревняхъ посад- скихъ и крестьянъ	3587 д.
Въ Малышевской слободѣ съ деревнями	3797 д.
Въ Бѣлоярской слободѣ съ деревнями	4835 д.
Въ вѣдѣніи Бійской земской избы	1461 д.
Въ гор. Томскѣ и пригороднихъ деревняхъ раз- ночинцевъ и крестьянъ	4922 д.
Въ Сосновскомъ, Чаускомъ и прочихъ острогахъ съ прилежавшими къ нимъ селеніями и деревнями и въ Канскомъ форноствѣ	12,479 д.
Всего м. п.	40,039 д. ²⁾

Щегловъ въ своемъ „Перечнѣ важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“ сообщаетъ, что при 6-ой ревизіи въ 1797 г. всего населенія въ Томской губерніи было 209,785 душъ, кромѣ ясачныхъ (32155 д.)³⁾, но, къ сожалѣнію, у него не указано въ какихъ размѣрахъ нужно понимать тогдашній районъ Томской губерніи, которая, какъ губернія, была открыта только съ 1804 г. Изъ другихъ источниковъ⁴⁾ намъ извѣстно, что за 1808 г. все населеніе Томской губерніи состояло изъ 220000 душъ, но сюда кромѣ округовъ Томскаго съ Нарымскимъ краемъ, Кузнецкаго и Бійскаго, включено еще населеніе уѣздовъ Красноярскаго, Енисейскаго и Туруханскаго, которые въ то время причислялись къ Томской губерніи⁵⁾ и которыхъ мы въ настоящемъ обзорѣніи о колонизаціи Томскаго края въ виду не имѣли.

¹⁾ Ирбінскій заводъ принадлежалъ по мѣстоположенію къ Енисейской провинціи, хотя и состоялъ въ вѣдомствѣ Кол.-Воскр. Горнаго Начальства.

²⁾ Арх. Колывано-Воскр. Горн. начальства. Столбъ дѣлъ по описи № 511, л. 218—220. Здѣсь нѣтъ исчисленія крестьянскаго населенія въ Нарымскомъ краѣ, гдѣ крестьянъ было очень мало, но все-таки было.

³⁾ Щегловъ. Хронол. Перечень, стр. 82.

⁴⁾ Справка изъ архива Томскаго губернскаго правленія.

⁵⁾ См. Пол. собр. зак. т. XXVIII, № 24183.

Объ послѣднія изъ приведенныхъ нами цифръ по отноше-
нію къ численности крестьянскаго состава въ занимающей
насъ странѣ являются так. обр. очень неопредѣленными.

Ясно одно, именно то, что послѣ 3-й ревизіи крестьянское
населеніе нашего края должно было сильно возрасти и вслѣдствіе
прібытія на Алтай и Барабу раскольниковъ изъ Польши, и
по причинѣ усиленнаго распредѣленія по томскимъ деревнямъ
многочисленнаго ссыльнаго элемента.

Обозначить постепенное появленіе въ Томскомъ краѣ за
протекшія XVIII в. новыхъ селеній представляется дѣломъ
не только труднымъ, но, при настоящемъ состояніи томскихъ
архивовъ, едвали и возможнымъ. Мы знаемъ только, что очень
много новыхъ деревень явилось въ нынѣшнемъ Барнаульскомъ
округѣ въ царствованіе Петра В. и за время, непосред-
ственно слѣдовавшее за этимъ царствованіемъ. А въ промежу-
токъ отъ 1748 по 1760 въ при-Алтайской странѣ были
вновь застроены деревни:

По р. *Локтевки*: а) на мысу р. Локтевки на 6^{1/2} версть
ниже курь, б) на мѣстѣ, въ то время извѣстномъ подъ
именемъ „Озерки“ (на правой сторонѣ Локтевки), и в) по-
ниже Озерокъ на 9 версть. Въ первой было къ 1760 г.
20, во второй 50 и въ третьей 15 дворовъ.

По р. *Алею* 14 деревень, изъ которыхъ самой меньшей по
количеству дворовъ была деревня при устьѣ рѣчки Гольце-
вой (9 дворовъ) и самой большой деревня при устьѣ рѣчки
Усть-Яицевой (60 дворовъ).

По р. *Чарышу* 3 деревни съ 66 дворами во всѣхъ и
форностъ Казанской Божіей Матери съ сотнею дворовъ.

По р. *Бѣлой* деревня Рычкуново съ 20 дворами и фор-
ностъ при переѣздѣ чрезъ Бѣлую по дорогѣ Чакирской (30
дворовъ).

По р. *Убѣ*—форносты Шеманаевскій, Красноярскій и де-

ревни: Убинская съ 16 дворами и Колыванка (?) на рѣчкѣ Верхней Колыванкѣ съ 15 дворами¹).

Въ 1771 г. Палласъ на своемъ пути отъ Усть-Каменогорска до Барнаула пашель деревни: *Прапорщикову*, *Уваровскую* (казачья), *Глубокую*, *Крутую Березовку*, *Красноярскую* на Иртышѣ (20 дворовъ), *Красноярскій форпостъ* (200 дворовъ) и *Зевакину*—все близъ Усть-Каменогорска;—*Шемананху* на р. Убѣ около Шемананхинскаго форпоста, *Екатерининскую* на р. Алеѣ около Екатерининскаго форпоста, *Старо-Алейскую* (150 дворовъ);—*Карболуху* и *Гилеву* близъ Зѣиногорскаго рудника;—*Колыванку* (17 дворовъ) пришлыхъ изъ подъ—Иркутска) близъ Колыванскаго завода;—*Карлову* (20 дворовъ) и *Карпову* (13 дворовъ) на р. Чарышѣ;—отъ Алтайскихъ горъ по Барнаульской дорогѣ: *Курьинскую*, *Луговой станецъ* (15 дворовъ), *Бѣлолазову* (3 двора), с. *Кашино* (20 дворовъ), къ которому, по словамъ ученаго, было причислено около сотни мелкихъ деревень;—*Каримому*, *Порожеву* и *Барнаульскую*²) около Барнаульскаго бора;—*Панюшеву*, *Чистюнку*, *Усть-Калманку*, *Шадрину* и *Буранову*³). Не причисляемъ сюда упоминаемыя ученымъ военныя поселенія по Колыванской и Кузнецкой линиямъ⁴) и поселенія заводскія (заводы Шульбинскій, Колыванскій, Барнаульскій, Ново-Павловскій и Зѣиногорскій рудникъ).

Такимъ образомъ южная Алтайская сторона Томскаго края въ періодъ отъ 1748 по 1770 г. начала заселяться уже очень

¹) Матер. для исторіи Сиб. чт. общ. истор. и древ. Россіи 1867. кн. 270—274.

²) Деревню Барнаульскую нужно отличать отъ Барнаульскаго завода (нынѣшняго г. Барнаула).

³) Палласъ. Путешествіе кн. П. ч. 2, стр. 203—374. Красноярская, Крутая-Березовка, Шемананхи, Екатерининская, Старо-Алейская, по сообщенію Палласа, были населены преимущественно польскими выходцами (раскольниками съ Вѣтки).

⁴) Военныя поселенія были иногда ничтожны по количеству населенія. Въ Бѣлорѣцкой заштѣ проживало, наприм., только 3 драгуна и нѣсколько казаковъ; не больше военныхъ жителей было и въ Тигирецкомъ и нѣкоторыхъ др. форпостахъ.—Палласъ. Тамъ-же, стр. 276 и 283.

значительно. Между тѣмъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстный путешественникъ по Сибири Гмелинъ (старшій), проѣхавшій отъ Семиалатинска на Томскъ чрезъ Усть-Каменогорскъ, Барнаульскій заводъ и Кузнецкъ, сообщилъ намъ, что по всему протяженію своей дороги отъ Усть-Каменогорска до Барнаула онъ почти совсѣмъ не встрѣтилъ русскихъ селеній. За исключеніемъ Кольвано-Воскресенскаго завода, онъ нашелъ здѣсь только нѣсколько деревенокъ по р. Чарышу, построенныхъ Демидовскими рабочими изъ Невьянска съ населеніемъ во всѣхъ этихъ деревняхъ около 50 д. муж. п. Вообще сообщенія Гмелина о русскихъ поселеніяхъ въ Томской странѣ, чрезъ которыя ему довелось пройти, для насъ безынтересны, потому постараемся ихъ исчислить. — Около нын. Барнаула въ 1734 г. Гмелинъ побывалъ въ деревнѣ *Космалъ* на рѣчкѣ того-же имени, при впаденіи ея въ Обь. Близъ Космалы онъ встрѣтилъ еще *два* маленькихъ деревни съ 2 дворами въ каждой и затѣмъ по направленію къ Кузнецку прошелъ чрезъ русскія селенія: *Усть-Чумышъ*, *Тайменьку*, *Онисимову* (Боровлянка), *Кашарай*, основанное русскимъ крестьяниномъ Колесниковымъ, *Легостаеву*, *Бѣлолозову* близъ р. Берди, *Брюханову*, *Бочатскую*, *Ильинскій погостъ* или Красноярское *Безрукову*, *Муратову*, *Шумарину*, *Задеву* на берегу Кондомы и городъ Кузнецкъ. Отъ этого послѣдняго ученый прослѣдовалъ къ Томску чрезъ *Мамушеву* (деревня татарскаго и рус. населенія), *Муниатскій острогъ*, *Бородину*, *Верхо-Томскій*, *Сосновскій остроги* и г. Томскъ. Изъ Томска Гмелинъ посѣтилъ деревни *Нелюбину* и село *Богородское*, а потомъ, направляясь къ Енисейску, проѣхалъ деревню *Семилужки* и села: *Спасское* на р. Яѣ и *Суранское*. Далѣе при путешествіи по Томскимъ предѣламъ упоминаются татарскія становища и среди нихъ только одно русское поселеніе, именно *Мелесскій острогъ*¹⁾.

¹⁾ Johann. G. Gmelins Reise d. Sibirien. Th. I, S. 213—336.

На обратномъ пути отъ крайнихъ предѣловъ сѣверо-восточной Сибири нашъ путешественникъ, достигнувъ Томска въ 1741 г., отправился въ дальнѣйшій къ Россіи путь чрезъ Барабу и, въ предѣлахъ нынѣшней Томской губерніи, нашелъ русскія селенія и деревни: *Калтайской станецъ, Варюхи-ну, Лопцикову, Санкину или Панову, Черную, Елизарову, Паникову, Жукову, Умревинскій острогъ, Скалинскую, Чаусскій острогъ, Большую Оешскую* съ 80 дворами, *Малую Оешскую, пять* маленькихъ деревень вверхъ по рѣкѣ Оешъ, *Подволошиную* и въ Барабѣ—казачьи форпосты: *Убинскій, Каинскій и Тартаесскій*¹⁾.

Перечень, извлеченный изъ Гмелина, доказываетъ, какъ еще рѣдко тогда въ Томской области встрѣчались жилия мѣста съ русскимъ населеніемъ.

По именному указу императрицы Екатерины II отъ 1 мая 1779 г.²⁾ все протяженіе Томскаго края отъ сѣвера на югъ до китайской границы и отъ запада на востокъ отъ Омска до Абакана было включено въ составъ Колыванской области съ раздѣленіемъ ея на четыре уѣзда: Томскій, Барнаульскій, Кузнецкій и Бурлинскій. Въ одномъ изъ томскихъ архивовъ намъ посчастливилось найти составленный въ 1782 г. списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ указанной новооткрытой Колыванской области. Полагая, что въ этомъ списокѣ мы встрѣтили немаловажный документъ для исторіи заселенія насъ занимающей страны, признаемъ умѣстнымъ воспроизвести его въ приложеніи къ настоящему труду.

¹⁾ Gmelin. *ibidem.* 4 Th. 8. 1—125.

²⁾ Полн. собр. зак. т. XX, № 14868.

II.

Какъ жили пришельцы въ Томскій край—русскіе крестьяне, его первые насельники?

Въ матеріальномъ отношеніи на первыхъ порахъ жили, конечно, очень скудно.

Вотъ—свидѣтельства о томъ прежде всего за XVII вѣкъ.

Кузнецкіе служилые люди въ 1680 г. говорили о себѣ, что они „нужды и бѣдны, а Кузнецкое де мѣсто украинное, стоитъ межъ многихъ немирныхъ иноземцевъ, а наши свои на себя пануть съ великою нужею, и киргизы и калмыки къ нимъ подь Кузнецкой и подь уѣзды войною приходятъ и людей побиваютъ, лошадей и рогатый скоть отгоняютъ и на поляхъ хлѣбъ толочатъ безъ остатку, и веѣхъ ихъ розоряютъ“¹⁾. „Нужды и бѣдны“ должны были показывать о себѣ и новопоселенные крестьяне и даже тѣ изъ нихъ, которые назывались „государевыми“ и которые приходили къ Томску или къ Кузнецку съ царскою подмогою²⁾. Многое изъ подмоги истрачивалось уже на пути, при длинныхъ переѣздахъ, положимъ, изъ-подъ Туринска, Верхотурска или Тобольска. Остатковъ едва хватало на покрытіе самыхъ насущныхъ нуждъ при домообзаводствѣ на новыхъ мѣстахъ³⁾. Еще менѣе состоятельны должны были быть насельники изъ гулящаго класса или людей бѣглыхъ. „Наги и босы“ говорили, указывая на себя, крестьяне, пришедшіе къ Томску въ 1663 г. съ Исети послѣ Банкирскаго разгрома тамонскихъ мѣстъ и были рады, что имъ удалось записаться за Томскими

¹⁾ Акты истор. V, № 67.

²⁾ О царской денежной подмогѣ крестьянамъ переводимымъ къ Томску по 10 руб. на семью, кромя грамоты цитованной на 5 страницъ этого труда, см. еще царскую грамоту Верхотурскою воеводѣ отъ 1632 г. мая 25. Рус. истор. библиот. II, № 149.

³⁾ Случались и злоупотребленія подмогою со стороны мѣстныхъ властей. Въ 1688 году Томскій смѣль—боярскій Соболевскій получалъ изъ Сибирскаго приказа на подмогу и въ ссуду крестьянамъ Уртаемской слободы 200 р., но Томскій воевода кн. Семень Вяземскій удержалъ у Соболевскаго 150 руб.—Истор. акты, собран. Кузнецовымъ I, № 26.

Алексѣевскимъ монастыремъ, какъ перѣдко записывались за нимъ и другіе такіе же пришельцы, не смотря на то, что условія записи были для нихъ очень не легки.

Многіе изъ гулящихъ охотно шли на первыхъ порахъ въ „половники“ въ казаку или жили на положеніи захребетника за хозяиномъ изъ государевыхъ крестьянъ.

А какъ, по прибытіи въ Сибирь, считались бѣгле, видно изъ слѣдующихъ призывовъ. Крестьянинъ Бояркинъ, пришедшій въ Томскую область въ 1736 г., рассказывалъ о себѣ, что 12 лѣтъ жилъ съ семьей на рч. Буртѣ и питался „промышляя рыбу и мѣняя рыбу на хлѣбъ у проезжающихъ людей“¹⁾. Крестьянинъ Койновъ говорилъ, что, пришедъ изъ Тобольскаго вѣдомства на р. Карасуку, проживалъ въ кое-какъ построенной избушкѣ 2 года и прокармливался здѣсь почти исключительно птичьимъ и звѣринымъ мясомъ²⁾. Бѣгле братья Кондратій и Евсей Плотниковы передавали, что когда съ родителями пришли въ Томское вѣдомство, то, остановившись на пустомъ мѣстѣ около р. Кырзы, жили долго въ земляной избѣ. Отецъ умеръ здѣсь, оставивъ ихъ малолѣтками. Безъ отца перешли въ другую избушку, гдѣ жили три года и содержались милостынею, которую собирала мать, „бродя по разнымъ мѣстамъ“. Послѣ смерти матери въ 1733 г. они, ставши уже взрослыми, перебрались съ другими пришлыми крестьянами Шестаковымъ и Голубцовымъ на новое мѣсто къ устью р. Кырзы, гдѣ вчетверомъ построили совмѣстный домъ, и въ этомъ домѣ вчетверомъ же „живутъ и понынѣ“ (1749 г.)³⁾. Бѣглый Ивановъ, пришедшій въ Сибирь около 1766 г. проживалъ довольно долгое время на берегу озера въ Барнаульскомъ бору, пропитываясь „отъ звѣрья и отъ рыбной ловли, такъ какъ

¹⁾ Арх. Колывано-Воскр. Гор. Нач., столѣ дѣлъ о призывыхъ безъ описи отъ 1734 г.

²⁾ Арх. Колывано-Воскр. Гор. Нач. въ столѣ д. № 35.

³⁾ Списокъ 30 семей бѣглыхъ крестьянъ, найденныхъ по р. Киргизинской. Арх. Том. Алексѣевск. монастыря, связка 4.

завести хлѣбонашество средствъ не имѣлъ⁴⁾). Въ 1779 г. одинъ изъ бѣглецовъ показывалъ, что, по прибытіи изъ Россіи съ отцомъ, матерью и братомъ, остановился сначала въ вѣдомствѣ Сосновскаго острога около дер. Смолиной, а потомъ со всею семьей переѣхалъ Вочацкаго села въ дер. Горскую, гдѣ жили съ годъ въ домѣ крестьянина-старожила. Отсюда ушли „въ суху степь къ озерамъ Соловьевымъ“ и, живя на этомъ мѣстѣ въ одиночной избушкѣ, питались отъ рыбной добычи. Рыбу излишнюю продавали проѣзжающимъ людямъ или мѣняли на хлѣбъ и одежду¹⁾).

Примѣровъ подобнаго скитальничества и таковой-же бѣдности въ средѣ бѣглыхъ мы могли бы исчислить во множествѣ. Но для краткости ограничимся только еще слѣдующими сообщеніями.

Гмелинъ на пути отъ Кузнецка къ Томску, между прочимъ, останавливался въ деревнѣ Мамушевой, гдѣ среди татаръ проживала и семья русскаго крестьянина. Доминко, принадлежавшій этой послѣдней семьѣ, своимъ убожествомъ рѣшительно изумилъ иностраннаго путешественника²⁾). Въ концѣ 1750-хъ годовъ начальникъ колыванскихъ заводовъ генер. Порошинъ снарядилъ экспедицію изъ солдатъ и горныхъ рабочихъ для розысканія рудныхъ мѣстъ на Алтайскихъ вершинахъ. Среди дикихъ горъ въ вершинѣ р. Тигерека экспедиція нашла деревню изъ русскихъ бѣглецовъ, которые, вслѣдствіе недавняго перехода въ дальнюю сторону, жили чрезвычайно скудно³⁾).

Когда съ 1747 г. самовольно—пришлыхъ въ Сибирь начинаетъ забирать въ свое вѣдѣніе Колывано-Воскресенское Горное начальство и селить ихъ подъ своимъ надзоромъ на кабинетскихъ земляхъ, новооселенные не малое время живутъ еще въ большой нуждѣ.

¹⁾ Арх. К.-В. Горн. Нач. въ столѣ д. № 991.

²⁾ I. G. Gmelin's Reise d. Sibirien, B. I, 298 S.

³⁾ Фальк. Пол. собр. ученыхъ путешествій. Изд. Акад. наукъ. 1824. VI стр. 442.

⁴⁾ Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣ д. № 511.

Въ 1750 г. Колывано-Воскресенская канцелярія, указывая на трудность продовольствія военныхъ людей, содержавшихся для охраны заводовъ, объясняла недостатки провіанта тѣмъ, что „новопоселенные крестьяне и донинѣ еще домами и пашнями и прочимъ крестьянскимъ заводамъ не исправились и многіе у себя лошадей не имѣютъ и живутъ скудно, такъ что и дневное пропитаніе съ немалюю нуждою имѣютъ“¹⁾. Переселенцы, вышедшіе къ Бійску изъ Енисейской провинціи въ 1759 г. въ количествѣ 178 душъ муж. пола и 128 женскаго, на первыхъ порахъ имѣли въ своемъ достаткѣ лошадей 118, коровъ 13 и овецъ 1²⁾. Свидѣтельство Колывано-Воскресенскаго начальства о разореніи и бѣдности Барабинскихъ крестьянъ, вслѣдствіе того, что весь свой трудъ они вынуждены были отдавать на устройство и исправленіе большой Сибирской дороги на тонкихъ, болотистыхъ мѣстахъ,— это свидѣтельство мы уже приводили.

Иное дѣло, когда крестьяне уже обживались на новыхъ мѣстахъ и, подгоняемые нуждою, а иногда и мѣрами отъ начальства, не жалѣли труда для своего крестьянскаго дѣла. Земледѣльческій трудъ на дѣвственныхъ земляхъ былъ благодарный; урожай, особенно въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ, куда въ XVII и прошломъ столѣтіяхъ причислялись земли Барнаульскія и Бійскія, были обильны. Но трудъ требовался отъ крестьянина огромный. Нужно было плохой старо-русской сохой поднимать цѣлину и притомъ въ большинствѣ случаевъ поросшую вѣковымъ лѣсомъ. Слѣдовательно, нужно было предварительно расчищать почву для пашни, снимать лѣсъ, выкорчевывать деревья. Иркутскіе ссыльные крестьяне въ одной изъ челобитныхъ говорили о себѣ, что пришли въ Сибирь „на пень да на колоду“³⁾. Тѣмъ болѣе такъ должны были

¹⁾ Арх. Колыв.-Воск. Горв. Нач. въ столѣ д. № 94.

²⁾ Чт. общ. истор. и древн. 1867. Кн. 2, стр. 266.

³⁾ Доп. къ Акт. истор. т. X, № 57.

сказать о себѣ томскіе крестьяне, потому что въ томскомъ районѣ лѣсовъ было значительно больше. Но за то томскіе крестьянскіе насельники и истребляли лѣсъ, какъ своего заклятаго врага. Его не только рубили, но и жгли сотнями, а иногда и тысячами десятинъ. Начальство мало обращало вниманія на эту крестьянскую войну съ деревомъ, а иной разъ готово было ее и поощрять. Правда, въ 1755 г. Тобольская губернская канцелярія особымъ указомъ предписала крестьянамъ, „чтобы въ хорошее и всякое строеніе лѣсу особливо матерого кедровнику напрасно и тщетно для малыхъ своихъ бездѣльныхъ борыстей, кромѣ суще законныхъ надобностей и нуждъ, отнюдь не опустошали и не рубили, а потребные съ тѣхъ кедровъ орѣшки и шишки обирали, а не порубали бы не только всего дерева, но и сучья берегли“¹⁾. Но, во-первыхъ, не было возможности услѣдить за исполненіемъ этого приказанія во всѣхъ углахъ обширнаго края, а во-вторыхъ у властей и не было особеннаго желанія слѣдить по этому дѣлу. По крайней мѣрѣ въ 1800 г. начальство по вопросу объ обереженіи сибирскихъ лѣсовъ разсуждало уже иначе. Оно находило, что „растущіе въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ лѣса по отдаленности и за немѣнѣемъ водяной коммуникаціи въ пользу адмиралтейства обращены быть не могутъ, а по обширности ихъ и по числу обитателей въ тѣхъ губерніяхъ едва-ли могутъ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ истребиться, то, судя по сему, не настоятъ надобности упоминаемымъ лѣсамъ дѣлать подробнаго описанія, при томъ-же гораздо нужнѣе въ тамошнемъ краю ободрить разведеніе пашень и расчистки для населенія, нежели сохранять лѣса, кои ни къ какимъ портамъ доставлять не можно“²⁾.

¹⁾ Это распоряженіе Сибирской канцеляріи мы нашли прописаннымъ въ указѣ Тобольской духовной консисторіи томскому архимандриту Исидору отъ 25 авг. 1755 г. за № 1783. Арх. Том. Алек. монаст., св. 16. Впрочемъ, еще раньше запрещалось сибирякамъ жечь лѣса, гдѣ производился собольный ловъ. П. соб. зак. XII, № 8881.

²⁾ Арх. Том. Алек. монастыря; среди бумагъ 1800 г., связка 9.

Когда первый сибирскій и в частности томскій русскій населенникъ принимался за хозяйство во всю свою силу, въ захватахъ полей, луговъ и всякихъ угодій онъ уже не стѣснялся. Захватывалъ земли, что называется *larger hand*. Московское правительство требовало, впрочемъ, чтобы Кузнецкіе служилые люди пахали за хлѣбное жалованіе 10 десятинъ въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“¹⁾. Но само же это правительство знало, что въ Сибири „у служилыхъ и у посадскихъ людей и у пашенныхъ крестьянъ, пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ занято много, а не одиѣ займки и тѣ свои лишніи земли иногда продаютъ и закладываютъ, а иные даютъ въ закладъ по душамъ въ монастыри“, и, зная это, на своихъ требованіяхъ объ ограниченіи надѣловъ особенно не настаивало, тѣмъ болѣе въ отношеніи къ мѣстностямъ, „гдѣ людей было мало, а земель порожнихъ много“²⁾. А таковъ именно и былъ въ то время Томскій край. Въ первой половинѣ XVIII в. ограничительныя на счетъ надѣла требованія если и предъявлялись, то опять таки только на бумагѣ. Кто и какъ могъ узнать сколько забирали себѣ земли крестьяне, селившіеся во многихъ случаяхъ самовольно, да притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, куда властямъ добираться было не всегда легко и гдѣ населенники дѣлались явными спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ своего прихода въ новую сторону?

Во всякомъ случаѣ первый томскій крестьянинъ бралъ земли столько, сколько хотѣлъ. Въ 1767 году импер. Екатерина II съ упрекомъ указывала, что томскіе крестьяне имѣютъ въ своемъ владѣніи „отъ 500 до 1000 десятинъ на душу, кромѣ луговъ и лѣсовъ, коимъ и числа нѣтъ, но и тѣмъ они остаются не довольны, отнимая земли у инородцевъ“³⁾.

¹⁾ Акт. истор. т. V, № 67.

²⁾ Тамъ-же, т. III, № 138.

³⁾ Арх. Колыв.-Воскр. Гори. Нач. столѣт д, № 510.

Въ самомъ дѣлѣ первые русскіе поселенцы Томской страны постоянно вторгались въ исконныя владѣнія ясашихъ инородцевъ, насильственно забирая огромныя части этихъ владѣній въ свою пользу. Дѣлалось это тѣмъ съ большею ревностію, что въ нерѣдкихъ случаяхъ нашенныя поля и сѣнокосныя луга русскіе находили у инородцевъ къ пользоваію уже готовыми, т. е. отъ кустарника и лѣса ихъ прежнимъ давнимъ трудомъ уже очищенными. Мы имѣли предъ собою огромное дѣло о притѣсненіи ясашихъ, поднятое сибирскимъ губернаторомъ Д. И. Чичеринымъ. Слѣдственная комиссія, назначенная по этому дѣлу изъ Tobольска и дѣйствовавшая въ Томскѣ и Кузнецкѣ въ 1764—6 годахъ, раскрыла, что русскіе обижали ясашихъ тѣмъ, что селились на ихъ земляхъ, отнимали у нихъ лѣса, разныя угодыя и рыбныя ловли. Члены комиссіи, во главѣ съ капитаномъ Бо-рошковымъ и лейбъ-гвардіи поручикомъ Бобрлицевымъ-Пуш-кинымъ, осмотрѣли у кузнецкихъ крестьянъ владѣнныя за-писи, выданныя имъ кузнецкими воеводами, и оказалось, что множество записей дано было въ ущербъ инородцамъ и въ нарушеніе ихъ старинныхъ владѣнныхъ правъ. Особенно не церемонились съ ясашими чиновники Колывано-Воскресен-скаго вѣдомства Кругликовъ и Молчановъ, которые, какъ сказано въ дѣлѣ, „подъ претекстомъ размноженія хлѣбопа-шества нарочно, выжидая отъ ясашихъ взятокъ, переселя-ютъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ на такія мѣста, гдѣ у ясашихъ были звѣриныя промыслы—лисыя, бобровыя и соболиныя гнѣзда“. Тѣ мѣста ясашіе берегли и „старались всегда ловить звѣря столько, чтобы въ тѣхъ лѣсахъ заводъ оставался“,—между тѣмъ новопоселенные русскіе „вылавли-ваютъ и выбиваютъ звѣря безъ остатку“. Вообще Кругликовъ и Молчановъ своими произвольными, притѣснительными и ко-рыстными дѣйствіями довели ясашихъ до того, что „великое множество инувѣрцовъ перебѣжало въ китайскія владѣнія, а

другіе ушли въ самые отдаленные лѣса, гдѣ и сыскать ихъ не можно⁴¹⁾.

Кромѣ насильственного захвата земель, русскіе безпокоили инородцевъ и своимъ общимъ истребительнымъ отношеніемъ къ лѣсамъ. Въ 1754 г. ясашные пожаловались, что обыватели Верхотомскаго округа бр. Сусловы пустили отъ себя огонь и пожгли край тайги версты на 1½ шириною, „а въ этой тайгѣ прежде былъ звѣрь—лось, а нынѣ того звѣря стало меньше“⁴¹⁾.

Какъ ни велики были земельные участки у старинныхъ томскихъ крестьянъ, часто они оставались не довольны и ими и, проживши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, переходили въ другія мѣстности, на ихъ взглядъ, болѣе удобныя и болѣе изобильныя. Переходили подъ предлогомъ, что на прежнемъ жилищѣ поля выпахались, или они всегда были малопродуктивны. Но мы думаемъ, что у насельниковъ изъ бѣглыхъ передвиженіе нрѣдко входило въ привычку. И еще резоннѣе находимъ объясненіе въ томъ, что, при огромномъ множествѣ и просторѣ не занятыхъ мѣстъ, у крестьянъ, въ дѣлѣ выбора лучшихъ для осѣлости участковъ земли и угодій, разбѣгались глаза.

Крестьянскія передвиженія изъ одного угла Томскаго края въ другой были постояннымъ явленіемъ въ продолженіи XVII и начала XVIII в. Но они продолжаютъ и позднѣе, когда начальство кабинетскаго вѣдомства взяло томскую колонизацію подъ свой надзоръ, подчинило ее своей регистраціи. Въ 1759 г. сама Колывано-Воскресенская канцелярія свидѣтельствовала, что „въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне, имѣющіе пашни и земли, оныя оставляютъ и вновь распахиваютъ не по малому числу, а иные затѣмъ и деревни прежнія туе оставляютъ и, нрѣзжая, въ дру-

⁴¹⁾ Дѣло о притѣсненіи ясашныхъ инородцевъ. Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач., столбъ № 510. Ся. столбъ № 461 „объ обидахъ ясашнымъ“.

⁴²⁾ Арх. Кол.-В. Горн. Нач. столбъ дѣлъ № 461, л. 134 - 135.

гихъ мѣстахъ селятся¹⁾). Въ 1746 г. просили дозволенія на переселеніе въ Кулундинскую степь къ р. Кулундѣ многіе изъ крестьянъ Малышевской слободы и въ томъ же году нѣкоторые изъ крестьянъ Бѣлоярской слободы перешли на новое мѣсто къ Усть-Каменогорску²⁾. А въ 1761 г. крестьянинъ Боровиковъ съ товарищи нашель нѣкоторыя неудобства и въ жительство въ подѣ Усть-Каменогорскомъ и обыскаль мѣсто для заведенія новой деревни близъ „старуцы Зевакиной“³⁾.

Въ 1773 г. „за крайнимъ оскудѣніемъ прежнихъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ“ перешли на лѣвую сторону Чарыша на Елбанскій мысъ жители дер. Урюиной и къ Чарышу же направились и крестьяне Парфеновскаго зимовья⁴⁾.

Въ 1777 г. „за неимѣніемъ на прежнихъ жительствовахъ довольныхъ по крестьянскому обряду выгодъ“ вышло нѣсколько хозяевъ изъ деревень Соколовой, Тырышкиной, Базуновой, Боровлянской, Разказахи (нынѣшнихъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ) и основали деревню Пѣшкову близъ р. Катуня⁵⁾.

Въ продолженіе 1779 г. „за тою причиною, что прежнія поля выпахались“, крестьяне деревни Морозовой (Бердскаго округа) перешли въ Малышевскую слободу на „порозжее“ мѣсто между деревнями Островной и Суловой. Крестьяне изъ дерев. Прижималовой, Язовой и Шишкиной (Бѣлоярской слободы) переселились на устьѣ р. Ребрихи, крест. дер. Чушиной (Бердскаго острога) на новыя мѣста къ р. Алею и многіе изъ крестьянъ Чаусскаго острога во вновь заведенную деревню Карасуцкую и т. дал., т. д.⁶⁾.

¹⁾ Чт. общ. истор. и древ. Р. 1867, II, стр. 262.

²⁾ Тамъ-же, стр. 255.

³⁾ Тамъ-же, стр. 265.

⁴⁾ Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Начальства въ столицѣ дѣлъ № 718.

⁵⁾ Дѣло объ отдачѣ рыбы. ловель по рѣкѣ Катуня.

⁶⁾ См. Арх. Колыв.-Воскр. Горн. Нач. столицѣ д. № 991. Не уцѣлало обихованіе сибириковъ-гомичей переходить съ мѣста на мѣсто для выбора лучшихъ полей и отъ вниманія ученаго путешественника Палласа. Путешествіе. Кн. II, ч. 2, стр. 307.

Въ настоящее время сибиряки очень часто порицають переселенцевъ изъ Россіи за то, что непосѣдливы, что бродячь по Сибири, ища лучшихъ мѣстъ. Но, очевидно, сибиряки-старожилы порицають новоселовъ за то, что когда-то, въ лицѣ своихъ праѣдовъ и дѣдовъ, пережили сами.

Прежде чѣмъ говорить до какой степени томскій крестьянинъ могъ развить свое матеріальное благосостояніе въ случаѣ прочной осѣдлости на одномъ мѣстѣ, остановимся на изображеніи сторонъ, въ иѣкоторой мѣрѣ тормозившихъ его виѣшнее благополучіе.

Первые русскіе населенники Томскаго края должны были жить съ великимъ береженіемъ. Они должны были жить такъ въ виду постоянныхъ вторженій въ край со стороны виѣшнихъ враговъ. Къ востоку отъ Томскаго района по рр. Абакану, Уйбату, Уиѣ и обоямъ Юзамъ, изъ слиянія коихъ образуется р. Чулымъ, обитали киргизы¹⁾, а къ югу и юго-западу отъ него жили калмыки, принадлежавшіе обширному Джунгарскому царству. Тѣ и другіе изъ кочевниковъ искони привыкли считать земли Томской области своимъ достояніемъ, постоянно врываясь сюда или для кочевья, или для сбора даней съ слабосильныхъ инородческихъ аборигеновъ края. Съ занятіемъ этого послѣдняго русскими людьми озлобленные киргизы и калмыки являються сюда иногда въ огромныхъ массахъ съ цѣлю или вытѣснить отсюда новыхъ пришельцевъ отъ бѣлаго царя, или, по крайней мѣрѣ, вернуть свою власть надъ ясачными, которыхъ русскіе перетянули къ себѣ и подчинили въ свою пользу.

Къ самому Томску киргизы враждебно подходили въ 1614, 1624, 1630, 1654, 1668, 1672, 1674, 1680²⁾ и особенно часто, начиная съ этого послѣдняго года, при чемъ являлись, какъ говорили тогдашніе служилые люди,

¹⁾ Акты истор. V, № 104.

²⁾ См. старинные сводики Том. Алексѣевского монастыря и Томской Благовѣщенской церкви и Доп. къ акт. истор. V, № 92.

главнымъ образомъ въ сѣнокосъ и страдную пору „многолюдствомъ, съ ружьемъ, съ пищалями, съ сайдаки и съ сабли, въ пансыряхъ и кукжахъ и иныхъ воинскихъ доспѣхахъ и чинили всякое разореніе: деревни жгли, скоть отгоняли, на пашняхъ людей побивали и промышленныхъ и ясашихъ людей разоряли и побивали“.

Въ 1668 г. киргизы разорили только-лишь заведенную монастырскую деревню Пачинскую, а немного прежде подъ самымъ Томскомъ не только пожгли нѣсколько русскихъ поселковъ, но не пощадили опустошеніемъ и Томскаго Алексѣевского монастыря, стоявшаго въ тѣ времена внѣ города, въ нѣкоторой дали отъ крѣпости¹⁾. При нападении 1672 г. кочевники перебили много служилыхъ людей, не мало пашенныхъ крестьянъ и на ряду съ ними крестьянскихъ женщинъ, дѣвиць и даже дѣтей-младенцевъ муж. и жен. пола²⁾.

Въ 1680 г. приказчикъ Сосновскаго на Томи острога Матвій Кулаковскій извѣстилъ томскихъ служилыхъ людей: „пришли де войной на Томскій уѣздъ и подъ Сосновскій и Верхотомскій остроги и на села и на слободы и на деревни киргизскіе воинскіе люди и киргизскій князецъ Шалдычко Сетикѣевъ, да вора и измѣнника Еренячка сынъ Шапчко, да зять его Еренячковъ Кашка. И тѣ вору Томскій уѣздъ, села, слободы и деревни воевали и государевыхъ всякихъ чиновъ людемъ уронъ учинили, дворы жгли и всякій скоть отогнали безъ остатку и въ кладяхъ сжатые снопы во многихъ деревняхъ сожгли“.

На этотъ разъ вышелъ съ войскомъ противъ „вороговъ“ сынъ боярскій Старковъ и сразился съ ними въ трехъ дняхъ пути отъ Томска вверхъ по Томи. Киргизы потерпѣли полное пораженіе, многіе изъ нихъ были убиты, многіе потонули въ рѣкѣ. Былъ убитъ и князецъ

¹⁾ Дон. къ акт. истор. т. V, № 92.

²⁾ Сводникъ Том. Алексѣевск. монаст. л. 36.

Шалдычко. Голову его служилые съ торжествомъ принесли въ Томской на коньѣ¹⁾).

Въ 1697 г. тѣ же недруги снова подъѣзжали подъ Верхотомскій острогъ и воровски отогнали у верхотомскихъ крестьянъ 17 лошадей, 50 штукъ рогатой скотины и „бѣгучи дорогою, того скота перекололи многое число“²⁾).

Часто и прежде киргизы хозяйничали среди ясашихъ по р. Чулыму, откуда иногда простирали грабежи до самаго Кетскаго острога³⁾, а въ упомянутомъ 1697 г. въ мѣстностяхъ по той рѣкѣ они дѣйствовали съ особою свирѣпостію: „ясашихъ грабили, и разоряли и которые звѣри у ясашихъ были съ промыслу въ ясакъ, и тѣ все звѣри, соболи и лисицы и горностаи и котлы и тоноры и ножи и огнива и лошади грабежомъ взяли, и къ Мелесскому острогу боемъ приступали и стояли подъ тѣмъ острогомъ 8 дней, побивъ служилыхъ 4 человекъ“⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1698 г. тамъ-же, на Чулымѣ (въ районѣ нынѣшняго Марійнскаго округа), киргизы въ русскихъ деревняхъ убили муж. и жен. полу 14 человекъ, дома ихъ разграбили, а одного человекъ, „поймавъ, ногами вверхъ привязали на дерево, распороли у него грудь и ругались всячески“; лошадей угнали на этотъ разъ 310 головъ⁵⁾).

Особенно большой походъ въ томскія русскія владѣнія киргизы замыслили и совершили въ 1700 году. Они шли тогда къ Томску двумя отдѣльными отрядами. Одинъ двигался отъ р. Яи и на пути разорилъ русскія деревни Бурнашеву, Бедрину и Долгову, при чемъ было убито русскихъ 15 челов.⁶⁾ Другой шелъ правымъ берегомъ Томи и въ свою очередь успѣлъ разорить 6 дворовъ и у

¹⁾ Допол. къ акт. истор. т. VIII, № 15, стр. 44, 45, 47.

²⁾ Памятники Сибир. исторіи ч. I, № 13, стр. 70.

³⁾ Доп. къ акт. истор. т. VIII, № 15.

⁴⁾ Памят. Сиб. истор. ч. I, № 1, стр. 9.

⁵⁾ Тамъ-же, ч. I, стр. 70.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 90 сл. 101.

Верхотомскихъ крестьянъ убить бабъ и дѣвокъ 5 человекъ¹⁾). Противъ отряда, шедшаго отъ Яи, выступилъ изъ Томска со служилыми Осипъ Качановъ, а противъ киргизъ, грабившихъ по Томи, томскій воевода командировалъ сына— боярскаго Туинскаго. Последний сразился съ непріателемъ близъ помянутой монастырской деревни Пачинской и разбилъ ихъ на голову²⁾).

И въ этомъ 1700 г. киргизы не забыли Чулыма, гдѣ пожгли дер. Серединину, „человѣкъ съ 30 русскихъ и ясаиныхъ побили до смерти, а инымъ носы и уши рѣзали; и скота угнали много“³⁾).

Земли Кузнецкаго вѣдомства безпокоили не только киргизы, но еще калмыки и пожалуй не столько первые, сколько послѣдніе, а иногда и тѣ и другіе вмѣстѣ. Какъ часто вторгались враги въ Кузнецкій уѣздъ и подходили подъ Кузнецкій городъ, видно изъ слѣдующаго историческаго документа. Въ 182 (1674) г. въ Томской съѣзжей избѣ подали заручную челобитную Кузнецкаго острога дѣти—боярскіе, конныхъ и пѣшихъ казаковъ атаманы, пятидесятники, десятники и рядовые конные и пѣшіе казаки и всякихъ чиновъ служилые люди и пашерные крестьяне, и въ ихъ челобитной было написано: „въ прошломъ 1638 г. воръ и измѣнникъ Табунковъ отецъ Кока съ своими улусными приходили подъ Кузнецкой войною, и кузнецкихъ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей и подгородныхъ юртовыхъ татаръ многихъ побили и лошадей и рогатый скотъ отогнали безъ остатку и на твоей великаго государя десятинной пашнѣ и у служилыхъ и всякихъ чиновъ людей жатой хлѣбъ пожгли, а нежатой потоптали“...

„Да въ прошломъ 1639 г. тѣ-же воръ и измѣнники бѣлые калмыки приходили подъ Кузнецкой острогъ обманомъ,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 6—7.

²⁾ Тамъ-же, стр. 19.

³⁾ Тамъ-же, стр. 96.

будто съ торгомъ и на калмыцкомъ торговницѣ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей многихъ побили и русскіе товары побрали¹. Затѣмъ въ челобитной изложено исчисленіе калмыцкихъ нападений въ 1665, 1666, 1667, 1672, 1673 годахъ, при каковыхъ нападенияхъ калмыки „у кузнецкихъ служилыхъ людей деревни жгли и въ деревняхъ людей побивали и лошадей и рогатый скотъ отгоняли и ясашихъ людей побивали-же“¹).

Въ 1674 г. разорялъ и жегъ деревни по Томи калмыцкій князецъ Ирка съ товарищи. Русскіе погнались за Иркою и догнали за р. Обью, гдѣ успѣли нанести ему полное пораженіе²).

Къ концу XVII в. калмыки и киргизы приходили въ Кузнецкій уѣздъ чуть „не по вся годы“³).

Киргизы, разбитые Тупяевскимъ на Томи „въ трехъ днищахъ“ отъ Томска (1700 г.), кинулись къ Кузнецку и здѣсь, соединившись съ калмыками, осаждали городъ въ продолженіе 10 дней, грозясь Кузнецкой и его уѣздъ разорить „всеконечно“. Храбрые служилые кузнецкіе люди во главѣ съ воеводою Иларіономъ Синявнымъ частыми вылазками и стрѣльбою изъ пушекъ кочевниковъ отъ своего города отогнали. Тѣмъ не менѣе многолюдное скопище враговъ нанесло Кузнецку и его окрестностямъ большой уронъ и на этотъ разъ. Сожжены были близкія къ городу деревни, разоренъ Кузнецкій Христорождественскій монастырь. Враги побили до смерти сына— боярскаго Петра Бутѣева, гѣшаго казака Хлыновскаго, Преображенской церкви понамаря Кирилла, казачьихъ дѣтей 12 челов., крестьянъ, застигнутыхъ на пашняхъ, 2 челов. муж. пола и 16 женскаго. Нѣкоторыхъ захватили въ плѣнъ. Полонили съ пашень казачьяго сына Θεодора Шелковникова,

¹) Дов. къ акт. истор. т. VI. № 93.

²) Истор. акты, собр. Ин. Кузнецовымъ. Вып. II, стр. 84.

³) Памяти. Сиб. истор. ч. I, стр. 8, 9, 11.

казачью вдову Ѳедосью Бызову да вдову убитаго понамаря Кирилла—Анну¹⁾).

Сколько разъ ходили въ непріятельскія земли для устрашенія недруговъ сами русскіе,—исчисленіе этихъ походовъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Удовольствуемся указаніемъ, что послѣ усиленныхъ нападений киргизъ на Томскій и Кузнецкій уѣзды въ концѣ XVII в., кочевниковъ громили въ самыхъ ихъ улусахъ томскіе служилые люди въ 1700 г. подъ начальствомъ сыновей—боярскихъ Юрія Роецкаго и Осипа Качанова²⁾), въ 1701 г.—Семена Лаврова и Алексѣя Кругликова, въ 1703—Михаила Лаврова, въ 1704 г. опять Осипа Качанова съ казачьимъ головою Саввою Цыцуринымъ³⁾).

Но въ то-же время ихъ били еще изъ Красноярска и Кузнецка и кочевники приемирѣли. Киргизы пріутихли. Но калмыки еще долго давали о себѣ знать. Джунгарское царство было еще сильно. Когда русскими была построена линія Иртышскихъ крѣпостей, Джунгарскій ханъ Цеванъ-Роптанъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и отправилъ къ Ямышевской крѣпости войско изъ 10000 калмыковъ подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата Цэринъ - Дондуба⁴⁾). Дондубъ долженъ былъ разорить крѣпость до-тла. Русскіе отстояли ее, хотя потомъ на время все-таки же вынуждены были отсюда выйти. Подверглась временному разоренію и Бійская крѣпость вскорѣ послѣ ея построенія⁵⁾). Отдаленная крѣпость Усть-Каменогорская во многихъ случаяхъ переживала крайнія опасности для своего существованія. Демидовъ, построившій на Алтаѣ заводы Кольвано-Воскресенскій, Шульбинскій и Барнаульскій, старался огораживать ихъ надежными крѣпостными сооруженіями,—имѣлъ при заводахъ пушки, содер-

¹⁾ Памятн. Сиб. истор. ч. I, № 20, стр. 92—96.

²⁾ Памятн. Сиб. истор. I, стр. 36—37 см. 108.

³⁾ Тамъ-же, стр. 238—239.

⁴⁾ Рубинская г. стр. Ст. Изв. Гуляева. Сп. Щегловъ. Хронологич. переч., стр. 164.

⁵⁾ Gmelins Reise. Th. I, s. 23.

жалъ на свой счетъ солдатъ и требовалъ, чтобы и мастеровые въ стрѣльбѣ были искусны¹⁾. Съ переходомъ заводовъ въ казну, ихъ охраняло правительственное войско.

Въ 1740-хъ годахъ прошлаго столѣтія русскія Алтайскія владѣнія часто безноквили своими вторженіями подчиненныя Джунгаріи племена Урянхайцевъ и Каракольцевъ. Въ 1749 г. бухаретенинъ Адамъ и прапорщикъ Подзоровъ дали знать, что въ скоромъ времени намѣренъ идти большимъ походомъ на земли Кабинетскаго заводскаго вѣдомства и самъ Джунгарскій ханъ съ огромнымъ войскомъ, и вся колыманская линія начала усиленно готовиться къ боевому отраженію²⁾. Гроза миновала. Смуты и междоусобія, возникшія въ Джунгарскомъ царствѣ къ половинѣ XVIII ст., сильно понатнули его прежнюю мощь. Это какъ разъ было на руку китайцамъ, для которыхъ Джунгарія издавна составляла самое ненавистное сосѣдство. Китайцы покончили съ Калмыцкимъ владѣніемъ, присоединивъ большую часть его земель къ своей имперіи. Но начинаютъ за то вторгаться въ русскіе предѣлы и сами ки-

¹⁾ Гмелинъ сообщалъ, что въ 1734 г. Колыманскій заводъ обнесенъ былъ валомъ съ 4 крѣпостными бастіонами и имѣлъ защитниковъ, кромѣ мастеровыхъ, въ отрядѣ кузнецкихъ солдатъ изъ сотни человекъ, которыхъ Демидовъ содержалъ на свой счетъ. I. G. Gmelins. Reise... I. S. 255—256. При постройкѣ Барнаульскаго завода (1739—1740 г.) Демидовъ вошелъ съ ходатайствомъ къ правительству, чтобы, въ виду опасностей отъ неприятелей, ему было позволено построить въ Барнаулѣ крѣпость и отнестись для этой крѣпости надлежащее число чугуныхъ пушекъ «за указаную цѣну». Канцелярія Глави. Управл. Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ находила, что «около означеннаго Барнаульскаго его, Демидова, завода крѣпость для безопасности отъ находящихся въ тамошнихъ мѣстахъ народовъ построить и потребное для содержанія оной число пушекъ отнестись надлежитъ». И вышѣ ему, Демиодову, «для безопасности, дабы находящіеся при строеніи завода люди паче чаянія какъ-либо въ неприятельскія руки не попались или погублены не были, ево, канцелярію, велѣно уже сдѣлать укрѣвленіе, какое за способное усмотрится». Кабинетъ Министровъ, выслушавъ жиѣніе канцелярія Глави. Управл. заводовъ, постройку крѣпости въ Барнаулѣ на собственный счетъ Демидова разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобы въ крѣпости было 8 пушекъ и ружья человекъ на 100. — Пол. соб. зак. XI, № 8444, 16 сентяб. 1741 г. — Крѣпостныя сооруженія около заводовъ Шульбинскаго, Колыманскаго, Барнаульскаго и Змѣиногорскаго рудника не опустили описать ученые путешественники по Сибири Палласъ и Фалькъ. — Палласъ. Путешествіе, кн. II, ч. 2, стр. 204, 311, 358, 382. Фалькъ. Собраніе ученыхъ путешествій, т. VI, стр. 449, 473, 495, 498.

²⁾ Арх. Колымано-Воекр. Горы. Нач., столбъ дѣлъ безъ описи за 1750 г.

тайцы. Въ 1750 годахъ китайская армія, истребивъ множество Джунгарскихъ калмыковъ, проливъ въ Джунгаріи рѣки крови чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова¹⁾ и преслѣдуя затѣмъ Урянхайцевъ, дошла до Колыванскаго завода, при чемъ произвела въ этомъ, какъ и въ другихъ заводахъ, страшный переполохъ²⁾. Огромное китайское войско въ 1755 г. появилось за Телецкимъ озеромъ. Китайцы пришли сюда съ требованіемъ подданства отъ алтайскихъ кочевниковъ³⁾.

Послѣ разгрома Джунгаріи приблизили свои кочевья къ р. Иртышу, между Омскомъ и Устькаменогорскомъ, доселѣ подчиненные джунгарцамъ киргизъ - кайсаки⁴⁾. Въ свою очередь и они производили набѣги по направленію къ русскимъ селеніямъ съ цѣлями грабежа и воровства⁵⁾.

Чужеземныя вторженія за первую половину XVIII в. не были такъ опустошительны, какъ киргизскія и калмыцкія нападеныя въ XVII вѣкѣ. Тѣмъ не менѣе и теперь, помимо убійствъ, бывали захваты людей въ плѣнъ, слѣдовали за вторженіями и разныя убыли въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Посланный въ Джунгарію въ 1731 или 1732 плацъ-маіоръ Угрюмовъ вытребовалъ у калмыцкаго хана Галданъ-Церика многихъ плѣнныхъ, захваченныхъ калмыками въ разныхъ частяхъ южной окраины Сибири, въ томъ числѣ и въ южныхъ предѣлахъ Томской страны. Русскіе плѣнники, какъ сказано о нихъ въ указѣ, „живя межъ калмыкъ, имѣли при себѣ вмѣсто женъ плѣнницъ, а другіе калмычекъ, жили съ ними беззаконно и прижили дѣтей муж. и женск. полу, и тѣ дѣти

¹⁾ Извѣстно, что въ 1754 г. китайцы избили до 1 милліона джунгарцевъ. Щегловъ, 256.

²⁾ Изъ рукописи Гулаева.

³⁾ Щегловъ. Хронологическій перечень, стр. 255.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 260.

⁵⁾ Кромѣ вторженій отдѣльными группами, киргизамъ входили изъ за Иртыша къ русскимъ алтайскимъ селеніямъ иногда массами, при чемъ любилъ останавливаться для кочевья преимущественно по р. Алею. Въ такихъ случаяхъ кровавыя схватки кочевниковъ съ русскими были обычнымъ явленіемъ. Арх. К.-В. Горя. Нач., № 448.

—не крещены“. Въ свою Томско-Кузнецкую сторону явились плѣнные: дворянскій сынъ Дмитрій Лавровъ съ женою, казачьи дѣти: Иванъ Соломатовъ и Трофимъ Петровъ съ сыномъ, солдатъ—Степанъ Ковалевъ, посадскій Ив. Фолинъ, крестьянинъ Семенъ Яковлевъ, бобыль Флоръ Потеряевъ и гулящій человекъ Ив. Хомутовъ съ 3 дочерьми¹⁾.

Въ 1747 г. крестьянинъ Иванъ Стремляновъ показывалъ объ отцѣ своемъ Алексѣѣ Стремляновѣ, что онъ не былъ записанъ въ I ревизію затѣмъ, что былъ „въ полону у калмыковъ“ и прожилъ въ томъ полону 19 лѣтъ²⁾.

Въ 1763 г. слѣдовалъ чрезъ нынѣшніе Зябиногорскій и Бійскій округа бухарскій торговый караванъ. Въ числѣ женщинъ, бывшихъ при караванѣ, одна крестьянка опознала свою полоненную въ малолѣтствѣ дочь, теперь уже взрослую, говорившую по татарски и одѣтую въ татарское платье³⁾.

Въ 1750 году прибыли къ одной Алтайской новопоселенной деревнѣ нѣсколько человекъ Телеутскихъ калмыковъ. Крестьяне исполнились, приняли пришельцевъ за враговъ и затѣмъ, переловивъ ихъ, перевязали, надѣли на нихъ колодки и повезли въ Колыванскую горную контору. Но здѣсь оказалось, что эти калмыки шли къ русскимъ селеніямъ съ мирными торговыми цѣлями⁴⁾. Въ слѣдующемъ году жители деревни Иконниковой (около Катунской

¹⁾ Епархіальная Тобольская власть распорядилась: „плѣннымъ, какъ обрѣтающимся въ Тобольскѣ, такъ и отлученнымъ Угрюмовымъ въ Томскъ, Кузнецкъ и остальнымъ имъ въ Турѣ—заповѣдать: обмѣный постъ до дня Успенія Пресв. Богородицы, а прочимъ, по полученіи указа, какъ приличіе, емучить молитвы: Отче нашъ, Богородицу, Вірую во единого, а некрещенныхъ дѣтей крестить во имя Отца, Сына и св. Духа. Послѣ поста и крещенія всѣхъ удостоить причащенія св. таинъ. А которые изъ оныхъ имѣютъ у себя на Руси женъ и пожелались на другихъ, бывшихъ въ плѣну, то тѣхъ второплѣтныхъ женъ приказать оставить, а велѣть жить съ первоначальными женами, хотя оныя и въ замужество безъ нихъ посягнули, и жить имъ по прежнему съ своими мужьями.—Указъ Том. архим. Порфирію изъ Тобольск. Архіер. канцеляріи отъ 11 іюля 1733 г. № 331. Арх. Том. Алек. монаст., связ. 15.

²⁾ Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столбѣ д. № 35, 1748 г.

³⁾ Изъ арх. Бари. Д. Прав.

⁴⁾ Арх. Кол.-В. Горн. Нач. въ столбѣ дѣлъ № 94.

крѣпости) просили переселить ихъ на другое мѣсто и мотивировали просьбу тѣмъ, что „находятся близъ границы, гдѣ жить не безопасно“¹⁾.

Естественно, что враги съ ихъ постояннымъ рвеніемъ ко вторженіямъ и нападѣніямъ заставляли томеское населеніе держаться въ условіяхъ готовности на боевой отпоръ. Должны были быть готовы къ оборонѣ не только служилые люди, но и крестьяне. Царь Петръ Алексѣевичъ грамотой отъ 1700 г. потребовалъ, чтобы „въ Тобольскомъ уѣздѣ и Тобольскаго разряду въ городѣхъ и слободахъ служилые всякаго чина люди и крестьяне жили съ опасеніемъ, чтобы не только у служилыхъ, но и у крестьянъ лошади, конья и сайдаки были непременно. А буде у крестьянъ у кого ружья нѣтъ, покупали-бъ и на хлѣбъ вымѣнивали. А когда у нихъ, крестьянъ, зимою дѣла нѣтъ, устроя у ста человекъ по капитану и поручику, ихъ братію, мужиковъ, воинскому дѣлу учить безъ отговорки... А около слободъ и деревень поконали бы рвы и около рововъ учинили бы надолбы и всякія крѣпости и ставили-бъ караулы. А во время пашни, жатвы и сѣнокосу выходили бы на поля съ ружьемъ готовымъ, чтобы всегда, какъ непріа-

¹⁾ Тамъ-же. Впрочемъ, иногда русскіе и дружили съ заграничными обитателями, сбывая имъ съ выгодой для себя лошадей или производя съ ними мѣшовой торгъ контрабандой. При настоящихъ съ китайцами обстоятельствахъ, читаемъ мы въ дѣлѣ о притѣсненіи ясачныхъ (Арх. Кол.-В. Гор. Нач. стол. № 510), по границѣ строжайше приказано ни подъ какимъ видомъ и подъ жестокимъ штрафомъ лошадей въ китайскую сторону отнюдь не выпускать. Но не взирая на то, крестьяне заводскіе, соединясь съ отложившимися ясачными, великими табунами лошадей туда прогоняють и мѣшаютъ китайцамъ и, хотя за нѣсколькими промѣниками болѣе 100 лошадей команды гнались, но однако взять не могли (1767 г.). Въ 1772 г. Начальникъ Кузнецкой военной линіи Ширингеръ объявилъ распоряженіе, чтобы крестьяне за границу, за Антоніевскую крѣпость въ промысла не ходили. Распоряженіе было сдѣлано въ виду того, что «промышленники многіе годы вездѣ шатаются, а наче подъ видомъ прислания руды, въ зѣбринныхъ промыслахъ, какъ въ жилищахъ ясачныхъ татаръ, такъ и далѣе за границу употребляются, и отъ того всякія неудобства и опасности происходятъ». Ар. К.-В. № 665. Въ началѣ 1780-хъ годовъ Бійскій комендантъ премьеръ-майоръ Богдановъ настаивалъ, что рыбная ловля по р. Катунѣ въ оброкъ не отдавалась, „дабы не воспослѣдовало отъ промышленниковъ злоупотребленіи въ разсужденіи проѣздовъ до китайской линіи безъ всякаго дозволенія для потаеннаго торга“. Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыбныхъ ловель по р. Катунѣ.

тель подойдет, могли бы съ нимъ биться и себя оборонять и ставить въ то работное время, гдѣ служилыхъ нѣтъ изъ своей братіи крестьянъ караульщиковъ, переменяясь... А начальнымъ людямъ и приказчикамъ безоружнымъ людямъ и за оплошку карауловъ чинить наказаніе, смотря по винѣ. А на тѣхъ непріятелей, которые подъ наши великаго государя города — подъ Кузнецкой, Томской и Красноярскій приходили и всякое разореніе и побіеніе чинили и скоть отгоняли, — на тѣхъ непріятелей въ удобное время нашихъ, великаго Государя, ратныхъ людей съ ружьемъ, пушками и съ ручными гранаты посылать и, сколько Господь Богъ помощи дастъ, промыслу воинскаго надъ ними искать и ихъ войско смирать, чтобы они впрядь опасны были подъ наши, великаго Государя, города и слободы приходять¹⁾.

Всѣ указанные предосторожности въведены были въ обязанность и томскимъ крестьянамъ, хотя по малолѣтству здѣшняго крестьянскаго населенія онѣ около Томска и Кузнецка едва-ли могли быть применены во всей точности. Впрочемъ, надолобы вокругъ болѣе или менѣе крупныхъ деревень ставились и здѣсь. Мы знаемъ, наприм., что-то въ родѣ крѣпостныхъ сооружений имѣли села Пачинское на Томи²⁾ и Богородское на Оби.

Въ 1741 г. отправляя къ южнымъ предѣламъ Зап. Сибири войсковые отряды изъ Тобольска для предосторожности отъ нападений Зюнгарскаго владѣльца Голдандъ-Церина, правительство напоминало, чтобы въ случаяхъ столкновеній съ калмыками, солдатамъ помогали бы и крестьяне „изъ мѣстныхъ жителей“³⁾.

Горное Алтайское вѣдомство въ свою очередь настаивало, чтобы крестьяне, особенно близкихъ къ границѣ селеній, имѣли при себѣ оружіе непремѣнно. И даже въ 1773 г. оно

¹⁾ Памятники Сиб. истор. ч. I, стр. 132—136.

²⁾ Ся. Старинные монастыри Том. края, стр. 21.

³⁾ Полн. соб. зак. т. XI, № 8332.

указомъ писало крестьянамъ:— «всегда признавалось необходимымъ здѣшняго вѣдѣнія живущимъ по деревнямъ крестьянамъ имѣть для всегданней предосторожности отъ внезапнаго непріятельскаго нападѣнія порохъ и свинецъ. Теперь повторяется это распоряженіе съ требованіемъ, чтобы крестьяне приобрѣтали вооруженіе за свой счетъ¹⁾. А крестьянамъ вѣдѣнія Красноярской избы близъ Усть-Каменогорска то и дѣло напоминали изъ Барнаула, чтобы выѣзжали въ поле съ заряженными ружьями. Это было необходимо въ виду частыхъ грабежей, какіе производили киргизъ-кайсаки изъ-за Иртыша²⁾.

Когда опасности отъ нападѣній внѣшнихъ враговъ начинаютъ исчезать, выступаютъ для томскаго крестьянства нныя бѣды, шедшія отъ враговъ внутреннихъ. Разумѣемъ усиленіе разбоевъ. Разбойничали бѣглые арестанты и среди нихъ каторжники, а также бѣглые заводскіе рабочіе—бергайеры.

До какихъ размѣровъ бѣглые колодники доводили свои разбои въ Сибири, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1745 г. колодники, препровождаемые изъ Тобольска къ Томску въ количествѣ 200 чел., когда шли по Иртышу, взбунтовались, перебили конвой и приступили къ Сургуту съ цѣлью разгромить весь городъ³⁾. А вотъ разбои, собранные по нашимъ матеріаламъ изъ исторіи Томскаго края.

Въ 1748 г. въ Колывано-Воскресенской канцеляріи состояло въ производствѣ очень крупное дѣло о разбояхъ, тамъ и здѣсь произведенныхъ разбойничьими атаманами бр. Селезневыхъ съ собранною ими большою шайкою. Судили только нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ Селезневыхъ, а сами атаманы продолжали дѣйствовать въ чистомъ полѣ и темномъ бору⁴⁾. Изъ другаго дѣла отъ 1756 г. мы видимъ, что Селезневые не унялись еще

¹⁾ Арх. Колывано-Воскр. Гора. Нач., столбъ д. № 718.

²⁾ Тамъ-же, въ томъ-же столбѣ.

³⁾ Соловьевъ, т. XXII, стр. 336. Изд. Тобол. „Общ. польза“.

⁴⁾ Арх. Кол.-Воскр. Гора. Нач., столбъ д. № 79.

въ своихъ подвигахъ и въ это время. Они разбойничали тогда въ районѣ Космалинскихъ и Малышевскихъ деревень, гдѣ „грабили и людей рѣзали“¹⁾.

Разбойничья слава Селезневыхъ привлекала къ нимъ сподвижниковъ изъ другихъ иногда очень дальнихъ мѣстъ. Въ 1749 г. въ степи близъ Иртышскихъ крѣпостей были схвачены два малороссійца Солодщичевъ и Береуть. Оба показали о себѣ, что были прежде въ ссылкѣ около Иркутска, откуда будто-бы были освобождены. Изъ ссылки отправились на Донъ чрезъ Семиналатную и Ямышевскую крѣпости, но на дорогѣ остановились въ дер. Меретской на Оби (близъ Барнаула), гдѣ, прослышавъ о Селезневыхъ „приходили къ нимъ, чтобы вмѣстѣ грабить Бухарцевъ, ѣздившихъ съ товарами изъ Зюнгорской земли“. Отъ Селезневыхъ ушли для разбоевъ къ Колундинской степи, а оттуда къ Кабановымъ озерамъ, гдѣ проживали въ промышленныхъ избушкахъ. Разбойничая независимо отъ Селезневыхъ, они имѣли сношенія съ крестьянами: Бѣлоярской слободы Шшикихъ и Малышевской—Мухинымъ²⁾.

Вообще упомянутымъ въ этомъ эпизодѣ бухарцамъ, ѣздившимъ съ торговыми караванами къ Томску, доставалось на пути отъ воровъ и разбойниковъ очень нерѣдко. Въ 1750 г. бухарскій караванъ пожаловался, что близъ с. Космалинскаго у него похищено много цѣнныхъ товаровъ и отогнано 10 лошадей³⁾. Виновными оказались бѣглецы, впрочемъ, въ данномъ случаѣ воровавшіе при участіи самихъ космалинскихъ крестьянъ. Опускаемъ жалобы бухарцевъ въ др. случаяхъ.

Весною 1764 г. убѣжали изъ Томска „съ канатовъ“ разбойники въ числѣ 18 человекъ. На берегу только лишь вскрывшейся рѣки бѣглецы раздобыли лодки, выбрали себѣ атамана и поплыли внизъ по Томи. На первый разъ разбойничья шайка высадилась

¹⁾ Арх. К.-Воскр. Г. Нач. столбъ № 224. О Селезневыхъ см. еще у Максима „Сибирь и Каторга“, ч. 2, стр. 164.

²⁾ Арх. К.-Воскр. Гери. Нач. въ столбѣ д. № 79.

³⁾ Тамъ-же, въ столбѣ д. № 518.

на островѣ близъ дер. Иштанской, гдѣ проживалъ съ семьею Иштанскій крестьянинъ Ив. Лоскутовъ, — разграбили имущество этого послѣдняго, обезчестили его дочерей и отравились въ дальнѣйшій путь. Изъ Томи перешли въ Обь, поплыли вверхъ этой рѣки, часто высаживаясь по берегамъ и наводя панику на всѣхъ побережныхъ жителей грабежами и убійствомъ¹⁾.

Въ 1772 году видимъ еще большую партію каторжныхъ, бѣжавшихъ изъ Томска же „съ каната“. Сначала бѣжавшіе чинили воровства, грабительства и убійства въ самомъ Томскѣ, а потомъ принялись грабить по дорогамъ и особенно по большому Московскому тракту. Томская комендантская канцелярія назначила для ихъ поимки оберъ-офицера, унтера, капрала и 20 человекъ изъ самыхъ рослыхъ и сильныхъ рядовыхъ. Колывано-Воскресенская канцелярія не замедлила разослать распоряженіе и отъ себя, чтобы крестьяне оказывали военнымъ поимщикамъ вспоможеніе, выѣзжая на помощь съ оружіемъ, „съ какимъ кто можетъ“. Вскорѣ отъ крестьянъ узнали, что разбойники „прошли вверхъ по Оби мимо Чаусскаго острога и людямъ, бывшимъ на рыбномъ промыслу, а также по берегамъ на пашняхъ и въ деревняхъ чинили мучительства, а ихъ пожиткамъ большіе грабежи, при этомъ вѣсколькихъ человекъ ножами до смерти закололи“. Около с. Ирменскаго разбойники произвели новые грабежи и убійства. Ирменцы кинулись за ними цѣлымъ селомъ и на этотъ разъ покончили почти со всѣми. Спаслись только двое, убѣжавшіе въ Каргацкую степь²⁾.

Какъ вообще часто появлялись въ нашемъ краѣ разбой, это ясно можно видѣть изъ ихъ перечня за упомянутой 1772 г. Въ этомъ году въ Томскомъ уѣздѣ, кромѣ указанной шайки, избитой жителями с. Ирменскаго, разбойничали еще каторжники Панкрушинъ

¹⁾ Арх. Том. Алексѣевск. монастыря. Дѣло 1764 г., св. 11.

²⁾ Арх. Колывано-Воскр. Гора. Нач. въ столѣт. д. № 665.

и Элуинъ, имѣвшіе пристанище въ с. Зелёдѣевѣ¹⁾. А около Барнаула въ то же время дѣйствовали двѣ партіи, одна выходящая изъ Барнаульскаго бора, а другая на дорогѣ изъ Барнаула въ Барабу. Въ послѣдней главенствовалъ атаманъ Лебеденокъ, воспоминаніе о которомъ, какъ память и о Селезневыхъ, долго хранилась среди барнаульцев²⁾. Была еще разбойничья шайка около Зябиногорска, состоявшая изъ 8 человекъ. При поимкѣ этихъ воровъ сержантъ Бронниковъ и его солдаты оказали самую явную трусость, за что Бронникова постигло разжалованіе на 1 мѣсяць въ рядовые, а солдатъ нещадное битіе батогами³⁾.

Мы сказали о разбояхъ, производимыхъ шайками, а сколько было разбойниковъ, орудовавшихъ въ одиночку?

Бродяга, странствующій за милостынею по деревнямъ, — это самое заурядное явленіе въ современной жизни на вселѣ пространныхъ Томской губерніи. Въ прежнее же время въ предѣлахъ Томской страны бродягъ должно было быть значительно больше, ибо, кромѣ бѣглыхъ каторжниковъ и поселенцевъ, здѣсь сновали еще бѣглецы съ заводовъ и рудниковъ Колывано-Воскресенскаго кабинетскаго вѣдомства. До какой степени развиты были бѣгства среди рабочихъ этого вѣдомства, это отчасти мы указали, когда приводилось говорить о каменщикахъ. Теперь добавимъ, что случается бѣгство отъ заводскихъ работъ и порученій, а также отъ тамошнихъ штрафованій и наказаній въ каждомъ году насчитывалось во всемъ заводскомъ вѣдомствѣ едва-ли менѣе сотни⁴⁾. Недаромъ Колывано-Воскресенская канцелярія почти ежегодно снаряжала команды съ спеціальнымъ назначеніемъ розыска и поимки бѣглецовъ. Заводскіе бѣглецы не всегда

¹⁾ Арх. Колывано-Воскр. Горн. Нач. въ столѣ д. № 665.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Въ тожь-же столѣ.

⁴⁾ Въ 1830 г. Барнаульская Военно-судная коммиссія рѣшила 75 дѣлъ о бѣгствахъ. — Опись рѣшенныхъ дѣлъ Военно-судной коммиссія съ 1826 по 1837 г. въ Барнаул. Горномъ архивѣ.

утекали за Камень въ Бухтарму. Во многихъ случаяхъ они наравнѣ съ бродягами изъ ссыльныхъ кружились межъ деревень или устраивали себѣ приетаница въ пустыхъ мѣстахъ¹⁾; въ стени или лѣсахъ и, понятно, для добычи пропитанія, какъ и всѣ бродяги, не брезговали ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни убійствомъ.

Беремъ примѣры изъ XIX ст., но при этомъ не думаемъ, что выступаемъ изъ предѣловъ своего обозрѣнія незаконно, такъ какъ въ первые десятки лѣтъ нынѣшняго столѣтія условія заводской жизни были тѣ же, что и въ прошломъ вѣкѣ и даже уже успѣли нѣсколько потерять въ своей суровости и жесткости. Въ 1835 г. около дер. Красиловой бродилъ бѣжавшій заводскій служитель Пестеревъ, при чемъ буйствомъ, воровствомъ и грабежами вывелъ крестьянъ этой и соседнихъ деревень изъ терпѣнія. Они рѣшили было выдать его начальству, но должны были отстуниться отъ рѣшенія въ виду страшныхъ угрозъ со стороны Пестерева для ихъ жизни и благосостоянія. Одновременно съ Пестеревымъ жителей деревень Чингизскаго прихода сильно безобразилъ грабежами бѣглый горный рабочій Клениковъ. Въ 30-же годахъ нынѣшняго столѣтія бѣглецы изъ заводскихъ служителей Яренсковъ и Дмитріевъ угнѣздились около деревень Кузнецкаго округа: Усятской, Зенковой, Монастырской и с. Томскаго завода. Иногда эти бѣглецы ходили по этимъ деревнямъ для сбора милостыни, иногда въ страдное время работали у разныхъ хозяевъ по найму, а очень нерѣдко обворовывали крестьянъ въ ихъ домахъ, или останавливали ихъ для грабительства въ лѣсахъ. Разъ встрѣтили въ лѣсу двухъ дѣвицъ и принудили ихъ къ

¹⁾ Бывали бѣства и за границу «въ калмыки». Въ 1754 г. намѣревались къ побѣгу въ калмыки изъ Колыванскаго завода плавильный мастеръ Паутовъ, пробирщикъ Крыловъ съ товарищи и тарскій житель Прасоловъ. Всѣ за это намѣреніе были биты кнутомъ и сосланы въ каторжные работы къ Перчинску, за исключеніемъ Паутова и Крылова, которымъ послѣ наказанія плетью, посланы въ простые работники до выслуги.—Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., въ столѣт. д. № 110.

блуду съ собою, послѣ чего наградили ихъ ситцемъ и платками, пограбленными у крестьянина Уксунайской волости Сорокина¹). Подобныхъ бѣглецовъ, повторяемъ, было множество.

Случалось, что и заводскіе бѣглецы группировали изъ себя цѣлыя разбойничьи шайки. Вышеупомянутые разбойники, грабившіе изъ Барнаульскаго бора и около Змѣиногорска, состояли, несомнѣнно, изъ бѣжавшихъ бергаловъ. Изъ бѣглецовъ того же разряда составилаь партія, работавшая подъ атаманствомъ бр. Бѣлоусовыхъ.—Братья Константинъ, Прокопій и Елевферій Бѣлоусовы бѣжали съ заводовъ около 1825 г. и, собравъ около себя такихъ же бѣглецовъ въ числѣ 11 человекъ, угнѣздились въ верховьяхъ р. Убы, откуда воровствомъ, грабежами и смертоубійствомъ тревожили множество алтайскихъ селеній и деревень. Шайку, наконецъ, переловили, всѣхъ тяжело наказали кнутомъ и приговорили къ вѣчной каторгѣ. Но Бѣлоусовы бѣжали и съ каторги, и, присовокушивъ себѣ товарища въ лицѣ каторжнаго же Минѣева (изъ рабочихъ Салаирскаго рудника), возобновили грабежи въ прежнихъ мѣстахъ. На этотъ разъ ихъ рѣшились изловить крестьяне деревень Чечулихи и Каргонской. При поискахъ поймщики застали разбойниковъ въ верховьяхъ р. Чарыша, но въ виду отчаянной храбрости послѣднихъ и хорошаго у нихъ вооруженія „взять ихъ не посмѣли“. Выступило на дѣло само горное начальство. Оно выслало противъ бѣглыхъ хорунжаго, двухъ урядниковъ и 20 казаковъ. Въ 15 верстахъ отъ деревни Каргонской вверхъ по рѣчкѣ того-же названія, среди горъ и утесовъ, казаки замѣтили человѣческіе слѣды, ведшіе въ крутизну большой сопки. Отрядъ, крадучись, пошелъ по слѣдамъ и, увидѣвъ избушку, кинулся на нее вразъ съ крикомъ „ура“!. Застигнутые врасплохъ разбойники отдались безъ сопротивленія²).

¹) Всѣ эти прихѣры взяты мною изъ Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. столѣт. д. о чрезвычайныхъ происшествіяхъ за 1834, 1835 и 1836 г.

²) Арх. Канцелярн Главн. Начальника Кабинетскаго вѣдом. 1833 г. № 23.

Мысленно мы созерцаемъ Томскую деревню за прошлое время XVII и XVIII столѣтій. Въ XVII в. эта деревня состоитъ изъ 2, 3, 5 или много 10 дворовъ. Въ селахъ дворовъ было больше, но, какъ мы видѣли уже, села были чрезвычайно рѣдки. Въ слѣдующемъ столѣтїи деревня населеннѣе, но она все-таки въ большинствѣ случаевъ мала. „Крестьяне здѣшнихъ мѣстъ привыкли жить малыми деревнями“, говорила Горная Алтайская Канцелярія въ 1764 году¹⁾. А нѣсколько ранѣе въ 1758 г. Сибирская Губер. Канцелярія предписывала бригадиру Фрауендорфу строго слѣдить за тѣмъ, чтобы новопоселяемые крестьяне въ нынѣшн. Бійскомъ округѣ селились линїею въ одной деревнѣ, а не однодворками, и „для поселенія однодворками отнюдь никому мѣста не показывать и тѣми однодворками селиться накрѣпко запретить“²⁾.

Расположена деревня на берегу стеной рѣчки или у озера, вдали отъ котораго виднѣются колки или небольшїя лѣсныя заросли. Это стеновая деревня гдѣ-нибудь въ глуши Кулундинской стени или на Барабѣ. Въ другихъ случаяхъ деревня находится на берегу большой рѣчки, на Оби или Томи, или скрывается на небольшой полянѣ среди таежнаго еще почти не тронутого лѣса или, наконецъ, прїютилась въ долину, протянувшейся между неправильно раздвинувшимися хребтами Алтайскихъ вершинъ. Во всякомъ случаѣ деревни, раскинутыя на широкомъ пространствѣ дикихъ, маловоздѣланныхъ мѣстъ, находятся другъ отъ друга въ неблизкихъ разстоянїяхъ. Одиночество и закинутость должны были придавать томскому поселку не веселый колоритъ.

Въ XVII в., если деревня находилась гдѣ-нибудь близъ Томи, жители ея, выѣзжая въ поле на работу, должны были совершать ее съ большой оглядкой: не покажется-ли гдѣ на быстрой малорослой лошади полудикїй всадникъ въ мохнатой шапкѣ—

¹⁾ Арх. Колым.-Воскр. Горн. Нач., въ столѣтї д. № 448.

²⁾ Чт. общ. истор. и др. 1867 кн. 2, стр. 259.

этотъ передовой развѣдчикъ для огромной толпы кочевниковъ, ринувшейся для опустошеній къ Томску или Кузнецку. Тогда крестьянину нужно было бросать работу, спѣшить къ односельчанамъ съ вѣстію о грядущей бѣдѣ и затѣмъ укрываться съ имуществомъ или въ самое глухое недоступное мѣсто, или, что было гораздо надежнѣе, спастись за тыномъ острога, охраняемаго храбростію служилыхъ людей. Съ такою же осторожностію долгое время въ продолженіе XVIII в. вынуждены были жить и обитатели новозаведенныхъ алтайскихъ деревень, потому что и новооселенный алтайскій крестьянинъ иѣтъ, иѣтъ да услышитъ, что тамъ или здѣсь калмыки, или киргизь-кайсаки отогнали у русскаго лошадей, а иногда и хозяина связали и помчали въ свои становища въ качествѣ полонянника.

Миновали времена чужеземныхъ вторженій, но томскій крестьянинъ все еще не спокоенъ. Онъ продолжаетъ имѣть при себѣ заряженное ружье въ виду постоянныхъ слуховъ о разбояхъ, да и по собственному опыту ему вѣдомо, что на болѣе или менѣе дальнемъ пути, по которому нужно ѣхать для хозяйственныхъ или другихъ какихъ дѣлъ, рѣдко обойдется, чтобы не встрѣтить бѣглаго изъ тюрьмы или съ заводовъ. Иногда такая встрѣча пройдетъ совершенно благополучно. Оборванецъ смиренно подойдетъ къ крестьянину-путнику, попроситъ хлѣба, распроситъ о дорогѣ, завяжется бесѣда, которая закончится, пожалуй, тѣмъ, что крестьянинъ пригласитъ бѣглеца къ себѣ на страдную работу: живи де и работай, будешь сытъ и одѣтъ, а по праздникамъ и пьянъ, а отъ начальства въ лѣсу около нашей деревни есть гдѣ укрыться.

Но иногда бѣглый стремительно бросается подузцы лошади и на ея хозяина машетъ топоромъ. Тогда, понятно, безъ ружья плохо. Убилъ бродягу, тѣло—въ болото или въ сторону въ лѣсъ: никто не найдетъ, а если и найдетъ, то не обратитъ никакого вниманія.

Страхъ отъ непріятельскихъ вторженій и разбойничьихъ нападений служилъ тормозомъ развитію благосостоянія томскаго крестьянина, но однакоже не настолько важнымъ, чтобы въ данномъ случаѣ этотъ страхъ могъ представлять существенную препону¹⁾. Повторяемъ: томскій пахарь могъ пахать и косить сколько хотѣлъ;—на своемъ огромномъ участкѣ онъ могъ постоянно поднимать цѣлину лишь-бы не залѣниться выкарчевывать древесные корни и чистить луга отъ кустарника. Въ лѣсу безъ особаго утомленія можно было добыть цѣннаго звѣря²⁾, въ рѣкахъ наловить много рыбы. Дичи можно было бы набить цѣлые воза, еслибы только было куда сбывать ее продажей. Бѣдно существовалъ въ деревнѣ развѣ только недавно приписанный къ ней крестьянинъ изъ пришлыхъ. Онъ помимо того, что поселился ни съ чѣмъ, кромѣ маленькой подмоги, заработанной на Колыванскихъ заводахъ, —онъ, отъ долгаго шатанья въ бѣгахъ, иной разъ отвыкъ отъ крестьянскаго дѣла. Но противъ его лѣни существовалъ окрикъ чиновника отъ горнаго начальства, а въ этомъ окрикѣ упоминались не только розги, но и плети³⁾. А разъ пришлый сложилъ лѣнь, онъ выбьется изъ нужды непременно. Въ общемъ матеріальная жизнь слагалась въ условія, при которыхъ томскій обыватель могъ существовать значительно привольнѣе, чѣмъ крестьянинъ центральной Россіи. Жившій посельски безмѣстный поизъ Инать еще въ концѣ XVII в.

¹⁾ Впрочемъ, нужно замѣтить, что нынѣшній Марійинскій округъ Томской губ. въ XVII и началѣ XVIII в. почти пустовалъ русскими селеніями. Несомнѣнно русскіе боялись селиться здѣсь именно въ виду частыхъ киргизскихъ нападений и грабежей.

²⁾ Въ среднѣи прошлаго столѣтія лоси, моралы, дикіи козы, кабаны и проч. въ большомъ изобиліи находились тамъ, гдѣ этого звѣря уже нынѣ нѣтъ, напр. по рр. Доктевкѣ, Аюю. См. Матер. для истор. Сибири — Чт. общ. истор. и древ. 1867, кн. 2, стр. 270—273.

³⁾ Для понужденій новопоселенныхъ крестьянъ къ занятію хлѣбопашествомъ и вѣстѣ съ тѣмъ «въ жителъству дворами въ деревняхъ» Колывано-Воскресенское начальство назначало особые военные отряды. Въ концѣ 1740-хъ годовъ такіе отряды изъ драгунъ разбѣжжали въ одножъ случаѣ подъ начальствожъ капитана Шанскаго, въ другомъ шихтмейстера Звѣдочетова. Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., столнѣ д. № 94.

на одной из своих заимок пахалъ по 10 десятинъ въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“, и на той же заимкѣ имѣлъ за собою дикаго поля и дубровъ по 40 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ; сѣнныхъ покосовъ на 400 коненъ. На другой заимкѣ пахалъ по 6 дес. въ полѣ, „въ дву потому-жъ“ и при ней же нераспаханной земли, дикихъ полей и дубровъ имѣлъ по 30 десят. въ полѣ, „а въ дву потому-жъ“; сѣнныхъ покосовъ на 300 коненъ. И на третьей заимкѣ пахалъ по 4 дес. въ полѣ, въ дву потому-жъ и здѣсь же владѣлъ дикимъ полемъ въ 60 десятинъ и сѣннымъ покосомъ на 300 коненъ¹⁾.

Количество болѣе 10 лошадей во дворѣ было самымъ обычнымъ явленіемъ среди томскихъ крестьянъ-старожиловъ въ прошломъ столѣтіи. За то же столѣтіе крестьяне платили церковнымъ причтамъ за браки отъ 10 до 50 руб. Отдѣльные домохозяева деревень, принадлежавшихъ Томскому Алексѣевскому монастырю, въ 1750-хъ годахъ въ состояніи были принести во взятки кто по 20 р., кто по 50 и даже по 100 руб., хотя, разумѣется, и не безъ натуги для себя. Крестьяне деревни Комаровой (близъ Війска), состоявшей изъ 22 дворовъ, въ 1786 г. распахивали въ каждомъ полѣ по 260 десятинъ и ставили сѣна болѣе 10000 коненъ. Въ то же время крестьяне деревень Пѣшковой и Соколовой показывали о себѣ, что первые при 27 дворахъ пахали земли 200 десятинъ въ полѣ и ставили сѣна до 15000 коненъ, вторые при 13 дворахъ пахали 142 десятины и ставили сѣна 7000 коненъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что обыватели всѣхъ упомянутыхъ здѣсь трехъ деревень не столько были заняты хлѣбопашествомъ, сколько налегали на рыбную ловлю въ богатомъ рыбю Иткульскомъ (близъ Війска) озерѣ²⁾ и, кромѣ того, имѣли поводы показывать не всю правду.

¹⁾ Ив. Кузнецовъ. Истор. акты. I, стр. 80.

²⁾ Дѣло о владеніяхъ среди монастыр. крестьянъ. Монаст. арх., св. 16.

³⁾ Дѣло объ отдачѣ въ оброкъ рыб. ловель по р. Катунѣ.

Въ 1783 г. отставной заводскій мастеровой жаловался начальству, что жена его по безпорядочному поведенію „разнымъ его домашнимъ вещамъ чинила ущербленіе“, именно промотала „на пьянство и табакъ“: двѣ юфтевыя кожи, пять паръ чарковъ, двѣ бязи, александрійскую и дабовую рубахи, четыре бумажныхъ платка, чабанъ камчатскаго (sic) бобра, три юбки китайчатыхъ, гарусную опояску, еще два платка—бумажный и шелковый, два блюда оловянные, 3 ложки жѣдныя, три аршина бахты, перчатки и т. д.

Почти въ то же время горный мастеровой въ прошеніи о разводѣ съ женой описывалъ, что жена истратила у него изъ его „домашняго шкамба“: платокъ шелковый штофный въ 4 руб., юбку китайчатую алую въ 3 руб., скатерть бѣлую бранную въ 75 коп., рубаху мужскую дабинную въ 1 руб. 10 коп., тафты 1¹/₄ арш. на 1 р. 56 коп., чабанъ нарчевый, „опушенъ соболемъ“, въ 4 руб. и еще два шелковыхъ платка—одинъ „модный“, другой малиновый. Но мастеровой, жившій при заводахъ или только-лишь ушедшій съ завода, былъ значительно бѣднѣе обстоятельно жившаго деревенскаго обывателя, хотя, разумѣется, и форсистѣе его¹).

Палласъ, описывая необычайное плодородіе земель, занятыхъ многочисленными деревнями, входившими въ округа Малышевской слободы, Бердскаго и Чаусскаго остроговъ, говоритъ, что крестьяне жили здѣсь изобильно и хлѣбомъ и скотомъ. Лошадей каждая малая деревня имѣла большіе табуны. Тоже самое передалъ онъ о благосостояніи жителей нынѣшней Легостаевской волости (по р. Верди)²).

Въ 70-ые годы прошлаго столѣтія успѣли оправиться въ хозяйственномъ отношеніи и новооселенные крестьяне въ Барабинской степи. На этомъ случаѣ имѣемъ свидѣтеля въ лицѣ путешественника Фалька.—„Крестьяне въ Барабѣ, писалъ Фалькъ,

¹) Брако-разводныя дѣла изъ архива Барнаульскаго Д. Правленія за 1780—1783 г.

²) Палласъ. Путешествіе. Часть II, кн. 2, стр. 403, 417.

вообще дѣятельны и зажиточны. Земледѣліе у нихъ такое-же, какъ и въ деревняхъ по Иртышу. Они сѣютъ озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень, овесъ, полбу, яровую рожь, горохъ, ленъ и конопель. Плодоносная земля вознаграждаетъ въ 5 и 10 разъ и не требуетъ удобренія. Земли у нихъ довольно. Но употребленіе времени для посѣва, по причинѣ холодныхъ ночей, требуетъ немалого вниманія. У всякаго крестьянина есть небольшой огородъ, а у нѣкоторыхъ и хмѣльники. Они держатъ нѣмного лошадей, нѣсколько коровъ и овецъ—русскихъ и киргизскихъ. Новые поселенцы примѣтнымъ образомъ распространяютъ скотоводство. Здѣсь, на обширныхъ нажитыхъ, скотоводство было-бы весьма велико, еслибы не подвергалось надежамъ¹⁾.

Удручалъ домашній бытъ стариннаго томекаго крестьянина одинъ очень существенный недостатокъ,—относительный недостатокъ въ женщинахъ. Среди найденныхъ нами архивныхъ показаній о количествѣ населенія въ томъ или иномъ изъ приходовъ томскаго района за XVIII в. цифровое преобладаніе мужскаго пола предъ женскимъ является чуть не зауряднымъ фактомъ и въ особенности по отношенію къ приходамъ Барнаульскаго вѣдомства. Такъ, въ 1771 г., т. е. тогда, когда жизнь въ краѣ уже развилась и вышла изъ круга многихъ прежнихъ ненормальностей, свойственныхъ новопоселеннымъ мѣстамъ, въ приходѣ Змѣиногорской церкви состояло душъ 1940 м. п. и 1084 жен., Колывано-Воскресенской 495 м. 400 ж., Павловскаго завода 974 м. п. 818 жен. Это были заводскіе приходы, гдѣ среди рабочихъ должно было проживать много холостыхъ людей изъ др. подчиненныхъ Кабинету мѣстъ. Но вотъ чисто земледѣльскіе приходы: Въ приходѣ Бѣлоярской слободы за тотъ же 1771 г. насчитывалось мужскихъ 1587 д., женскихъ 1387,—Кособоков-

¹⁾ Фалькъ. Полю. собр. ученыхъ путешествій. Т. VI, стр. 429

скомъ 705 м. 648 ж., Канинскомъ 1107 м. 983 ж.¹⁾ Такое же отношеніе мы часто встрѣчаемъ и въ приходахъ Томскаго вѣдомства. Именно, за 1785 г. въ приходѣ Спасскаго села было 567 душъ м. п. и 503 ж., с. Семилужнаго 395 м. 385 ж., с. Яйскаго 920 м. 732 ж.,—с. Иткульского 1587 м. 1135 ж.²⁾ Отсюда можно понять, почему брачный вопросъ былъ чуть-ли не самымъ жгучимъ дѣломъ въ томскомъ крестьянствѣ за прошлое время. Приспѣвало въ крестьянской семьѣ время женить сына. Гдѣ взять невѣсту? Въ своей деревнѣ. Но здѣсь или уже все давно перероднилось или невѣсты были разобраны. Нужно ѣхать въ какое-нибудь отдаленное селеніе, но и тамъ или просили невѣстѣ большую „кладку“, или ее вовсе не хотѣли выдавать замужъ.

Дѣло въ томъ, что при веденіи хозяйства въ обширныхъ раздѣлахъ томскіе крестьяне дорожили каждымъ членомъ семьи и потому очень часто не хотѣли отнискать изъ своего дома и дочерей, какъ нужныхъ для дома работницъ. Какъ взрослая, поневолѣ оставшаяся въ дѣвицахъ, дочь вела себя въ нравственномъ смыслѣ,—это никого не смущало. На это своеобразное явленіе нежеланія со стороны родителей выдавать дочерей въ замужество обратило вниманіе горное начальство, и въ 1773 году затребовало отъ земскихъ избъ списокъ дѣвицъ отъ 20-лѣтняго возраста съ объясненіемъ противъ каждой причинъ, почему не выдана замужъ? Оказалось, что въ деревняхъ, подвѣдомыхъ Бѣлоярской земской избѣ, дѣвицъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ насчиталось 208, въ вѣдомствѣ Томской земской конторы въ возрастѣ отъ 25 до 40 л. 35 ч., въ вѣдомствахъ др. конторъ и избъ гдѣ 30, гдѣ 20. Больше всего не выдавали замужъ „за домашностію“, иногда „за

¹⁾ Изъ вѣдомости о священно-церковно-служителяхъ Барнаульскаго вѣдомства за 1771 г. Арх. Барнаул. дух. правленія.

²⁾ Изъ духов. росписей селеній Томс. вѣдомства. Арх. Том. д. консисторіи.

сердечною скорбію“, или затѣмъ, что кромѣ сердечной скорби имѣть еще „икоту“. Но весьма часто сельскіе грамотѣи противъ 20-лѣтнихъ дѣвицъ писали курьезы въ такомъ видѣ: „не выдана по молодости лѣтъ и за такимъ порокомъ женихи не сватали“.... „поконтъ вдоваго отца, и за тѣмъ порокомъ замужъ не выдана“. Выслушавъ донесенія, начальство опредѣленіемъ отъ 28 октября 1773 г. постановило: „крестьянскихъ дочерей-дѣвокъ, которыя, не выходя замужъ, заявили себя зазорнымъ поведеніемъ, за незаконіе наказать плетми, а родителямъ накрѣпко подтвердить, чтобы въ выходѣ дочерямъ замужъ препятствій отнюдь не чинили“¹⁾.

Трудность добычи невестъ мирнымъ, законнымъ путемъ породила обычай красть дѣвицъ и увозить ихъ для брака насильственно въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Примѣровъ насильственного повѣнчанія съ дѣвцами, захваченными гдѣ-нибудь въ полѣ, лѣсу, на крестьянскихъ гулянкахъ такъ обильно, что намъ не вмѣстить ихъ въ размѣры бѣлаго обозрѣнія. Поѣхала дѣвица съ теткой изъ Сузунскаго завода въ гости въ другую деревню. Пристали на дорогѣ парни, тетку выкинули изъ саней, дѣвушку схватили и быстро помчали въ с. Иткульское, гдѣ, несмотря на сопротивленіе невесты, бракъ повѣнчать свящ. Поникаровскій²⁾. Въ 1775 г. недавно поселенный крестьянинъ обманомъ завелъ къ себѣ въ гости дѣвушку 13 лѣтъ и затѣмъ насильно повезъ ее въ село Крохалеваево, гдѣ заранѣе условленное повѣнчаніе не заставило себя долго ждать³⁾. Въ третьемъ случаѣ увезли дѣвицу съ луга, куда отправилась она собирать черемшу, въ четвертомъ—съ рѣки, гдѣ полоскала бѣлье, и когда везли деревней, зажали ей ротъ, чтобы не кричала. Знаемъ случай, когда насильственно брачимую невесту нужно было держать за руки и за голову, чтобы не сбросила вѣнецъ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣтѣ д № 718.

²⁾ Изъ дѣлъ Тоб. Д. конс. въ арх. Томской консистор. по описи № 227.

³⁾ Ук. Тоб. консистории въ Том. дух. прав. отъ 12 апр. 1776.

⁴⁾ Изъ арх. Бари. Дух. Прзвленія. Жалоба кр. В. Шютникова, 13 янв. 1784 г.

Насильственное похищеніе дѣвиць для замужества шло рядомъ съ браками, совершаемыми „уходомъ“, т. е. такими, когда женихъ напередъ тайно уговаривался съ дѣвушкой повѣнчаться, при чемъ послѣдняя выражала свое согласіе выдачею жениху „заклада“ въ видѣ платка, кольца или даже платья. И въ этихъ случаяхъ часто устраивалось похищеніе, но уже притворное, только для отвода глазъ родителей или родственниковъ невѣсты. Недовольные родители гнались въ погоню, происходили свалки, драки и всякіе безпорядки, а иногда и огромныя коцунства въ храмахъ, гдѣ убѣгшіе хотѣли повѣнчаться или уже повѣнчались.

Вотъ сцена:—20 янв. 1776 г. причтъ Кособоковской церкви собрался въ храмъ позднимъ вечеромъ, для повѣнчанія дѣвицы Вдовиной съ женихомъ, за котораго Вдовина выходила уходомъ. На всякій случай церковный трапезникъ Рычковъ храмъ изнутри заперъ. Векорѣ на паперть съ шумомъ вбѣжала толпа крестьянъ, состоявшая изъ отца невѣсты Василія Вдовина, ея брата Петра съ односельчанами Шумиловымъ, Романовымъ, Дмитріевымъ и др. Прибѣжавшіе съ страшнымъ шумомъ и бранью начали ломиться въ двери и трапезникъ, наконецъ, вынужденъ былъ ихъ отпереть. Ворвавшись въ храмъ, отецъ невѣсты вынулъ изъ „ноженъ“ ножъ и бросился на дячка „колоть“ его, „выговаривая почто дочь повѣнчали“. Отца силою удержали отъ убійства его сынъ Петръ съ трапезникомъ Рычковымъ, между тѣмъ крестьянинъ Шумиловъ поощрялъ готовившееся преступленіе, говоря: „надо же надъ ними, священникомъ и причетникомъ, сдѣлать примѣръ, чтобы безъ нашей воли нашихъ дѣтей не вѣнчали“. Отецъ порывается затѣмъ въ алтарь бить или убить скрывавшагося тамъ священника, и, несомнѣнно, священникъ пострадалъ бы очень существенно, еслибы не Рычковъ, вступившій съ озвѣрѣлымъ человѣкомъ въ ожесточенную борьбу. Нѣсколько успокоившись, крестьяне принялись пекать невѣсту подоломъ. Пересмотрѣли все под-

полье, не обращая вниманія на увѣренія дьячка, что невѣсты въ церкви нѣтъ. „А зачѣмъ же ты въ церкви поздно ночью“? —спросилъ одинъ изъ крестьянъ. „Сбирался здѣсь уснуть, отвѣтилъ дьячекъ, такъ какъ дома вымораживаю тараканъ“.

Между тѣмъ женихъ съ невѣстой скрывались гдѣ-то вблизи храма и, увидѣвъ погоню, услышавъ ея грозный шумъ, по-таенно вышли изъ села, куда поѣзжане успѣли вывести и лошадей, а затѣмъ поскакали вѣнчаться въ Колыванскій заводъ¹⁾.

Что укоренившійся обычай похищеній невѣстъ или брачныхъ заключеній путемъ ухода поддерживался, кромѣ недостатка въ женщинахъ, нежеланіемъ родителей выдавать дочерей замужъ изъ хозяйственныхъ соображеній, это доказы-вается между прочимъ слѣдующимъ фактомъ. Въ 1773 г. дѣвица изъ дер. Кротовой уговорилась повѣнчаться уходомъ съ крестьян. сыномъ Чановымъ и предъ бракомъ заявила въ Дух. Правленіи, что она совершеннолѣтняя и желаетъ повѣнчаться безъ дозволенія родителей потому, что за своими домашними работами родители не дозволяютъ ей выходить въ замужество, „а ей желаніе имѣется быть лучше въ законномъ супружествѣ, нежели жить грѣшно и зазорно“²⁾.

Недостаткомъ женщинъ нужно объяснить и тотъ постоянно встрѣчавшійся въ нашихъ матеріалахъ фактъ, что гдѣ бы женщина ни появилась, разъ заявила о себѣ, что она дѣвица или вдова, тотчасъ же находила себѣ жениха.

Въ 1750 году ушла отъ мужа изъ Томска крестьянка Курчиковой волости Марія Никифорова и отиравилась вверхъ по Оби „ради работъ—страдовать“. Въ Умвревинскомъ остро-гѣ встрѣтилась съ отпускинымъ изъ службы солдатомъ Петромъ Вторушинымъ. Завязалась бесѣда, кончившаяся пред-ложеніемъ Маріи выдти за него, Вторушина, замужъ. Марія

¹⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣбъ д. № 976.

²⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣбъ д. № 718.

согласилась. Бракъ былъ повѣчанъ въ церкви Чаусскаго острога. Предъ вѣчаніемъ замужнія невѣста для отвода глазъ у причта, зашлепа себѣ косу подвѣвичь¹⁾).

Въ 1771 г. подалъ въ Зѣиногорскую контору заявленіе крестьянинъ дер. Секисовки Денисъ Пименовъ изъ „поляковъ“, т. е. изъ раскольниковъ, присланныхъ въ Толскую сторону, изъ Польской Вѣтки, и въ доношеніи объявлялъ, что сбѣжали отъ него три снохи, изъ которыхъ одну, Варвару Онуфріеву, нашелъ вышедшею уже въ новое замужество за промывальщика въ Зѣиногорскѣ Степана Пестрякова, — другую, Авдотію Андрееву, по слухамъ, увезъ крестьянинъ Вѣлоирской слободы дер. Дрянной Ив. Зажигасевъ, „гдѣ обрѣтается третья — ему неизвѣстно“. Пименовъ просилъ розыскать всѣхъ женщинъ и вернуть ихъ снова въ его домъ. Вызвана была первая Варвара Онуфріева, и на допросѣ дала слѣдующее любовитное въ бытовомъ смыслѣ показаніе. Отъ роду ей 16 лѣтъ. Была вѣчана съ сыномъ Пименова Иваномъ въ православной церкви Семиналатной крѣпости во время слѣдованія изъ Польши, когда ей было 11 лѣтъ. Однако въ то время она была уже *вдовою*, ибо еще находясь въ Польшѣ, была обречена, какъ слышала отъ многихъ польскихъ выходцевъ, съ крестьяниномъ Никитою, „а чей сынъ и какъ прозывался не знаю, да и о самомъ вѣчаніи съ Никитою заподлинно сама увѣрить не могу, потому что находилась тогда въ сущемъ малолѣтствѣ. Знаю только, что Никита умеръ“. Со вторымъ мужемъ ей, какъ прочимъ невѣсткамъ, жилось тяжело. Свекровь производила разныя каверзы. Подкладывала въ затѣянныя квашни щецъ и волосы и послѣ „якобы нашедъ оныя, свекору и нашимъ мужьямъ сказывала и тѣмъ подводила подъ нобои безвременные и немилосердные. Да и сама свекровь за всякія малыя несправности часто обухоль и др. тяжелыми вещами бивала, отчего у меня на лбу

¹⁾ Арх. К.-Воскр. Гори. Нач. стазъ, не включенный въ опись за 1750 г.

были проломы и правая рука отъ такихъ побой въ завити не разгибается. Въ минувшемъ 1769 г. за недѣлю до вешняго Николаы свекровь послала меня съ другими снохами въ дер. Глубокую выкурить къ празднику вина; хлѣба же на винокурение не дала и наказывала, чтобы хлѣба мы выпросили милостиною. Мы выпросили и только лишь занялись винокурениемъ, увидаль староста и вино курить запретилъ. Изъ болзни придти домой безъ вина и хлѣба, затраченнаго уже на бражку, мы все втроемъ рѣшили бѣжать. Сначала жили въ дер. Убинской, потомъ Красноярской, называясь бѣглыми дѣвками и пережѣнивъ имена. Авдотью для замужества увезъ Бѣлоярскій крестьянинъ, а меня сговорили къ вѣнчанію въ церкви съ молодымъ рабочимъ Пестряковымъ, съ которымъ живу и понынѣ¹. Не сказано куда дѣвалась третья сноха, но, несомѣнно, быстро нашла себѣ новаго мужа и эта послѣдняя¹).

Вотъ еще примѣръ.—Дѣвица Прасковья была выдана замужъ за крестьян. Чумышской вол. дер. Омутной Алексѣя Назарова. По ея словамъ, мужъ обращался съ нею дурно. Разъ домашніе отравили ее въ недалекую деревню Крутинскую за полученіемъ долга съ крестьян. Архина Назарова, при чемъ мужъ будто бы наказалъ ей, „чтобы въ Крутинской ночевать не оставалась, а если де ночуешь, не уйдешь отъ меня жива“. Но она почевала. На утро, осѣлавъ коня, поѣхала домой. На дорогѣ, вспомнивъ угрозу мужа, рѣшила повернуть обратно. Въ посотинѣ дер. Крутинской остановилась, сняла съ головы „шамшуру“, заплела изъ двухъ одну косу, т. е. постаралась придать себѣ дѣвичій видъ и того же дня доѣхала до деревни Погорѣлки. Здѣсь почевала у незнакомаго человѣка, назвавшись дѣвицей Татьяной, ѣздившей изъ Бѣлоярской слободы къ брату, работающему на Желѣзо-Томскомъ заводѣ. „Назвалась она такъ, чтобы

¹) Арх. Кол.-В. Г. нач., въ столѣт. д. № 745.

мужъ ее долше не нашелъ и чтобы его настращать“. Потомъ на томъ же конѣ переѣхала въ дер. Ирбинскую, гдѣ прожила два дня у крестьянина Мальцева и, съ семейными послѣдняго, отправилась въ с. Тогульское на праздникъ Михаила Архангела. На праздничныхъ въ с. Тогульскомъ пирушкахъ познакомилась съ крестьян. Ацауловымъ, который „началъ склонять ее къ браку съ собою“. Она рѣшилась на новое замужество и, въ видѣ задатка, выдала жениху платокъ. На другой день бракъ былъ совершенъ, за что священникъ, прежде уже много разъ судившійся за незаконныя повѣнчанія безъ соблюденія установленныхъ предосторожностей, полатился лишеніемъ сана¹⁾.

Частое двуужество женъ нерѣдко вовлекало въ двуженство и мужей. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ слѣдующее дѣло. Марфа Иванова Серенкова вышла за крестьянина Богданова. Спустя 5 лѣтъ послѣ брака, Богданова взяли въ солдаты. Долго не получая вѣстей отъ мужа, Марфа сочла его умершимъ и повѣнчалась съ крестьяниномъ Монастырской деревни (Кузнецк. вѣд.) Арыковымъ. Черезъ полгода Богдановъ явился изъ службы, отобралъ Марфу отъ Арыкова и увезъ ее въ дер. Усть-Чарынгъ. Изъ этой деревни имъ привелось переѣхать въ Бійскую крѣпость. На пути жена упростила Богданова отпустить ее въ дер. Казанкову повидаться съ родными. Получивъ дозволеніе, Марфа воспользовалась имъ для того, чтобы выдти замужъ въ третій разъ. Вышла за крестьянина дер. Калачевой Аѳанасія Калачева, предварительно увѣривъ причтъ въ своемъ вдовствѣ. Арыковъ, у котораго внезапно отобрали Марфу, также женился, — по прежнему примѣру женился на солдаткѣ же отъ живого мужа Маріи Березовской. — Можно себѣ представить сколько труда доставило это дѣло консисторіи, которая была обязана разобраться въ его огромной путаницѣ²⁾.

¹⁾ Дѣло въ арх. Тѣмской консисторіи за 1826 г.

²⁾ Ук. Тоѣ. Д. Кѣнс. въ Барн. Д. Прав. отъ 5 мая 1778.

Въ 1779 году свящ. Удинцовъ повѣнчалъ отъ живого мужа жену Томскаго казака Щелканова Прасковью Ѳедорову съ крестьяниномъ Вас. Монаковымъ. На слѣдствіи открылось, что Щелкановъ продалъ жену Манакову „за 5 руб. и за игреняго коня“ и послѣ продажи вручилъ купившему „пустуиное письмо“¹⁾.—Продажа и покупка женъ опять-таки являются одною изъ выдающихся особенностей въ прошлой жизни томской крестьянской среды.

Много разъ уже приводилось повторять, что томскіе крестьяне селились и жили малыми деревнями. Деревни, раскиданные тамъ и здѣсь, отстояли отъ немногочисленныхъ, въ большинствѣ построенныхъ на казенный счетъ, церквей иногда на 50, иногда на 80, иногда на 100 и болѣе верстъ. При этомъ нужно еще взять во вниманіе, что на такихъ разстояніяхъ постоянно встрѣчались естественныя преграды въ видѣ горъ, широкихъ рѣкъ и таежныхъ мѣстъ. Отсюда повятно, что томскій крестьянинъ въ церкви могъ бывать только изрѣдка. Точнѣе онъ бывалъ въ ней одинъ разъ въ жизни, когда приводилось вѣнчаться. Между тѣмъ храмъ является не только выраженіемъ религіозной настроенности, но и могучимъ возбуждателемъ этой послѣдней. Оставшіе безъ храма, крестьянинъ постепенно отвыкалъ отъ него и отвыкъ, наконецъ, до такой степени, что долго не хотѣлъ идти въ церковь даже тогда, когда вновь выстроенное зданіе ея появлялось уже не особенно далеко отъ его жилья.

Священники, завѣдуя большими, разбросанно-раскинутыми приходами съ 20, 30, 50 деревнями, бывали въ нихъ рѣдко. Они объѣзжали приходскія деревни раза два въ годъ для совершенія накопившихся требъ крещенія и служенія литій надъ могилами покойниковъ, умиравшихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, безъ христіанскаго напутствія. Разумѣется, при своихъ приходскихъ объѣздахъ священники

¹⁾ Ук. Том. Д. Конс. въ Бар. Д. Прав. отъ 16 іюля 1779 г. за № 978.

могли бы найти время и учить народъ, своими назиданіями должны были бы содѣйствовать поддержанію въ немъ религіозныхъ чувствъ и потребностей. Но, къ сожалѣнію, сибирское и въ частности томское приходское духовенство, вышедшее изъ служилаго сословія, было и само не учено почти сплошь, а слѣдовательно доставлять назиданія находило себя почти не въ силахъ ни путемъ слова, ни тѣмъ болѣе, нужно добавить, дѣломъ примѣра.

Еще въ 1649 году Государю вѣдомо учинилось, что въ Сибири... мірскіе всякихъ чиновъ люди, жены ихъ и дѣти въ воскресные и господскіе дни и дни великихъ святыхъ во время свитонѣнія къ церквамъ Божиимъ не ходятъ и умножилось въ людяхъ „лѣнство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство“ и, увѣдавъ о семъ, царь потребовалъ, чтобы въ церковь Божию люди ходили и церковное пѣніе слушали внимательно¹⁾. Такъ было по всей Сибири. А о томскихъ крестьянахъ, много лѣтъ спустя, консисторія писала, что прихожане, живущіе въ приходскихъ деревняхъ въ отдаленности отъ церквей, а другіе и поблизости не только не бываютъ въ храмахъ, но и для обмолитвованія у нихъ вновь рожденныхъ младенцевъ и родившихъ женъ по приходскимъ своимъ священникамъ не ѣздить и нарочныхъ не посылаютъ, да и о самомъ крещеніи новорожденныхъ не заботятся, такъ что многія изъ дѣтей умираютъ не возрожденные таинствомъ²⁾.

Это было писано въ 1776 г., но еще раньше, въ 1764 г., Колывано-Воскресенское Горное начальство требовало отъ своихъ заводскихъ крестьянъ, „чтобы для обмолитвованія новорожденныхъ и роженицъ, для крещенія и прочихъ духовныхъ требъ крестьяне священниковъ въ дома свои звали и безъ отиѣваній *въ тѣсахъ* умершихъ не хоронили“... А какъ

¹⁾ Акты истор., т. IV, № 35.

²⁾ Ук. Том. Д. Консист. въ Том. Д. Прав. отъ 15 ноября 1776 г.

въ здѣшнихъ пустыхъ и маложилыхъ мѣстахъ, говорило начальство, крестьяне живутъ малыми деревнями въ весьма знатномъ иногда болѣе чѣмъ разстояніи на 100 верстъ отъ церквей, и при томъ за великими рѣками и болотами и прочими обширными водами и степями, то въ привозѣ умершихъ до церквей бываетъ немалое препятіе. Посему просить Его Преосвященство со священническимъ отпѣваніемъ хоронить умершихъ при самыхъ деревняхъ, гдѣ и сдѣлать для погребенія способныя ограды¹⁾).

Только на почвѣ томскаго религіознаго равнодушія и возможны были такіа случаи, какъ случай съ крестьяниномъ Дм. Усольцевымъ, который, будучи уже пожилымъ и много-семейнымъ, оказался некрещенымъ. Свящ. Чигизской слободы Павелъ Поповъ встрѣтилъ этого крестьянина въ одной изъ многочисленныхъ приходскихъ деревень при объѣздѣ своего прихода въ 1790 г. Прослышавъ о его некрещеніи, Поповъ распросилъ мать Дмитрія: какъ это могло статься съ ея сыномъ? Старуха-мать рассказала, что когда Дмитрій родился, она, оправившись отъ болѣзни, поѣхала для окрещенія младенца въ Малышевскую слободу, но священника дома не застала, а ждать его ей показалось долго. На обратномъ пути попросила окрестить ребенка одну старую дѣву. Дѣва крестила въ озерѣ и, когда погружала, то кричала одно: „держите лодку, держите лодку!“, такъ какъ на глубокомъ мѣстѣ лодка колыбалась. Родители на первыхъ порахъ удовольствовались такимъ крещеніемъ, а послѣ, хотя имъ и приходило въ голову, что указаннаго крещенія какъ будто бы недостаточно, но боялись объявить, „дабы не послѣдовало за сіе какого-нибудь взысканія“. Тобольскій епископъ Варлаамъ, на разсмотрѣніе и рѣшеніе коего доложено было это дѣло, опредѣлилъ: крестьянина Усольцева окрестить полнымъ крещеніемъ²⁾).

¹⁾ Арх. К.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣ д. № 448.

²⁾ Дѣла Тоб. Д. Консисторія въ арх. Том. конс. за 1797 г.

Къ исповѣди и св. причастію крестьяне въ многочисленныхъ по количеству душъ приходахъ являлись человекъ по 15, 20 въ годъ. И это тогда, когда правительство взимало за небытіе на исповѣди штрафы, какъ извѣстно, обращая штрафныя деньги изъ этого источника на содержаніе военныхъ госпиталей. Въ 1755 г. изъ многочисленныхъ прихожанъ Бѣлоярской церкви на исповѣди въ первую недѣлю Великаго поста было 1 д. мужскаго и 2 женскаго пола¹⁾. Въ 1764 году священникъ Кособоковскаго прихода заявилъ въ Барнаульскомъ Д. Правленіи, что его прихожане „на исповѣди не бывають и понудить ихъ къ исполненію сего долга никакъ не можно“. Священникъ с. Бердскаго въ то же время и въ томъ же Правленіи указалъ, что въ продолженіе В. поста у него было говѣющихъ всего 9 человекъ²⁾. Въ ряду судныхъ дѣлъ, какія попадались намъ подъ руку при работахъ въ архивахъ, мы то и дѣло наталкивались на престарѣлыхъ свидѣтелей, на исповѣди не бывавшихъ отъ рѣду и даже почти чуждыхъ, что невѣроятно, всякаго представленія: что такое исповѣдь?

Извѣстно, что не только равнодушіе къ вѣрѣ, но и само невѣріе не исключаютъ въ душахъ равнодушнаго или невѣрующаго склонности и предрасположенности къ суевѣріямъ. И холодный въ дѣлахъ религіозной вѣры томскій крестьянинъ былъ очень суевѣренъ,—суевѣренъ, пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ російскій крестьянинъ. Заклинанія, заговоры и наговоры, ворожба всякаго рода—это такой обильный въ архивахъ матеріалъ, на основаніи котораго можно было бы составить цѣлую книгу.

Впрочемъ, сибирскимъ оговориться. Думается намъ, что равнодушіе къ церкви томича-крестьянина нужно объяснить не только условіями его жизни вдали отъ храма, но во многихъ

¹⁾ Арх. Бар. Дух. Пр. Донесеніе Бѣлояр. свящ. за 1755 г.

²⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач., въ столѣт. д. № 448.

случаяхъ и его склонностию къ расколу. Мы уже видѣли, какъ часто и много раскольниковъ бѣжало въ Сибирь и въ частности въ нашу Томскую страну изъ центральной Россіи. Во всякомъ случаѣ въ тѣхъ мѣстахъ Томскаго края, гдѣ расколъ успѣвалъ угнѣздиться, онъ жилъ очень интенсивно. А гнѣздилися онъ здѣсь главнымъ образомъ около скитовъ, которые въ прошломъ столѣтіи являлись въ черни за Мунгатакимъ селомъ (Кузнецкаго округа), въ лѣсахъ по рр. Чумышу, Берди, въ таежныхъ мѣстахъ за Чаусскимъ острогомъ, на Чарышѣ близъ Алтайскихъ горъ и, несомнѣнно, во многихъ другихъ потаенныхъ углахъ обширной области. Въ прошломъ вѣкѣ, особенно въ царствованіе Елизаветы Петровны, расколъ преслѣдовался вездѣ. Не могли окончательно избѣгнуть преслѣдованій и томскіе старообрядцы. Здѣсь слѣдили за расколомъ Духовныя Правленія, а расправлялись съ раскольниками воеводы и преимущественно Кольвано-Воскресенское Горное Начальство. Усиленные преслѣдованія всюду вызывали вспышки изступленнаго фанатизма. Не обошлось безъ нихъ и въ жизни томскаго раскола. Познакомимся только съ нѣкоторыми на этотъ счетъ примѣрами.

Въ 1743 г. изъ дер. Ленехиной Бѣлоярскаго острогу вышли въ лѣсъ Федоръ Ленехинъ съ матерью и дѣтьми и прочими мужск. и женск. полу людьми, всего въ количествѣ 18 человекъ и заперлись въ новостроенной избушкѣ съ цѣлью самоожженія. Изъ Кузнецка выслали команду разсѣять сборище и предупредить катастрофу. Предупредить не сумѣли. Раскольники сожглись. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, самоожигательство было вызвано сколько религіозными, столько-же и причинами гражданскаго характера. Предъ сгорѣніемъ раскольники кричали офицеру, начальствовавшему надъ командой, что будутъ горѣть отъ того, что приписаны къ заводамъ Демидова въ работу, „а работать имъ весьма натужно“¹⁾.

¹⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. въ столѣт д: № 447.

Въ 1758 г. Барнаульское Дух. Правленіе допрашивало крестьянина дер. Максоровой Степана Максорова: почему отказывается отъ исповѣди самъ и не дозволяетъ приходить на исповѣдь и своимъ домашнимъ. Максоровъ—старикъ 70 лѣтъ отвѣтилъ: „потому, что нынѣ въ церкви все перемѣнилось по новому:—аллилуйю поютъ потрижды, а не подважды, а болѣе того, сказать не знаю“. Явно, что Максоровъ и его семейные принадлежали расколу. Барн. Дух. Правленіе распорядилось отослать допрошеннаго въ канцелярію Кольвано-Воскр. Начальства „съ требованіемъ такимъ, ежели оный Максоровъ раскается, то для присоединенія его прислать въ оное Правленіе, буде же не обратится и душеснастительнаго дозвѣтвенія конечно отречется, чинить съ нимъ по силѣ указовъ“. Кромя того, Правленіе просило выслать къ нему дѣтей старика Максорова: Егора и Ѳедора съ ихъ женами.

Явились въ дер. Максорову сотники Вѣлжарской избы Пятковъ и Каркавинъ и потребовали отъ Егора, чтобы снаряжался въ Барнаулъ. Егоръ просилъ дать ему время до утра „для сносу въ амбаръ домашняго инкарба“. Сотники уступили и позвали для караула Максоровыхъ, чтобы „не убѣждали или ничѣмъ себѣ повредить не могли“, еще нѣсколько крестьянъ. Егоръ съ женой Марьей пожитки въ амбаръ снесли, а когда стемнѣло, взяли дѣтей: Ѳедора 3-хъ лѣтъ, Матрену 4-хъ и Ананію полугодоваго, и всю семью остались въ амбарѣ ночевать. Караульщики снали кто въ избѣ, кто на дворѣ. Утромъ Егоръ съ женою опять прошли въ домъ добрать остальные пожитки. „И при томъ пошеніи, какъ жена въ тотъ амбаръ взошла, то оный Егоръ заперъ дверь изнутри вскорости, а жену и дѣтей рѣзалъ до смерти—кого въ лѣвый бокъ, кого въ горло“. Караульщики вышибли дверь. Егоръ вышелъ къ нимъ съ большимъ окровавленнымъ ножомъ и говорилъ: „не ходите, идите прочь“, а потомъ самъ побѣжалъ къ р. Чумышу и бросился въ воду. За

нимъ кинулись въ рѣку сотникъ Пятковъ и крестьянъ. Русельниковъ, но схватили раскольника тогда уже, когда успѣлъ глубоко прорѣзать себѣ лѣвый бокъ. Егоръ умеръ въ тотъ же день, успѣвъ сказать окружающимъ, что къ зарѣзанію себя и семьи его убѣдила жена—покойная Марья.

Отецъ Егора Степанъ и братъ Ѳедоръ, послѣ продолжительнаго сидѣнія въ кандалахъ, изъ раскола рѣшили обратиться¹⁾.

Почти въ то же время произошло крупное самосожигательство въ дер. Мальцевой.

Въ 1756 г. многіе изъ томскихъ раскольниковъ разныхъ мѣстъ начали потаенно стекаться къ этой только лишь названной деревнѣ, находившейся въ страшной глуши за Чаусскимъ острогомъ между великими тоями, болотами и озерами. Явились сюда же расколоучители: Семенъ Шадринъ, Ѳедоръ Нѣмчиновъ и еще какой-то неизвѣстный. Секретно раскольники вели дѣло своего постепеннаго скопленія, но власти узнали. Поскакали къ мѣсту собранія томскій воевода Бушневъ и управляющій Чаусскаго острога чиновникъ Коньевъ. Прибыла и команда. Начальство увидѣло, что раскольники построили 9 избъ, обнесенныхъ полисадникомъ „съ немалымъ укрѣпленіемъ“. И хотя Бушневъ, Коньевъ и Чаусскій священникъ употребили все усилія въ уговорахъ отъ самосожигательства, „только раскольники не послушали“, говоря, что собрались страдать за вѣру Христову и за крестъ двуперстнаго сложенія. Сгорѣло всего 174 человекъ. 175-ый, крест. Ив. Кубышевъ, когда нылали избы, кинулся на заборъ и повисъ на немъ. Его сняли солдаты „едва жива, ибо во многихъ мѣстахъ обгорѣлъ и затѣмъ былъ весь распухши“. Кубышевъ все-таки выздоровѣлъ и даже потомъ сумѣлъ изъ-подстражи бѣжать²⁾.

¹⁾ Арх. Кол.-Воскр. Гора. Нач. въ столицѣ д. № 245, л. 616—622.

²⁾ Арх. Барн. Д. Правл. Ук. Тоб. Консег. отъ 4 авг. 1757 г. Св. Собр. постановленій по части раскола, ч. 1, стр. 551—553. СПб. 1860.

Жизнь въ глухихъ и уединенныхъ мѣстахъ въ соприкосновеніи съ кочевниками и постоянной тяжелой борьбой съ дикой и суровой природой, — всецѣлая погруженность въ интересы матеріальнаго существованія, постоянное блужданіе въ краѣ разбойниковъ и бѣглыхъ, — этихъ людей, выбитыхъ изъ нормальной колеи существованія и готовыхъ на все, приписка къ деревнямъ ссыльныхъ за разные совершенныя на роднѣ преступленія, отсутствіе облагораживающихъ духовныхъ вліяній, кромѣ развѣ вліяній, шедшихъ отъ раскола съ его бездушной обрядностью, съ его узкимъ требованіемъ стоять только за двушерстное сложеніе и за аллилуйю — все это вмѣстѣ взятое представляетъ такое сцѣпленіе условій, при которыхъ никакъ нельзя ожидать въ старинномъ томскомъ сельскомъ населеніи мягкихъ нравовъ. Нравы должны были быть суровы и грубы, и они были дѣйствительно таковы. Не будемъ говорить о безшабашныхъ разгулахъ на крестьянскихъ сѣзжихъ праздникахъ, о праздничьемъ пьянствѣ вообще, — томъ великомъ пьянствѣ, которое своими размѣрами приводило иностранныхъ наблюдателей сибирской жизни въ неописуемое изумленіе. Пропустимъ легкость нравовъ въ отношеніяхъ между нолами, легкость, которую на почвѣ безрелигіозности и раскола поддерживали и относительный недостатокъ женщинъ, и долгое невыдаваніе дѣвицъ въ замужество, и развращающія условія заводской жизни.

Въ своемъ бѣгломъ и краткомъ очеркѣ обратимъ вниманіе на другія стороны въ томско-сибирскихъ нравахъ. Въ томской крестьянской семьѣ отецъ внушалъ свой родительскій авторитетъ полѣномъ, оглоблей, а иногда обухомъ. А какъ училъ мужъ жену, чтобы не сопротивлялась, чтобы была послушна и вѣрна? Солдатъ, жившій въ деревнѣ въ 1780-хъ годахъ, училъ супругу такъ: „завезеть ее въ лѣсъ, раздѣнетъ до-гола, привяжетъ къ лѣсинѣ, наберетъ шиповыхъ прутьевъ и бьетъ по обнаженному тѣлу нещадно до

собственной устали¹⁾). Изъ другого дѣла видно, что крестьянинъ дер. Колпаковой Яковъ Останинъ смирялъ основательно ревновавшую жену тѣмъ, что „почасту“ привязывалъ ее за руки и за ноги къ столбу на цѣлую ночь, чтобы у столба не могла шевельнуться²⁾). Одинъ изъ крестьянъ с. Бочатскаго укрощалъ ревновавшую-же хозяйку при посредствѣ болота, гдѣ имѣлъ обычай топить ее до потери сознанія каждый разъ³⁾). Кр. Опаринъ убилъ первую жену, за что наказанъ былъ кнутомъ, но оставленъ на прежнемъ мѣстожителствѣ. На прежнемъ мѣстожителствѣ онъ сумѣлъ жениться во второй разъ, но однопорочники вторую его жену постоянно видятъ въ окровавленной одеждѣ;— нужно было заключать, что добыть и ее⁴⁾). Другой крестьянинъ бьетъ беременную жену полѣномъ, отчего она выкинула два раза, но и послѣ того онъ не переставалъ учить супругу тѣмъ, что много разъ привязывалъ за руки и за ноги къ брусу и стегалъ веревкою съ завязанными на концахъ узлами, отчего она всегда впадала въ состояніе безнмьтства⁵⁾). Казакъ Ульбинскаго поселка, кромѣ того, что звѣрски билъ жену въ лѣсу прутьями; онъ верѣдко кидалъ ее въ банѣ на раскаленную каменку⁶⁾). Казакъ Пьяноярскаго редута Алексѣй Никонъ засѣкъ жену плетью до смерти⁷⁾). И случаи подобныхъ засѣченій супругъ въ нашемъ матеріалѣ встрѣчаются не одинъ разъ. Тотъ же матеріалъ много разъ рисуетъ намъ тяжелыя сцены, когда жены давились, топились и рѣзались отъ жестокостей мужей.

Съ той же дикой мѣрой жестокости томичи расправлялись и съ любовницами. Въ іюнѣ 1723 г. недалеко отъ Томска

¹⁾ Бракоразводное дѣло за 1786. Арх. Барн. Д. Правленія.

²⁾ Арх. Барн. Дух. Правл. въ свѣдѣн. д. 1806 г.

³⁾ Арх. Томск. Д. Консист. Дѣло по описи № 258.

⁴⁾ Арх. Томск. Д. Консист. Дѣло по описи № 270, въ столѣ д. за 1801 г.

⁵⁾ Ук. Том. Конс. Том. Д. Правл. 24 сент. 1810 г., въ арх. Том. Консисторіи.

⁶⁾ Изъ арх. Барн. Д. Правленія.

⁷⁾ Арх. Барн. Дух. Правленія. Указъ Консист. Семипалат. Дух. Правленію отъ 8 ноября 1823 г.

вверхъ по рѣкѣ Ушайкѣ найдена была убитой дѣвица Алена Ильина Нелюбина и „соски у груди ея были вырѣзаны“. Подозрѣніе въ этомъ преступленіи пало на томскаго сына боярскаго Ѳедора Протопонова, у котораго та дѣвка была „въ закладѣ“¹⁾. А въ первой четверти нынѣшняго столѣтія молодой крестьянскій парень привязалъ любовницу въ лѣсу къ березѣ и сбѣлъ ее бичемъ до вырванія мяса²⁾. Въ г. Кузнецкѣ мѣщанинъ Плотниковъ, служившій кабацкимъ повѣреннымъ, въ соучастствѣ съ товарищемъ изъ крестьянъ, билъ сожительницу 18-лѣтнюю красивую дѣвицу Паренкову въ продолженіе 3 часовъ съ перерывами только для собственнаго отдыха и вышивки при отдыхѣ. У умершей подъ бичемъ вся спина отъ головы до пятокъ представляла сплошь синебагровую изсѣченную массу безъ малѣйшаго мѣста, гдѣ было бы замѣтно тѣло въ его натуральномъ цвѣтѣ³⁾. Въ 1829 г. горный рабочій билъ сожительницу въ банѣ кулакомъ и, когда она повалилась, взялъ банный деревянный „ожегъ“, приставилъ его къ шеѣ лежащей и, навалившись на его тупой конецъ, острымъ—про-ткнулъ у любовницы горло⁴⁾.

Обходимъ множество другихъ намъ извѣстныхъ примѣровъ въ томъ же родѣ. Не менѣе свирѣпо поступали съ мужьями или сожителями въ свою очередь и женщины. Въ 1772 г. молодая 17-лѣтняя женщина прехладнокровно, при самой потрясающей обстановкѣ, зарѣзала мужа-малолѣтка за то, что былъ малъ и невзраченъ⁵⁾. Въ двухъ случаяхъ жены, желая отдѣлаться отъ постылыхъ мужей, облили ихъ во время сна, какъ бы нечаянно, киняткомъ изъ цѣлаго чугуна или корчаги. Одинъ

¹⁾ „Томскій сынъ боярскій Ѳедоръ Протопоновъ“. Изд. Кузнецова-Красноярскаго. Томскъ. 1891.

²⁾ Арх. Том. Ковстор., дѣло по описи № 797.

³⁾ Дѣло Том. Губ. Суда въ Арх. Губер. Правл., связка 82.

⁴⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. Дѣла по Канц. Главн. Начальника; въ столѣцѣ № 15.

⁵⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач. Столицъ д. № 665.

изъ обваренныхъ умеръ послѣ страшныхъ мученій, другой выздоровѣлъ¹⁾). Въ 1834 г. найденъ былъ въ стени еще на тлѣвшихъ угольяхъ, сучкахъ и корѣ сгорѣвшимъ крестьян. Ординской волости дер. Красноярской Григорій Поламошновъ. Сгорѣлъ онъ живымъ или мертвымъ—осталось невыясненнымъ. Въ преступленіи односельчане обличали жену умершаго съ ея любовникомъ²⁾).

• Во всемъ этомъ удручающе-печальномъ изображеніи насъ поражаетъ сколько количество преступленій въ малонаселенной сторонѣ, столько же ихъ звѣрскій характеръ.

До какой степени звѣрства способенъ былъ доходить обыватель нашего края показываетъ между прочимъ такой фактъ. Крестьян. Чумынской вол. деревни Зыряновской осердился на своего соседа и, уловивъ время, когда послѣдняго дома не было, вошелъ на его дворъ и принялся истязать его лошадь. При истязаніяхъ проломилъ ее голову во многихъ мѣстахъ и, наконецъ, удавилъ возжами³⁾.

Понятно, что въ нравственно-огрубѣвшей сферѣ и ужасное дѣло убійства человека не производило особаго смущенія. Къ убійству въ Томскомъ краѣ прошлаго времени, при частой повторяемости этого преступленія, привыкли, какъ къ заурядному происшествію, и потому относились къ нему сравнительно очень легко. Убивали изъ-за поломанной лошади⁴⁾, изъ побужденій самой мелкой злобы, изъ того, чтобы добыть нѣсколько копеекъ, не платить долгъ въ 10 или 15 руб.⁵⁾. Вотъ образчики, съ какимъ хладнокровіемъ рѣшали бродягъ.—Въ деревню Мохнатый Логъ явился

¹⁾ Первый случай былъ въ дер. Малой Омской въ 1773 г. (Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., въ столѣ д. № 745), —второй въ дер. Завыловой въ 1800 г. Бердского прихода. Арх. Том. Конс. по описи № 255.

²⁾ Арх. К.-В. Горн. Нач. Дѣло 1834 г.

³⁾ Связка дѣлъ Колыванскаго Горн. вѣдомства подъ заглавіемъ „Частныя происшествія за 1834—1835 г.“

⁴⁾ Арх. К.-Воскр. Горн. Нач., дѣло за 1753 г., въ столѣ № 206.

⁵⁾ Тамъ-же; дѣло за 1771 г. въ столѣ д. № 745. Св. Фалькъ. Собр. Учен. Путеш. т. VI, стр. 425—426.

для сбора милостыни бродяга, извѣстный въ окрестности подъ именемъ Василя Родименькаго. А предъ этимъ только лишь выѣхалъ изъ названной деревни прапорщикъ Сіонинъ, которому, между прочимъ, поручено было заводскимъ начальствомъ розыскивать и забирать бѣглецовъ. Родименькій хотѣлъ остановиться на квартирѣ въ домѣ крестьянъ Шелковниковыхъ. Послѣдніе хлѣба бродягѣ дали, но въ постое отказали, сказавъ, что нынѣ „съ бѣглецами строго“ и принимать ихъ „стало отъ начальства опасно“. Родименькій вышелъ изъ поселка. Крестьяне остались, однако, неспокойны. Они подумали, что ушедшій непременно попадетъ Сіонину и послѣ того ихъ будутъ судить за пристанодержательство. Шелковниковы, Власовы и др. кинулись за Родименькимъ, нагнали, остановили и пристрѣлили, а тѣло упрятали въ оврагъ¹⁾.

Въ 1833 году пришли къ Барнаулу бѣглецы изъ Иркутской каторги, бывшіе рабочіе Ново-Павловскаго завода Иванъ Чумовъ и Ѳедоръ Ильинныхъ и, скитаясь, забрели въ деревню Боровикову (Шадринской волости), гдѣ остановились у крестьянъ Плесковскихъ, своихъ давнихъ пріятелей. Плесковскіе бродягъ приняли, позволили имъ попариться въ банѣ, накормили, напоили и, повидимому, отпустили съ миромъ. Бродяги взяли лодку у перевоза, чтобы переправиться на др. сторону Оби. Но лишь отплыли отъ берега, какъ одинъ изъ Плесковскихъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ дальнебойнаго ружья. Ильинныхъ повалился въ воду, несомнѣнно, мертвымъ. Чумовъ кое какъ на лодкѣ ускользнулъ²⁾.

Убіеніе бродяги Ильинныхъ произошло въ 1834 году. Въ этомъ же году въ дер. Бобровкѣ (Бѣлоярской вол.) обывательница Екатерина Бѣлкина заявила, что въ домъ ея прилепся, обливаясь кровью, крестьянскій сынъ Дмитрій Забауринъ. По заявленію, Забауринъ былъ освидѣтельство-

¹⁾ Арх. Том. Д. Конс. Дѣло по описи № 962 за 1820 годъ.

²⁾ Арх. Кол.-Воскр. Горн. Нач.; связка дѣла съ заглавіемъ: Частныя происшествія за 1834—1835 г.

ванъ. У него оказалась глубокая и опасная рана на головѣ. Дальнѣйшее разслѣдованіе обнаружило, что раненаго „сѣкла топоромъ его сестра Аксинья, боясь, что онъ выскажетъ родителямъ ея любовную связь съ парнемъ Алексѣемъ“¹⁾. Въ 1822 г. въ Барнаульской военно-судной комиссіи производилось дѣло о зарѣзаніи салаирскимъ бергайеромъ Лукіановымъ 6-лѣтняго ребенка въ Кузнецкомъ уѣздѣ. Подробности этого вопіющаго дѣла намъ неизвѣстны²⁾. Но вотъ какъ въ 1833 г. убили 14-лѣтняго мальчика горный рабочій Кедровъ. Кедровъ ѣхалъ въ Зырянскій рудникъ на казенной подводѣ. Лошадью правилъ мальчикъ изъ дер. Снегиревой. Подводчикъ торопилъ коня, а рабочій требовалъ, чтобы ѣхалъ тише, такъ какъ ему нужно было раскурить трубку. Молодой ямщикъ не слушался. Кедровъ остервенѣлъ, схватилъ возжи, остановилъ лошадь и сначала оттрепалъ возницу за волосы, а потомъ, пришедъ еще въ большій азартъ, удавилъ чрезъ сѣдельникомъ³⁾.

До какой степени преступленіе убійства въ нашей странѣ было часто, объ этомъ довольно ярко свидѣтельствуетъ вѣдомость о количествѣ найденныхъ тѣлъ, веденная въ Барнаульской горной канцеляріи за 1834 г. Въ продолженіе этого года всѣхъ тѣлъ, найденныхъ въ степяхъ и по рр. Оби, Алею и Катуню, въ районѣ нынѣшнихъ Барнаульскаго и Бійскаго округовъ, было поднято болѣе 50. Изъ нихъ 6 тѣлъ принадлежали „онивцамъ“, остальные—людямъ, погибшимъ насильственной смертію. Случаи скоропостижно-умершихъ изъ указанной цифры нами изъяты)⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Описъ дѣлъ Военно-Судной комиссіи отъ 1812 по 1829 г. Въ Арх. Козляв.-Воскр. Гори. Нач.

³⁾ Дѣло Козляванскаго вѣдомства за 1833. Кедровъ, нужно замѣтить, много разъ состоялъ подъ судомъ и прежде. За преступленіе убійства малолѣтняго онъ былъ наказанъ 80 ударами кнутомъ и ссылкой въ каторгу вѣчно.

⁴⁾ Дѣло во канцеляріи главнаго начальника Гори. вѣдства 1834 г. № 31.

Условія жизни въ угрюмой и холодной странѣ, среди львовъ, болотъ и степей, сдѣлали сибиряка—томскаго крестьянина сосредоточеннымъ въ себѣ, молчаливымъ и угрюмымъ.

Постоянное оглядываніе по сторонамъ на опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ выработали въ томичѣ-старожилѣ смѣтливость, но съ нею хитрость и затаенность. Въ здѣшнемъ крестьянствѣ едва-ли найдутся типы такихъ задушевныхъ простачковъ, какіе часто встрѣчаемъ въ центральной Россіи и какіе такъ правдиво, любовно и художественно воспроизведены въ произведеніяхъ Тургенева и Толстого.

Постоянная борьба съ дикой и суровой природой выработала въ томскомъ простолюдинѣ сильный, крѣпкій организмъ, выносливый въ какой угодно работѣ и, безспорно, жизнеспособный. Но духовной стороною въ жизни и бытѣ томича въ прежнее время не занимался никто. И удивительно-ли, что на далекой окраинѣ нашего отечества русскій человѣкъ такъ сильно огрубѣлъ.

Разумѣется, чрезвычайно желательно, чтобы образованные люди научили томскаго крестьянина, какъ лучше, прибыльнѣе и рациональнѣе онъ могъ бы поставить свое сельское хозяйство. Но заботы объ экономическихъ и хозяйственныхъ его интересахъ должны идти рядомъ съ заботливостію на другой счетъ.

Старые нравственные недуги въ томской деревнѣ еще не исчезли.

Нужно приподнять и духовную, моральную сторону въ жизни, въ настроеніи томскаго деревенскаго обывателя.

Томичу-крестьянину нужно вручить вмѣсто прежней примитивной сохи современный усовершенствованный плугъ. Для него желательно устроить образцовую сельско-хозяйственную ферму. Но, кромя того, ему необходимы церковь съ добрымъ, учительнымъ пастыремъ и хорошо поставленная школа.

СПИСОКЪ

населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 г.

ТОМСКІЙ УѢЗДЪ.

Томскій уѣздъ начало свое имѣеть отъ устья рѣки Чулыму вверхъ по теченію онаго по лѣвому берегу до самыхъ вершинъ Бѣлаго Юса—отъ вершины Бѣлаго Юса по черни прямо до вершинъ рѣчки Промышленной; отъ вершинъ оной по правому берегу до ея устья,—отъ онаго устья внизъ по рѣчкѣ Томѣ (sic) по правому берегу до устья рѣчки Лебяжьей;—отъ устья Лебяжьей по лѣвому берегу до ея вершинъ. Отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины-жъ рѣчки Тугучинъ,—отъ вершинъ Тугучина прямо на вершины рѣчки Бугатакъ,—отъ вершинъ Бугатака по правому берегу до ея устья. Отъ онаго устья на NW 80 градусовъ прямо на рѣку Омь. Отъ онаго мѣста по лѣвому берегу вверхъ до вершинъ р. Оми;—отъ вершинъ Оми прямо на устье р. Чулыма.

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ *Томскъ*.

Неприписныя къ заводамъ селенія:

Юрты по Чулыму:

Мужаданскія.

Тызрачевы.

Мериновы.

Ерошкины.

Курлегачевы.

Сектины.

Семеновы.

Кулбеняковы.

Тетеевы.

Балагачевы.

Кургаевы.

Технечевы.

Ангулинскія.

Игнєковы.

Усть-Куланачевы.	Село Тутальское.
Укдановы.	Юрты: Есауловы.
Табакаевы.	Тубзинскія.
Чибынскія.	Скобляны.
Чарочкины.	Тутальскія.
Село Чердацкое.	Быштаковы.
Юрты: Меняковы.	Тумачаковы.
Мосгачевы.	Балдуковы.
Куругачевы.	Келчековы.
Барганскія.	Протошныя.
Кареминскія.	Басмановы.
Тызырачевы.	Подкаменны.
Акбашевы.	Усть-Кемчукскія.
Вершинины.	Юрцалы.

Юрты по рр. Оби и Томи:

Чебанскія.	Балзанаковы.
Соровскія верхнія.	Калманаковы.
Соровскія нижнія.	Саргатскія.
Анбарцовы.	Канаевы.
Испечековы.	Бабаевы при Таганѣ.
Бровскія среднія.	Каштатскія.
Бровскія большія.	Кыжирскія.
Арышкины.	Тигильдѣвы.
Каушпаны.	Бабаевы.
Тогулины.	Таганскія.
Кайбасовы.	Еуштинскія.
Кызырбацкія.	Братовы.
Тызырачевы.	Черны.
Соргулины.	Барабины.
Салтанаковы.	Казанскія.
Горбуновы.	Калтайскія.
Кармышаковы.	Костяновы.

Юрты по рѣкѣ Яѣ:

Тартыновы.	Котуровы.
Азачаковы.	Бешкеневаы и Кандааловы.

Юрты по рѣчкѣ Инѣ:

Чавжинскія.	Булыгачевы.
Калеутскія.	Барабины.
Каятскія.	Поданиція.
Байгаловы.	

Деревни:

Чагина при рѣчкѣ Мал.	Халдѣева при рч. Майгаиѣ.
Шегаркѣ.	Калиничева.
Селиванова.	Ершова.
Енгинская при рч. Инѣ.	Колыонская при рч. Колыоиѣ.
Монастырская при рч. Шегаркѣ.	Маркина.
Илигечева при рч. Шегаркѣ.	Пещанская при рч. Пещанкѣ.
Терсъ-Елгай при рч. Баксѣ.	Почитанская при рч. Почитанкѣ.
Козюлина на р. Томи.	Беркунская (Берикульская?).
Кругликова при устьѣ Иксы.	Подъельнична при рч. Антибесѣ.
Мала-Киргизка при рч. М. Киргизкѣ.	У(А?)нтибесская при рч. Антибесѣ.
Немирова.	Саргылакова.
Еркина.	Чубулинская на рч. Чубулѣ.
Пернибина.	Станецъ Сусловъ при рч. Сусловой.
Софьянова (sic).	Станецъ Итатъ при рч. Итаткѣ.
Шульбина.	Станецъ Кататъ.
Терехина при рч. Сосновкѣ.	Станецъ Боже.
Каленова при рч. Щербачихѣ.	

Села и деревни, въ коихъ живутъ Красноярскіе и Енисейскіе крестьяне:

Село Краснорѣчинское.	Ильтягова.
Село Боготольское.	Придчина.
Слоб. Косульская при рч. Косуль.	Якушева.
Станецъ Тежинской на рк. Тежинѣ.	Корелина.
Село Подсосенское.	Инышская.
Деревни: Скоробочатова.	Село Бораницкое.
Селеткава.	Ярцальское.
Курбатова.	Щербакова.
Порнова.	Альтацкая.
	Дорохова.

Тресуча.
 Еловская.
 Мосина.
 Фирсова.
 Атаманова на рч. Журѣ.
 Бѣлоярска.

Мариловцова.
 Село Назаровское.
 Село Шерейское.
 дер. Ярлыкова.
 Селеткава.

Приписныя къ заводамъ Томскаго вѣдомства деревни:

Астащова.
 Астраханцова при Оби.
 Аргашева.
 Анисимова.
 Алтацкая.
 Бахметева.
 Быкова.
 Бубенинова.
 Березкина.
 Бѣлобородова.
 Бедрина при рч. Киргизкѣ.
 Бедрина на рк. Яѣ.
 Бадашкова при Киргизкѣ.
 Бадашкова на рч. Ушайкѣ.
 Буриашева при рк. Яѣ.
 Баранцова при рч. Китатѣ.
 Бабарыкина на рч. Шегаркѣ.
 Брагина.
 Былина при устьѣ Шегарки.
 Баинска.
 Барсуцкая.
 Село Богородское.
 Дер. Баткацкая.
 Былина при Оби.
 Боровина.
 Бородавская, она-жѣ Позднякова
 на Борку.
 Брашкина, она-же Голяшихина.

Барацкая.
 Барцова при рч. Канарбургѣ.
 Батурина.
 Великосельская при рч. Ташкѣ.
 Воронова, она-же Воронина, при
 Басандайкѣ.
 Воронина при рч. Каменкѣ.
 Васильева, она-же Еремина.
 Воронина при рк. Яѣ.
 Гынгазова на рч. Шегаркѣ.
 Губина.
 Голяшева.
 Дорохова при рк. Яѣ.
 Десятова при Болотѣ.
 Дорохова при Чулымѣ.
 Дѣева--Куташово (?).
 Доманевская на рч. Ушайкѣ.
 Деманова.
 Елгайская.
 Евтюшина.
 Ерлыкова.
 Егловская.
 Егорова.
 Жданова.
 Жирова.
 Жаркова.
 Жуковская.
 С. Зырянское.

Дер. Зеркальцова.	Кругликова.
Заварзина.	Кускова при рѣч. Тонкой.
Завьялова.	Коломина при рч. Черной.
Исчимская.	Карбышева.
Иштанская на Томи.	Крестивина.
Иконникова.	Кускова на рч. Бол. Киргизкѣ.
Иштанска при Шегаркѣ.	Кожевникова.
Итацкая.	Лаврова.
Кобылова.	Лагунова.
Коломина при Оби.	Лязгина.
Коломина при Запорожѣ.	Лошкутова.
Кускова.	Мангазеева.
Кулаковская.	Мазульская при Чулымѣ.
Корнилова.	Маркелова.
Каргалимская.	Михайлова.
Крухлыхина.	Молчанова.
Каштацка.	Малкина, она же Першина.
Кузнецова.	Меньшикова.
Кудрова.	Мурашкина.
Кузовлева.	Мазулова при Китатѣ.
Келдецкая.	Муделавинска.
Колмогорова.	Нелюбина.
Кувкина.	Николаевское село.
Каникина.	Дер. Нехорошева.
Курскова вверхъ рч. Тонкой.	Осипова.
Красноярская.	Понадейкина.
Кашпорова.	Протопопова.
Курдякова.	Постникова.
Корноухова.	Плотникова при рч. Бобровкѣ.
Кривошеина.	Петрова при Бурундуковской
протоцѣ.
Копьева.	Подломская.
Кійское село.	Позднякова на рч. Шегаркѣ.
Дер. Кислова при Яѣ.	Пушкарева.
Кислова при Черной.	Пичугина.
Калишкина, она же Калмакова.	Плотникова при р. Мал. Ушайкѣ.
Карасева.	

Петрова при Запоросѣ.	Соснова.
Поповичева она-же Медвѣдкова.	Трубачева.
Пичугина при Баскѣ.	Тарахлинская.
Рыбалова при Шегаркѣ.	Тойлуска (?).
Рыбалова при Запоросѣ.	Тюпаргинска.
Родионова.	С. Троицкое.
Рыльцова, она-же Карышева.	д. Турунтаева.
Сѣченова нижняя.	Тюменцева.
Сѣченова верхняя.	Ундебеска.
Семилужна.	Филиппова.
С. Семилужное.	Хайдурова.
д. Софронова.	Цыганова.
С. Спасское на Яѣ.	Черепанова.
д. Сергѣева.	Чадрина она-же Петлина.
Ставскова при Шегаркѣ.	Чаркина.
Селиванова.	Чернильщикова.
С. Сержное.	Четкаринска.
Суслова.	Шумилова.
Степанова она-же Жукова при Шегаркѣ.	Ювалинска при Шегаркѣ.
Савина.	Юрѣва.
Сурова.	Щеголева.
	Яковлева.

Сосновскаго вѣдомства деревни:

Басарева.	Смоконина.
Просѣкина.	Магадаево.
Аникина.	Протасова.
Болтовская она-же Лучанска.	Петухова.
Инатова.	Воронова.
С. Спасское на Томи.	Вѣлоусова.
д. Батурина на Томи.	Аксенова.
Ларина.	Конева.
Вершинина на Томи.	Суранова.
С. Ярское.	Манойлова.
Каптанчикова.	Косогорова.
Ковдинска.	Черна.

Кондинска.	Острогъ Сосновскій.
Кожевникова.	д. Курдюкова.
Алаева.	Скороходова.
Варюхина.	Пашкова.
С. Зеледѣво.	Березонка.
д. Чернышева.	Воротникова.
Мальцова.	С. Иткаринское.
Томилова.	д. Саламатова.
Лебедева.	С. Кулаково.
Лукина.	Гутова при рч. Стрѣльной.
Алабугина.	Мохова.
Шелковникова.	Поламошнова.
Елгина.	Бобровска.
Троица.	Истомина.
Проскокова.	Маркина.
Чахлова.	Ботина.
Боровая.	Балахнина.
Асанова.	Болтовская при Сосновкѣ.
Татарина.	Тарабыкина.
Гуляева, она-же Голяшева.	Романова.
Таскаева.	Чиркова.
Елбацкая.	Шубкина.
Колтычацкая.	Мангулова.
Нижне-Ачинска.	Литвинова.
Костентина.	Корчуганова.
Усть-Сосновская.	Маянова.
Килина.	С. Пачинское.
Воронина.	

Чаусскаго вѣдомства деревни:

Софронова.	Острогъ Уртамскій.
Аркатьева.	Воронова.
С. Кожевниково.	Екимова и Еловка.

КУЗНЕЦКІЙ УЪЗДЪ.

Кузнецкій уѣздъ начинается отъ Китайской границы, проходящей чрезъ р. Чулышманъ, — отъ коего мѣста по правому берегу р. Чулышмана до ея устья; — отъ устья Чулышмана посредиѣ Телецкого озера на устье рѣки Бія; — отъ устья Бія по правому берегу до форпоста Сандыбскаго; — отъ форпоста Сандыбскаго по линіи чрезъ маяки Нижній Ненинскій, Уранскій, Каракоинскій, Верхне-Ненинскій до маяка Поштылинскаго (со включеніемъ военныхъ маяковъ и форпоста въ Барнаульскій уѣздъ); — отъ маяка Пыштылинскаго по правому берегу р. Пыштылы до ея устья; — отъ онаго устья по правому берегу рч. Сары-Чумыша до ея устья; — отъ онаго устья вверхъ по правому берегу Чумыша и Томь-Чумыша до ея вершинъ; — отъ вершины Томь-Чумыша посредиѣ черни на вершины рч. Елбаша; — отъ вершинъ рч. Елбаша до ея устья; — отъ онаго устья вверхъ по Бердѣ по ея лѣвому берегу до устья р. Кинтерень, — отъ устья Кинтерена по лѣвому берегу до вершинъ; — отъ оныхъ вершинъ на вершины рѣчки Малая Изылы. И по оной рѣкѣ по правому берегу до ея устья; отъ онаго устья внизъ по правому берегу Ини до устья рч. Тугучинъ. — Отъ устья Тугучина по лѣвому берегу до ея вершинъ, — отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Лебязьей; — отъ оныхъ вершинъ по правому берегу до самаго ея устья. Отъ устья Лебязьей вверхъ по лѣвому берегу Томи рѣки до устья рч. Промышленной; — отъ устья оной рѣчки по лѣвому берегу до ея вершинъ. Отъ онаго мѣста по черни на вершины Бѣлаго Юса; — отъ вершинъ Б. Юса по правому берегу до дер. Бараицкой; — отъ онаго мѣста прямо на р. Енисей противъ устья рч. Кулукъ; — отъ онаго мѣста вверхъ по лѣвому берегу рк. Енисея до Китайской границы. По Китайской границѣ до р. Чулышмана.

Въ оный уѣздъ входятъ слѣдующія селенія:

Городъ *Кузнецкъ*.

Заводъ Томской.

Форнось Куздѣвскій.

Маяки: Сары-Чумышскій.

Кандалетной.

Таштыскій пограничной карауль.

Абаканскій пограничный карауль.

Два на Китайской границѣ трактовыхъ знака:

Знакъ, на которомъ поставленъ крестъ, а съ Китайской стороны камня, гдѣ съѣзжаются съ обѣихъ сторонъ караулы.

Юрты:

Сары-Чумышскія.

Куздѣвскія.

Калтакскія.

Келетскія.

Чюлскія.

Сосновскія.

Идибскія.

Тогульскія.

Терлегинскія.

Протошны.

Тарбагановы.

Телегутскія.

Давидкины.

Ускатскія.

Шангидскія.

Толмовинскія.

Бочацкія.

Чююлхаевы.

Черхинскія.

Юрскія.

Карадинскія.

Васькины.

Тарадановы.

С. Рождественское.

Деревни:

Бабанакова.

Наумова.

Тарасова.

Юрты:

Курчугавскія.

Бородины.

Мозжухины.

Стрѣльны.

Искитимскія.

Бабышевы.

Деревни:

Каменская.

Крылова.

Монастырская.

Бубенкова.

Глазкова.

Колмакова.

Калдинская.

Копылова при рч. Колбицѣ.

Громатуха.

Ямна при рч. Ямной.

Косогорова.

Толстовска.

Шубина.

Наумова при рч. Писаной.
Усть-Глубока.
Терехина.
Чернова.

Деревни на Чулымѣ:

Корелина.
Свѣтлолюбова.
Легостаева.

Ербинска.
Копены.
Тѣсинская.

И всѣ живущіе кочующіе отъ дер. Баранцкой до Китайской границы по лѣвому берегу р. Енисея и по обѣимъ сторонамъ Абакана и по впадающимъ въ оный рѣкамъ ясашные.

Приписныя къ заводамъ Сосновскаго вѣдомства деревни:

Елгина.
Басалаева при рч. Лебяжьей.
Тимонова.
Везменова при рч. Лебяжьей.
Шитикоза.
Бжицкова.
Елфимова при рч. Сосновкѣ.
Верхняя Ачинска.
Корнилова.
Асанова.
Анкудинова.
Пяткова.
Тутальская (Тала).
Усть-Искитимская.
Попова.
Тальменька.
Зырявска.
Поперечный Искитимъ.
Бѣлянина.
Хорошеборска.
Ишкепова.
Медянина при Стрѣльной.
Писана рѣчка.
Ерофѣева.
Усть-Стрѣльна.

Подъдякова на р. Томи.
Ребикова при рч. Стрѣльной.
Крекова на р. Томи.
Балахнина.
Острогъ Верхотомскій.
Боровушка.
Евсеева.
Мозжухина при рч. Мозжухѣ.
Немирова.
Куру-Искитимска при рч. Камышной.
Плѣшкова при рч. Уньгѣ.
Камышенка.
Попова.
Салтыкова.
Бородина.
Красноярская.
Сухова на Томи.
Ерыкалова при рч. Горкиной.
Березовка при Томи.
Червева при Томи.
Смольина.
Червева при рч. Лянкѣ.
Кобылина на Томи и рч. Березовой.

Шумиха.	Васькова.
Шенелева.	Титова при Инѣ и рч. Бормотушкѣ.
Чернова.	Усть-Тарсминска.
Саранкина.	Бормотова при Тарсьмѣ.
Колычева при сѣв. Унгѣ.	Окуева.
Титова.	Бѣлкина.
Антинина.	Лебедева.
Пинигина при рч. Сѣв. Унгѣ.	Соломина.
Корнилова.	Ишкекова верхняя.
Муручацкая при рч. Муручакѣ.	Каменька нижняя.
Ваганова.	Мостова.
Корчуганска.	Кузнецова.
Бормотова при Истокѣ.	Чащина.
Калтиракѣ.	Каменька верхняя.
Магрушина.	Глубокая при Глубокой.
Гутова при рч. Тарсьмѣ.	Нова-Абышева.
Гагарина.	Федорова.
Каурацка.	Калигина при рч. Мал. Изылы.
Аксенова.	Нова-Изылинска.
Бархотова.	Саламатова при рч. М. Изылы.
Кокуй при Пашенной.	Сухострѣлова.
Боровушка.	Кускова.
С. Сосново.	Шицкая.
Ключевская.	Кусменска.
Лукошкина.	Танакова.
Березова при р. Инѣ.	Русакова.
Коткова.	Тогучинска при Инѣ и Тогучинѣ.
Абышева.	

Кузнецкаго вѣдомства деревни:

Ошмарина.	Арсенова при р. Мунгатѣ.
Атаманова на Томи.	Букина.
Антонова.	Боровская.
Анисимова.	Бедарева.
Аеоиина.	Бурлукова.
Артышкинска при Артышкѣ.	Березова при р. Томи.

Бунгурская при Бунгурѣ.	Колмогорова.
Банкаймская при Инѣ.	Конева.
Боярацка, она-же Миронова.	Колчугина при Инѣ.
Брюханова.	Коровина.
Бѣлова.	Калнина.
Борисова.	Камышлинская при Инѣ и рч.
Бердюгина.	Камыслѣ.
Борочацкая.	Кыргынцева.
Березова при р. Чумышѣ.	Крайнива.
С. Бочацкое.	Кудебакина.
д. Горскина.	Лутчева при Шаранѣ.
Дроченина.	Митина.
Долгополова.	Мерецкая при Инѣ.
Нижи. Дроченина.	Морозова.
Егозова при Егозѣ.	Мухоморова при рч. Касымѣ.
Еремѣева.	Мохова.
Евтина при Инѣ.	Макимова.
Нова-Егозова.	Мунгатскій станецъ.
Зенкова.	Минчеретская.
Звонкова.	Мокроусова.
Ильинское село.	Недорѣзова.
Иганина при рч. Усть-Катѣ.	Нова Протока, она-же Безру-
Ииченкова.	кова.
Иганина при Чумышѣ.	Пучеглазова при Кондомѣ.
Куртукова.	Подабаская.
Калганская.	Поморцова.
Карцова.	Стара-Пестерева.
Козанкова.	Полысаева при Инѣ.
Красулина.	Протопонова.
Карагайлинская при рч. Кара-	Портнягина.
гайлѣ.	Нова-Пестерева.
Котина.	Пафилова.
Костенкова.	Салтыкова.
Калачева.	Семенова при Томи.
Караканская.	Сидорова на Томи.
Коновалова.	Соколова.

Софронова.	Уфияцова.
Сидоренцова.	Урская.
Сапогова.	Устюженина.
Саравская при Увьѣ.	Хмѣлева.
Семенова.	Чичирбаева при Усть-Катѣ.
Тихонова.	Черепанова.
Терешкина.	Черкасова.
Талдинская.	Чесноковска.
Терентьева.	Черданцова.
Рѣкина (?).	Верхъ-Чумынска.
Тарабарина при Инѣ.	Шерабская при Шаранѣ.
Усятская.	Шерохова.
Уронская.	Шибанова при Касьмѣ.
Ушакова.	

БАРНАУЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Барнаульскій уѣздъ начинается выше крѣпости Усть-Каменогорской отъ Китайской границы внизъ по Иртышу до крѣпости Ямышевской (со включеніемъ ея);—отъ крѣпости Ямышевской прямо на большое озеро Кулундинское и посрединѣ онаго на устьѣ рч. Кулунды;—отъ устья Кулунды по лѣвому берегу до ея вершинъ,—отъ оныхъ на вершины рч. Кучюка.—Отъ вершины оной по правому берегу до ея устья;—отъ онаго устья прямо на устьѣ рѣчки Ини. Отъ устья рч. Ини по лѣвому берегу ея до ея вершинъ;—отъ оныхъ вершинъ прямо на вершины рч. Талицы и по правому берегу до ея устья;—отъ устья ея вверхъ по рѣкѣ Бердѣ по лѣвому ея берегу до устья рч. Елбаншъ;—отсюда посрединѣ черни до вершинъ р. Томь-Чумыша;—отъ ея вершинъ по правому ея берегу и по Чумышу до устья Сары-Чумыша;—отъ устья Сары-Чумыша до устья рѣки Пыштылы,—отъ устья Пыштылы до ея вершинъ и до маяка Пыштылинскаго—и отъ онаго по линіи чрезъ маяки Верхъ-Ненинской до форпоста Сандыбскаго. Отъ Сандыбскаго по лѣвому берегу рѣки Бін и посрединѣ Телецкаго озера,—и отъ онаго до Китайской границы по лѣвому берегу рк. Чулышмана, и отъ Чулышмана по Китайской границѣ до рѣки Иртыша.

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ <i>Барнаулъ</i> , въ коемъ имѣется заводъ Барнаульскій.	
Заводы: Новопавловскій.	Ново-Семипалатная.
Алейскій.	Усть-Каменогорская.
Прежде бывшіе заводы: Колыванскій.	Ануйская.
	Катунская.
Шульбинскій.	Війская.
Рудники: Зѣиногорскій, Семеновскій и всѣ находящіяся въ ономъ уѣздѣ рудники и приски.	Форпосты:—Лебажій.
	Семиарскій.
	Долонскій.
Крѣпости:—Ямышевская.	Талицкій.
Старо-Семипалатная.	Шульбинскій.

Убинский.	Нижне-Невинской.
Красноярский.	Курувский.
Ново-Алейский.	Караканский.
Тигирецкий.	Верх-Невинской.
Чарышский.	Пыштылинской.
Казанской Б. Матери.	Редуть Секисовской.
Св. Антонія.	Сверхъ сихъ (военныхъ), непри-
Сандыбский.	писныхъ къ заводамъ селеній, пиль-
Защиты: Бобровская.	ная мельница Линейной команды
Верхъ-Убинская.	при р. Иртышѣ.
Плоская.	
Верхъ-Бѣлорѣцка.	Деревни:
Тулатинска.	Мельнична.
Маралихинская.	Старо-Алейска.
Кабановская.	Екатерининска.
Терская.	Плоская.
Станцы: Черной.	Ново-Алейская.
Подпускной.	Шеманахинская.
Кривой.	Красноярская на Убѣ.
Грачевский.	Убинская.
Черемховой.	Выдриха.
Бѣлый Камень.	Верхъ-Убинска.
Глухой.	Большерѣцкая.
Озерной.	Зевакина.
Пьяно-Ярский.	Березовка.
Барышевский.	Красноярская.
Уваровский.	Секисовка.
Маяки: Ключевский.	Бобровская.
Яровой.	Глубокая.
Сосновский.	Пранорщикова.
Слюденский.	Ульбинская.
Николаевский.	Сколовская усадьба.
Бехтемирской.	Чесноковка.
Новиковской.	Петроавловская при Ануѣ.
Лебязий.	Верхне-Ануйская.
Саклатской.	Иконникова.

Нижне-Чемвровска.
Верхне-Чемвровска.
Марушна.
Ненинска.
Карабинска.
Елцовка.
Аживская при Бѣ.
Пристань Усть-Чарышская.
С. Смоленской Богоматери.
С. Енисейское.

Юрты:

Балгантинскія.

Тастагаевы.
Чумышскія.
Олонцовы.
Таганскія.
Каменскія.
Тарадинскія.
Бедрецкія (?).
Маскны и всѣ выше форпоста
Сандыбскаго по лѣвому берегу рѣ-
ки Бѣ и озера Телецкаго и р.
Чулышману до Китайской границы
кочующіе народы.

Приписныя къ заводамъ вѣдомства Бѣлоярскаго:

С. Бѣлоярская слобода.
Деревни: Баженова.
Баюнова.
Бобровская.
Боравлянская.
Бельмесева.
Барнаульская.
Быкова.
Барсукова.
Безпалова при Чумышѣ.
Боброва.
Безбожна при Чумышѣ.
Бладунова.
Безпалова вверхъ Чумышка.
Боровая.
Бедарева.
Бешенцова.
Болвашкина при оз. Зерцалѣ.
Больше-рѣчинская.
Выползова.
Воронина.
Виданова, она-же Красилова.

Власихина заимка.
Гусельникова при Чумышѣ.
Глушинская при озерѣ.
Гонюшихинска.
Голубцова.
Гонбина.
Глушихинская при Чумышѣ.
Новодраченина.
Данилова.
Дрянная.
Дмитрева.
Думчева.
Дранишниковая.
Драченина старая.
Драченина средняя.
Давыдовъ Логъ.
Евдокимова—Титова.
Еловка.
Ересна.
Елунина.
Жилина.
Зудилова.

Заковряшина.	Китова.
Зайцова.	Кяхта при Сугналаѣ.
Забродина.	Коренева.
Запльвина при Чумышѣ.	Ново-Камышенка.
Залѣсова при Журавлихѣ.	Карганолова.
Зырянова.	Калиновка.
Зубоскалова.	Луговая.
Закурдаева.	Ларионова.
Ирбинская.	Лушниковая.
Инюшева.	Литвинова, она-же Юлибердь.
Нова Инюшева.	Лаврентьева.
Ировская, она-же Усть-Чумыш-
ская.	Легачева.
Казанка.	Мылниковая.
Красилова при Каменкѣ.	Макарова.
Копылова при Оби.	Малахова.
Клюева.	Мартинова.
Климина.	Моношкина.
Косиха.	Ново-Макарова.
Контанна.	Никонова, она-же Шляпова.
Карматская.	Наумова.
Кислуха.	Ногина на Чумышѣ.
Кунгурова.	Огурцова.
Куликова.	Овчинникова.
Кашкарагаиха.	Окулова на р. Чумышѣ.
Крайчикова на Чумышѣ.	Оплеухина на р. Чумышѣ.
Койнова.	Озерная на Тальменскомъ волоку.
Ново-Красилова.	Озерна Титова.
Старо-Красилова.	Переборна.
Средняя-Красилова.	Нова-Пердунова на рч. Таль-
менькѣ.
Крайчикова при Кашкарагаихѣ.	Пустынька.
Большая Кокуйска.	Панфилова.
Малая Кокуйска.	Пещаная.
С. Космалинское, оно-же При-
жимова.	Повалихинская.
д. Китманова.	Погорѣльска на Чумышѣ.
	Старо-Пердунова при Чумышѣ.

Нова-Повалиха.	Усова.
Петрушиха.	Мала-Уксунайская.
Романова.	Фирсова при Лосихѣ.
Разказиха при Оби.	Фунтикова.
Рагозиха.	Филиппова.
Рѣчкунова при Оби и рч. Те- леуткѣ.	Хорькова.
Санникова при рч. Лосихѣ.	Чесноковка.
Сорокина.	Чернопятава.
Совина, она-же Зимина.	Черемна-Подгорная.
Середчиха.	Черемужкина при Талицѣ.
Верхне-Тогульская.	Шилова.
Токарева.	Шадрина при Бобровкѣ.
Таскаева при р. Чумышѣ.	Шиницина на Чумышѣ.
Тарабинска.	Шишкина.
С. Тальменское.	Шадринцова.
д. Тогульская.	Шатунова при р. Крутихѣ.
Талица.	Шмакова.
Больше-Уксунайская.	Шилова при Калманкѣ.
	Язова на Чумышѣ.

Деревни Красноярскаго вѣдомства:

Алейская.	Елбанская.
Усть-Алейская.	Ельцовска.
Ново-Алейская.	Усть-Ермиляхинская.
Буранова.	Журавлихинская.
Буткина.	Зимина.
Безголосова.	Каллистратова на озерѣ Козь- минѣ.
Быкова.	Калманская.
Бестужева.	Красноярская при рч. Чарышѣ.
Бобкова, она-же Калбиха.	Усть-Калманская при Чарышѣ.
Бѣлова.	Защита Кабановская.
Боровая.	С. Кособоково при Чумышѣ.
Бѣлоглазова.	С. Кашино при Алеѣ.
Воробьева.	д. Кабанова.
Ганькина.	Качусова при Чарышѣ.
Гилева.	

Краснощекова.	Самсонова на рч. Самсоновкѣ.
Карнова.	Станецъ Савинскій.
Курьинская.	Тугозвонова.
Красноярская при Алеѣ.	Урючина.
Карбалихинская.	Усть-Инцева.
Каплина зайка.	Фирсова.
Каменка.	Форафонова.
Карагушева.	Хлопунова.
Станецъ Луговскій.	Харлова.
Метелева.	Нова Чакырская.
Маханова.	Усть-Чарышская.
Нечюнаева при Алеѣ.	Чистюньская.
Новая Озерная.	Чюпина.
Паюшева.	Чернодырова.
Станецъ Парфеновскій.	Шипунова при Алеѣ.
Поразиха при Чарышѣ.	Шипунова при Косжалѣ.
Посѣвлиха на рч. Пыстынкѣ.	Широкова.
Серебренникова.	

Деревни Бійскаго вѣдомства:

Быстрый Истокъ.	Луговая при Оби.
Буланиха.	Мартынова.
Больше-рѣцкая.	Мальцова при рч. Бехтемиркѣ.
Бехтемирская.	Новая Орская.
Вяткина.	Пещаная при рч. Пещаной.
Дуплянская, она-же Брагина.	Степной Чумышъ.
Замятина.	Соколова при Оби.
Завьялова.	Салдатова.
Колонкова.	Савинова.
Камчатка.	Верхняя Соколова.
Коломышская.	Тырышкина.
Комарова.	Тогульская.
Клевинова при Оби.	Усятская.
Камышенка.	Угренева Большая.
Легостаева на р. Оби.	Угренева Малая.
Локтева.	

Усть-Ануйская, она-же слобода	Шубенка.
Бѣйская.	Шелегина при Оби.
Ооинская.	Шипунова при Оби.
Черемшанска.	

Часть Малышевскаго вѣдомства, — деревни:

Сулова.	Шарчина при Кулундѣ.
Шипунова при Касмалѣ ниже деревни Островной.	Куликова. Усть-Мосиха при рч. Усть-Мо- сихѣ.
Островная.	Кучукъ.
Займка Шелаболихинская.	Шелаболиха.
Бѣлова при оз. Бѣломъ.	Грамотива.
Панова.	Нова-Обвинцова при Оби.
Клочкова при рч. Боровлянкѣ.	Пещаная при оз. Пещаномъ.
Жаркова.	Боровикова.
Овечкина.	Старо-Обвинцова при Оби.
Вылкова на рч. Кулундѣ.	

Бердскаго вѣдомства деревни:

Карагушева.	Зимовье Ганюшкино.
Кошелева.	Ново-Шмакова.
Лушикова.	Огнева займка.
Анисимова.	Пенкова.
Литвинова.	Барсукова.
Загайнова.	Никонова.
Шмакова.	Краскова.
Плешкова.	Пайвина.
Лиственка при Улыбердѣ.	Маслянина.
Безменова при Тальменкѣ.	Мамонова.
Нова Пяткова.	

БУРЛИНСКІЙ УѢЗДЪ.

Бурлинскій уѣздъ начинается отъ крѣпости Ямышевской прямо на Большое озеро Кулундинское и посредиѣ онаго на устьѣ рч. Кулунды. Отъ устья Кулунды по правому берегу до ея вершинѣ и отъ оныхъ на вершины рч. Кучука. Отъ вершины оной по лѣвому берегу до ея устья;—отъ онаго устья прямо на устьѣ рч. Ини.—Отъ устья Ини по правому берегу до ея вершинѣ. Отъ оныхъ вершинѣ прямо на вершины рч. Талицы и по лѣвому ея берегу до ея устья. Отъ онаго устья вверхъ по рч. Берди по правому берегу до устья рч. Кинтеребѣ;—отъ устья Кинтереба по правому берегу до ея вершинѣ. Отъ оныхъ вершинѣ прямо на вершины рч. Малыя Изылы. Отъ вершинѣ оной по лѣвому берегу до ея устья. Отъ онаго устья внизъ по рч. Инѣ по лѣвому берегу до устья рч. Тугучинѣ. Отъ устья Тугучина по правому берегу до ея вершинѣ. Отъ оныхъ вершинѣ прямо на вершины рч. Бугатакъ. Отъ вершины Бугатака по лѣвому берегу до ея устья. Отъ онаго устья прямо на NW—SO градусовъ на рѣку Омь. Отъ онаго мѣста внизъ по теченію по лѣвому берегу до ея устья (со включеніемъ крѣпости Омской). Отъ устья Оми рѣки вверхъ по Иртышу рѣкѣ по правому берегу до крѣпости Ямышевской (со включеніемъ ея).

Въ оный уѣздъ входятъ нижеслѣдующія селенія:

Городъ <i>Бурлинскъ</i> .	Усть-Тартасскій.
Заводъ Нижне-Сузунскій.	Каинскій.
Крѣпости: Омская.	Каргатскій.
Желѣзницкая.	Станцы: Узко-заОстровскій.
Форпосты: Ачекрской.	Кызылбашскій.
Черлатскій.	Соляной поворотъ.
Ослорыжской.	Татарскій.
Чернорѣтской.	Урю-тюкъ.
Корекоскій.	Пято-Рыжской.

Пещанскій.
Черноярскій.
Под-Стенной.

Деревни:

Бабеева.
Умревинская.
Орской почтовый станецъ.
Орская.
Крутые Лога.
Овчинникова.
Сективская.
Иткульская.
Ярки.
Каякъ при Чулымѣ.
Каргатска Дуброва.
Падунская.
Карганская.
Убинская.
Еланска.
Колмаковская.
Кондусла.
Осиновы Колки.
Карачинская.
Сибирцова.
Тонтура.
Красноярская.
Щербакова.

Синянина.
Хомутинска.
Локоть.
Мало-Зотина.
Сыро-Цятская.
Большая Зотина.
Похабова.
Нова-Хобарова.
Милованова.
С. Покровское.

Юрты:

Абдалицкія.
Мыковскія.
Черномыскія.
Орскія.
Чюлымскія.
Каргатскія.
Карганскія.
Убинскія.
Абышенскія.
Кулчины.
Кызланскія.
Круголь.
Микишкины.
Ебышы.
Тандовскія.
Саргоятскія.

Приписныя къ заводамъ вѣдомства Малышевскаго деревни:

Средне-Алеусская.	Алеусская верхняя.
Автонова.	Бѣлкова.
Алеусская при Алеусѣ.	Боева.
Аллацкая при влад. Аллака въ Обь.	Бѣлопухова при Аллактѣ.
Андропова.	Бѣлкина.
	Батурова.

Бедрина при Бедринкѣ.	Малетина.
Волчья.	Милованова на Оби.
Высока Грива.	Масляшинская.
Гилева при озерѣ.	Усть-Меретская.
Гонохова.	Мезенцова.
Гунина.	Новая Омутная.
Городишенская.	Поротникова.
Горюсталева.	Панкрушиха.
Дресвянка.	Прослоушинская.
Елбанская.	Подойникова.
Зорина.	Пушкарева.
Инская.	Плотникова.
Верхне-Идолова.	Кайлина.
Нижне-Идолова.	Селезнева.
Каргаполова.	Соплячиха.
Каменская при устьѣ рч. Суевки.	Столбовая.
Костылева.	Соколова.
Кырзинская.	Спирина.
Крутининская.	Верхне-Суетинская.
Корнилова.	Верхне-Сузунская.
Киприна.	Нижне-Сузунская.
Каменская нижняя.	Нижне-Суетинская.
Кротова.	Телеутская.
Котлива.	Тараданова.
Кокуй.	Тюменцова.
Конева.	Трубачева.
Карасутская при Лешаковыхъ озерахъ.	Черепанина.
Усть-Лукова.	Верхне-Чингизская.
Лушикова при рч. Сузунѣ.	Нижне-Чингизская.
Слобода Малышевская.	Черемшанская.
д. Молокова.	Чюлымская.
Малышева.	Шандурова.
	Яровская.

Бердскаго вѣдомства деревни:

Атаманова.

Артамонова.

Виткова.	с. Легостаевское.
Бердскій острогъ.	д. Локтевская.
Бѣлова.	Луговая.
Бородавкина.	Лушикова займка.
Бороздина.	Мерозова.
Вылкова при Берди.	Мостовая.
Вянина.	Медвѣцкая.
Гусельникова.	Мильтюшская.
Горевская.	Мышланова.
Гуселетова.	Макарова.
Гилева при Мильтюшѣ.	Маливина при Ирменѣ.
Дурашкина.	Ординская.
Дятлева.	Пичугова.
Дѣвкина.	Понкина.
Верхне-Детлева при рч. Зырянкѣ.	Пиженова.
Дорогина займка.	Петухова.
Еремкина.	Поперешна.
Елунина.	Сусѣдова.
Ельцовская.	Сосновская.
Ересная.	Таскаева при рч. Койнихѣ.
Евсина.	Тальменская.
Елбанская.	Гулинская.
Завьялова.	Темнова.
Заковряшина.	Улыбина при Мильтюшѣ.
Верхне-Ирменска.	Урюпина.
Инская.	Ургуитъ.
с. Ирменское.	Харева, она-же Бурмистрова.
д. Койнова.	Хлопунова при Мильтюшѣ.
Верхне-Кивтеревская.	Харина.
Нижне-Кинтеревская.	Усть-Чѣмская.
Карбыкатская.	Черепанова при Ииѣ.
Карасева.	Чернодырова при Берди и Чер-
Кюенская.	ной.
Верхне-Караканская.	Чунина при Мильтюшѣ.
Козиха.	Чунина при Бердѣ.
Луговая при Ирменскомъ бору.	Шленкова.

Шадрина.	Шарчина.
Шипкова.	Шарина, она-же Кречкунова.
Шатунова при Бердѣ.	Шарабска.
Шигаева.	Шурыгина.
Шипунова при рч. Нижній Су- зунъ.	Ярска, она-же Красноярска.

Вѣдомства Чаусскаго деревни:

Ляшинская.	Кривошапкина.
Анбянская.	С. Кривощеково.
Битоногова (?).	Мало-Кривощеково.
Бозойская.	Криводанова.
Богатанская.	Коткова.
Бунькова.	С. Крохалевское.
Бугой.	Киселева при рч. Оешъ.
Вьюна.	Козина.
Верткова при рч. Бол. Тулѣ.	Киселева при рч. Оми.
Воробьева.	Кичигина.
Вахрушева при Оешъ.	Локтевая.
Воронова при Болотѣ.	Лебедева.
Грязнуха.	Луговая Инская.
Гутова при Оми (?).	Лагунова.
Дубровина.	Луговая Катайцова.
Ересная при рч. Ересной.	Моткова.
Ересная при рч. Тулѣ.	Мочищенская.
Ельцовка.	Мысовская.
Изревинска при рч. Ляшѣ.	Малыгина.
Изревинска при рч. Инѣ.	Маркова.
Усть-Инская.	Мельникова.
Казакова.	Оешъ Малой.
Каменска при рк. Оби.	Оешъ Большой.
Авдыкова.	Овечкина.
Кайлинска.	Паутова.
Канабурская.	Порозская.
Кубавинска.	Прокудукина.
Каменская при рч. Каменкѣ.	Панафидина.

Подволошная.	Умревинскій острогъ.
Пожельцова.	Ушакова.
Погорѣльская при Оми.	Федосова.
Рожнева.	Чилинская.
Соколова.	Чагалинская.
Соскочернова (?).	Черемшанская при рч. Черемшанкѣ.
Скалинская при рч. Скалѣ.	Черепанова.
Сартакова.	Чиковская при рч. Чикю.
Саракулова.	Черемшанка при Бозойскомъ болотѣ.
Сарбалыцкая.	Чаусскій острогъ.
Тамаринская.	Нижнія Чёмы на Оби.
Тропина.	Верхнія Чёмы на Оби.
Толмачева.	Шагалова.
Тырышкина при рч. Оешѣ.	Южина.
Табачникова.	
Верхъ-Туманская.	

Часть вѣдомства Сосновскаго, деревни:

Иксинская при рч. Иксѣ.	Агафонова при рч. Чёмѣ.
Кузнецова.	Чемская, она-же Безгелосова при рч. Чёмѣ.
Калаганова при Инѣ.	Карасева при Киндеребѣ.
Мотъкова при Инѣ.	Елтышева.
Вуготакъ при рч. Вуготакѣ.	Кайлинска при Инѣ.
Канарбурская при рч. Инѣ и Канарбургѣ.	Рожнева.
Изылинская.	Ирбинка.
Чертенкова.	Долгова.
Горевка при рч. Изылахъ.	С. Гутово.
Восина.	Кунгурова.
Долганова.	Черепанова.

Примѣч. Этотъ списокъ былъ присланъ изъ Кольванскаго Областнаго правленія въ Барнаульское Духовное правленіе съ препроводительной бумагой за № 1066 апрѣля 26, 1782 г.

Подлинный подписалъ Борисъ Меллеръ (правитель Кольванской области).